

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-02-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-02-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор — Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Биюшкина Надежда Иосифовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории. государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул.

Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskayae@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejikh@mail.ru

Борисова Нина Александровна – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна – доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна – доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна – доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна – доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. маршала Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abduln Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

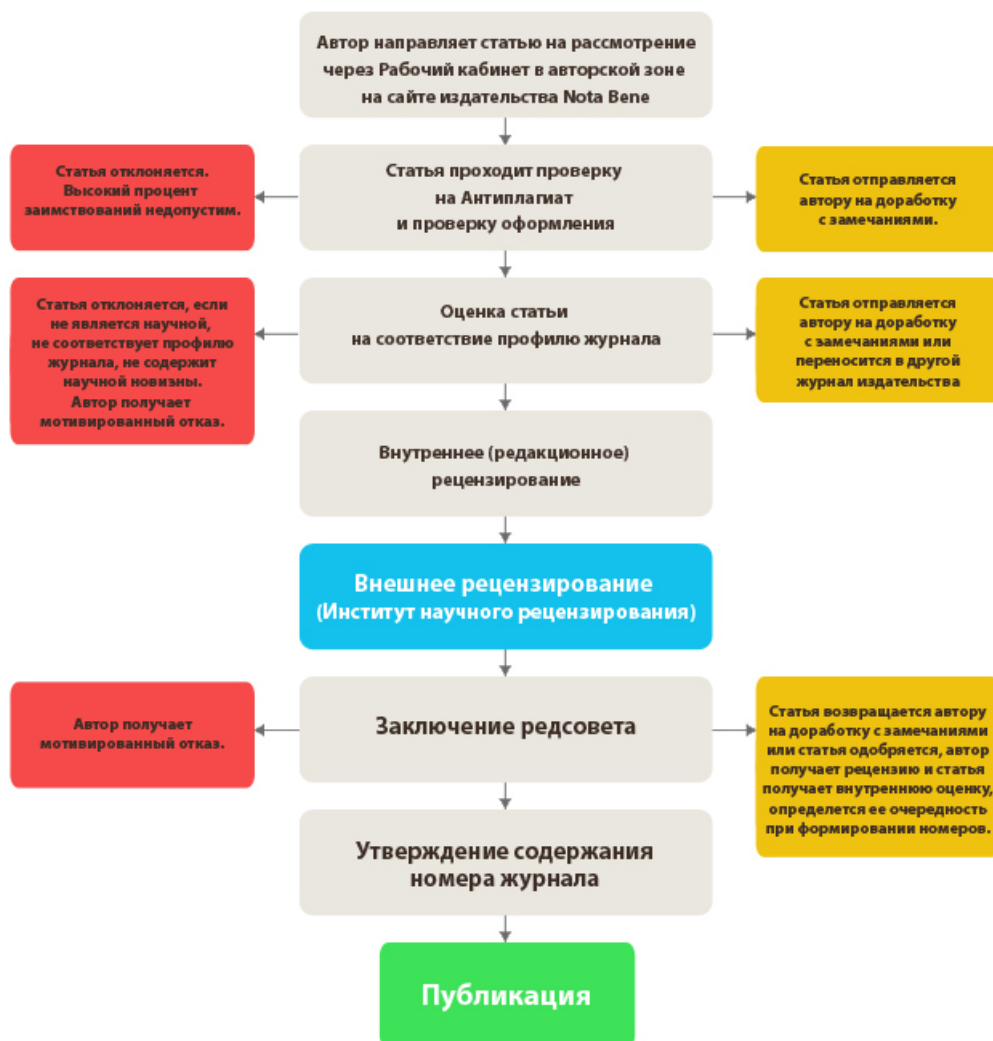
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Петрищева М.В. Формирование образа России в школьных учебниках истории Казахстана как фактор влияния на межгосударственные отношения	1
Адамов А.А., Турова Н.П. Жилище юдинской культуры с городища Русское 1	20
Тарабара Д.О. Возвращение Выборгской губернии в состав «внутренней» России: правовое измерение поиска национальных границ	32
Орчакова Л.Г., Ильмиев Р.И. Доходные дома в Москве на рубеже XIX–XX веков как экономический феномен	45
Полянина О.А. «Одноэтажное» земство: проект К. Н. Пасхалова об упразднении губернских земских учреждений	55
Климашин А.Л., Арсланов Р.А. Образовательная политика Российской империи в Туркестанском крае в зеркале отечественной публицистики конца XIX – начала XX вв.	65
Кондратьев Н.В. Обеспечение лошадьми ополчения Костромы в 1812 г.	80
Англоязычные метаданные	89

Contents

Petrishcheva M.V. The formation of the image of Russia in school textbooks of the history of Kazakhstan as a factor of influence on interstate relations	1
Adamov A.A., Turova N. The dwelling of the Yudinsky culture from the Russian settlement 1	20
Tarabara D.O. The return of Vyborg governorate to the "inner" Russia: the legal dimension of the search for national borders	32
Orchakova L.G., Ilmiev R.I. Income Property in Moscow at the turn of the 19th and 20th centuries as an economic phenomenon	45
Polyanina O.A. "One-story" Zemstvo: K. N. Paskhalov's project on the abolition of provincial zemstvo institutions	55
Klimashin A.L., Arslanov R.A. The educational policy of the Russian Empire in the Turkestan region in the mirror of Russian journalism of the late nineteenth and early twentieth centuries.	65
Kondrat'ev N.V. Supplying the Kostroma militia with horses in 1812	80
Metadata in english	89

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Петрищева М.В. Формирование образа России в школьных учебниках истории Казахстана как фактор влияния на межгосударственные отношения // Genesis: исторические исследования. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.69747 EDN: CAATMJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69747

Формирование образа России в школьных учебниках истории Казахстана как фактор влияния на межгосударственные отношения

Петрищева Мария Владимировна

ORCID: 0009-0003-0092-8554

преподаватель кафедры истории, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, проспект Победы, 13

✉ mariyapetrischeva@bk.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.1.69747

EDN:

CAATMJ

Дата направления статьи в редакцию:

04-02-2024

Дата публикации:

15-01-2025

Аннотация: Предметом данной научной статьи является образ России в школьном курсе истории Казахстана за 7 и 8 классы. В рамках развития гуманитарного сотрудничества сформирована достаточно обширная нормативно-правовая база. Однако, внутренняя политика казахстанских властей, в частности в сфере школьного образования, противоречит официально выбранному курсу. Между тем школьное образование оказывает существенное влияние не только на формирование самосознания народа, но и на межгосударственные отношения в целом. Цель работы – проследить процесс формирования образа России в Казахстанских школьных учебниках и определить его характер. Для этого были взяты несколько учебников старого и нового поколения, проведен анализ того, как информация трансформировалась в зависимости от времени

создания учебника. В качестве основного метода был использован сравнительно-исторический, с помощью которого были сопоставлены учебники разных поколений. Историко-системный метод позволил исследовать учебники истории в контексте международного гуманитарного сотрудничества. Впервые данная проблема была рассмотрена в таком объёме, с учётом влияний на гуманитарную сферу. Анализ учебников позволяет по-новому взглянуть на отношения между Россией и Казахстаном. Установлено, что за исключением некоторых позитивных оценок, которые встречаются в школьном курсе седьмого класса, в казахстанских учебниках образ России представлен в отрицательном ключе. Выявлено, что он со временем менялся исключительно в худшую сторону. Несмотря на официальные заявления Казахстана о том, что Россия чуть ли не один из важнейших партнёров, учащиеся в курсе школьной программы по истории получают негативные сведения о России. Такая тенденция школьного образования в Казахстане отрицательно влияет на отношения с Россией.

Ключевые слова:

Россия, Казахстан, школьный учебник, история, взаимоотношения, гуманитарное сотрудничество, международные отношения, образование, исторический образ, колониализм

Политика Казахстана в отношении России официально направлена в сторону развития гуманитарного сотрудничества (и других видов сотрудничества). В рамках этого процесса сформирована достаточно обширная нормативно-правовая база. Однако внутренняя политика казахстанских властей, в частности в сфере школьного образования, противоречит официально выбранному курсу. Между тем школьное образование оказывает существенное влияние не только на формирование самосознания народа, но и на межгосударственные отношения.

В ходе школьного образования происходит развитие личности, формируется мировоззрение будущих политических деятелей. В результате образ России, который создаётся в школьных учебниках истории Казахстана, влияет на отношения между двумя государствами.

Данная проблема была поднята в 2003 г. в статье «Россия в казахстанских учебниках истории», авторами которой являются Н. Масанов и И. Савин.

Они отмечают, что «новое истолкование» истории взаимоотношений двух государств иногда превращается в массу обвинений в адрес России ^[1]. В статье сообщается, что подобное настроение отразилось на содержании различных школьных программ для средних учебных заведений, а также иной учебной литературы ^[1]. Авторы учебных пособий, в отличие от публицистов, не допускают однобоких суждений, однако толкование роли Российской Федерации в казахстанской истории таково, что в основе стремления установить дипломатические отношения России с Казахстаном лежит не стремление помочь соседу, а корыстный расчёт ^[1].

В научной статье авторы анализировали школьные учебники истории Казахстана. Они приводят в пример учебник Ж. К. Касымбаева «История Казахстана» для 9 класса, который был издан в 1995 г. в Алматы, где говорится о «принятии российского подданства». В данном учебнике, по замечанию авторов, сообщается следующее: «в тот период времени у Казахского ханства не было другого выбора». Изначально

акцентируется внимание на том, что присоединение Казахстана к России носило вынужденный характер. В научной статье также приведен пример, в котором говорится, что принятие российского подданства сыграло свою определенную роль в ограничении джунгарских нашествий на казахские степи, однако это дало возможность царскому правительству колонизировать казахский край [\[1\]](#).

В своей научной статье авторы выделили и положительные моменты. Они пишут, что в учебнике немало страниц, посвященных сотрудничеству России и Казахстана, и отмечают, что образ Российской империи в современных школьных учебниках истории Казахстана достаточно сложный и многогранный.

Масанов Н. и Савин И. пишут, что задача авторов учебных пособий состоит не только в том, чтобы донести до учащихся информацию о прошлых исторических событиях, но и в том, чтобы правильно истолковать их [\[1\]](#).

В 2015 г. в журнале «История и историческая память» опубликована статья А. В. Филиппова «Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах». Внимание уделено тому, как представлен образ России в различных учебниках истории стран СНГ после распада СССР, в том числе и по истории Казахстана.

История Казахстана в школьных учебниках характеризуется как национально-освободительная борьба против России, которая длилась с XVIII вв. до 1990-х гг. [\[2\]](#) Однако автор упускает детали и причинно-следственные связи, из-за которых национально-освободительная война красной нитью проходит через всю историю Казахстана. Статья носит обобщенный характер.

В 2020 г. было опубликовано исследование И. С. Савина «Россия в национальной истории Казахстана и Киргизии: общее и особенное в восприятии молодежи» в журнале «Центральная Евразия», учрежденном институтом востоковедения РАН. На материалах полевых исследований, проведенных в Казахстане и Киргизии, анализируется образ России как важного субъекта национальной истории в восприятии студенческой молодежи двух стран. Возьмем во внимание, что опрашивались студенты разных направлений обучения, для которых история не всегда является профильным предметом, из чего следует, что знания по истории своей страны они в течение многих лет получали в школе. Данное исследование, по словам авторов, проводилось в 2016 г. и 2017 г. в трех городах, два из которых в Казахстане – это Алма-Аты и Петропавловск. В статье респонденты из фокус-группы несколько раз напрямую говорят, что изучали данные исторические события в школе на уроках истории [\[3, с. 39\]](#). Исследование показывает, что образ России у молодых людей из Казахстана довольно спорный: многие отмечают как положительные, так и отрицательные моменты. Однако в статье не рассматривается, на чём конкретно основываются знания респондентов, а также мало внимания уделено школьному этапу образования.

Довольно интересно исследование «От казахской ССР до "независимого" Казахстана: учебник по истории как способ формирования национальной идентичности» В. В. Ключарёвой. Исследование было опубликовано в журнале «Вестник Алтайского государственного педагогического университета» в 2022 г.

Концепция автора построена на сравнении советских школьных учебников по истории Казахской ССР и современных учебников периода «независимого» Казахстана. Автор делает вывод, что для современного школьного курса характерны этноцентризм и героизация истории казахского народа. В научно-образовательной среде Республики

Казахстан транслируются версии о «беспощадной колонизации» казахских степей в дореволюционный период и трагические последствия политики СССР для казахского народа [\[4, с. 97\]](#).

Автор не рассматривает современные учебники подробно. С 1991 г. было издано и переиздано в среднем два – три учебника за каждый класс. На современном этапе важно рассмотреть, как трансформируется преподавание истории в школах Казахстана после 1991 года.

Таким образом, вопросы педагогического характера освещены довольно подробно, в то время как проблема формирования образа России и влияние этого образа на гуманитарные отношения двух государств изучены недостаточно. Тема нуждается в более детальной проработке. Мнения многих авторов недостаточно обоснованы и в определённой степени тенденциозны. Авторы, в особенности современных изданий, склонны видеть в формируемом образе России только отрицательные черты, игнорируя положительные.

Для исследования было взято четыре школьных учебника разных поколений. На их сравнении построено исследование. Часть более ранние, условно они обозначены как старые – это учебники 1990-х, 2000-х и начала 2010-х г. Новые учебники, с которыми велось сравнение, и которые в настоящее время задействованы в учебном процессе – это книги середины и конца 2010-х гг.

Для исследования того, как в школьных учебниках Казахстана изучают историю, были взяты книги за 7 и 8 классы. Такой выбор обусловлен наличием самых первых упоминаний о Российском государстве.

Первый анализируемый школьный учебник - «История средневекового Казахстана» для 7 класса, под авторством С. Жолдасбаева, изданный в 2012 г. издательством «Атамұра». Состоит из 12 глав, 50 параграфов и 232 страниц [\[5\]](#).

Второй учебник - «История Казахстана» для 7 класса, под авторством Н. С. Бакиной и Н. Т. Жанаковой, изданный в 2017 г. издательством «Атамұра». Он включает 9 глав, 57 параграфов и 240 страниц [\[6\]](#). Обе книги утверждены Министерством образования и науки Республики Казахстан.

В учебниках по истории за 7 класс условно старого (2012 г. издания) и нового (2017 г. издания) форматов фрагментарно говорится о взаимоотношениях с территорией Древней Руси, затем с Московским государством.

Упоминание России начинается с темы «Государство огузов». В параграфах говорится о военных союзах и победах, которые принесли пользу и Киевской Руси, и государству Огузов. Союзы характеризуются как довольно успешные и направленные на борьбу с общим врагом – Хазарским каганатом, печенегам, Волжской Булгарией.

Сведения о заключенных военных договорах с Русью везде одинаковые: Киевская Русь представлена как союзник.

Упоминания Русских земель встречаются в параграфах учебников, где говорится про Золотую орду, её внутренние междоусобицы, раскол и образование различных ханств. В старом и новом учебниках за седьмой класс описывается, как Русское государство нанесло сокрушительный удар на Куликовом поле, говорится о нападении хана Тохтамыша и пожаре в Москве, затем о восстановлении уплаты дани Московских князей

[\[6, с. 118; 5, с. 103-104\]](#).

В учебнике за 2012 г. говорится, что после того, как Казанское и Астраханское ханства вошли в состав Российского государства, а в Ногайской орде начался упадок и отделение территорий, часть этих территорий вошли в состав Младшего Жуза. В XVII–XVIII вв. Ногайская Орда состояла в довольно тесных торгово-экономических и политических отношениях с Крымским ханством, Казахским Ханством и Российским государством. В конце XVIII в., после того как пало Крымское ханство, царское российское правительство стало преследовать ногайский народ. Уцелевшая часть народа вынуждена была переселиться в Турцию, на Северный Кавказ, а также на земли Казахстана и Башкортостана [\[5, с. 117-118\]](#).

В параграфе говорится о Сибири и хане Ибаке, который заключал с Иваном III договор о союзе и дружбе, по которому были установлены торговые отношения со многими русскими городами [\[5, с. 118\]](#). Однако в новом учебнике эти исторические события не нашли подробного описания.

Появление Казахского ханства на международной арене относится к правлению Касым Хана. Так, например, в старом учебнике в параграфе 38 «Хан Касым (1511–1518 гг.)» установление дипломатических отношений с азиатскими ханствами, с народами Поволжья, с Россией и Сибирскими ханствами упомянуто кратко, в то время как в новом учебнике даётся более подробная информация о правлении Касым хана. Последовательно раскрывается как происходило расширение территорий ханства военным путем и различными дипломатическими методами. Об этом множество информации содержится в архивах Василия III. Более подробно сказано о взаимоотношениях Казахстана и России, между которыми были установлены первые контакты [\[6, с. 168\]](#).

Учебник сообщает, что и при хане Хакназаре тенденция в сторону укрепления отношений с правителями Московских земель сохраняется. В 1569–1573 гг. в Казахское ханство прибыли русские послы Семен Мальцев и Третьяк Чебуков. Вследствие чего между Казахским ханством и Русским государством были установлены политические отношения и торговые связи.

Во второй половине XVI в. торговые отношения с Казахстаном и Средней Азией налаживали знаменитые русские купцы Строгановы. Иван Грозный выдаёт им грамоту на беспоплатную торговлю с Казахским ханством, а также направляет в Казахское ханство свое посольство с целью заключения военного союза против сибирского хана Кучума. Все это позволяет говорить о прочных дипломатических связях между двумя государствами [\[5, с. 165\]](#). Большая часть данной информации изложена в учебнике старого образца, тогда как в новом сказано коротко о том, что отношения между Казахскими и Московскими землями налаживались и укреплялись [\[6, с. 173\]](#).

В учебнике старого образца, описывающем правление хана, есть отдельный пункт «Взаимоотношения с Русским государством». В параграфе говорится следующее: «Казахско-русские отношения продолжились развиваться в период правления хана Тауекеля. В 1595 г. во главе с Кул-Мухаммедом в Москву к царю Федору Иоанновичу было направлено посольство с целью установить политические отношения между двумя государствами. Второй целью данного визита в Москву было освобождение племянника Ураза-Мухаммеда из русского плена» [\[5, с. 169\]](#), а также прошение об оказании военной помощи в борьбе с ханом Абдаллахом.

Русское государство просило начать борьбу с Бухарским и Сибирским ханствами и отдать в плен одного из сыновей хана. Договоренности достигнуты не были, и, как указывает учебник, всяческие политические отношения были прерваны, но это не повлияло на караванную торговлю, которая продолжала развиваться.

Важным событием, которое повлияло на ход развития Казахстана, стало присоединение Сибирского ханства к Русским землям. Казахские племена, находившиеся в составе Сибирского ханства, перешли в Состав Казахского ханства.

В учебнике нового образца информация по этим событиям дана в сжатой форме, но есть более конкретные описания. Например, что русское государство соглашалось дать «огненного бою» [\[6, с. 176\]](#) (огнестрельное оружие), но без еще какой-либо поддержки.

В следующих параграфах описывается приезд посла А. Аталыкова от хана Теуке с целью заключения соглашений по торговым отношениям. Дело в том, что конец XVII в., на который приходится эти события, связан с угрозой джунгарского вторжения. Это время наиболее тесных отношений России и Казахстана. Джунгары теснили племена казахов, в связи с чем они переселялись на приграничные территории, где сталкивались интересы русских, казахов и джунгар. И рассказ про хана Тауке, что в старом, что в новом учебниках, связан с налаживанием отношений с Русским государством, постоянными дипломатическими миссиями и развитием взаимной торговли.

В старом учебнике в 50 параграфе по теме «Исторические труды XVI-XVII вв.» упоминается русский царь Борис Годунов. Мы находим замечание о том, что казахский летописец и государственный деятель Кадыргали Косымули Жалаири написал «Сборник летописей», находясь в русском плену и, в качестве знака дружбы, передал свои труды русскому царю Борису Годунову [\[5, с. 204\]](#).

В современном учебнике в 57 параграфе по теме «Историческая литература XVI-XVII вв.» также есть данная информация [\[6, с. 222\]](#).

Кадыргали Жалаири с огромным уважением отзываясь о Борисе Годунове и при описании русского царя использует красивые художественные образы, такие как горы, моря, облака.

В казахстанских учебниках за 8 класс больше информации, посвященной отношениям Казахстана и России. В основном, это связано с присоединением территорий Казахстана к Российской империи.

Существует три учебника за 8 класс. Первый из них - «История Казахстана» автора Д. Бабаева, изданный в 1992 г. издательством «Рауан», содержит 3 главы, 51 параграф и 173 страницы. Программа этого учебника идентична современному, но за 7 класс [\[7\]](#). Вторым учебником - «История Казахстана (XVIII в. – 1914 г.)» для 8 класса под авторством Ж. К. Касымбаева, изданный в 2012 г. издательством «Мектеп», состоит из 7 глав, 40 параграфов и 256 страниц [\[8\]](#). Третий учебник - «История Казахстана (XVIII–XIX вв.)» для 8 класса, составлен авторами З. Е. Кабульдиновым, Ж. Н. Калиевым, А. Т. Бейсембаевой, выпущен в 2018 г. издательством «Атамұра» и включает 6 глав, 54 параграфа и 208 страниц [\[9\]](#). Все три учебника утверждены Министерством образования и науки Республики Казахстан.

В учебнике за 2012 г. сказано, что продолжительные дипломатические связи и транзитная торговля русских купцов через казахские степи с Хивой и Бухарой

подготовили почву для присоединения Казахстана. Для поддержания этих связей строились опорные пункты и крепости, что способствовало вытеснению некоторых местных племён к югу, тем самым ослабив напор на границы России [\[8, с. 5-7\]](#).

Сведения в учебнике 2012 г. достаточно противоречивы. С одной стороны, идёт рассказ о процессе налаживания дипломатических отношений и торговых связей, с другой - о вытеснении коренных народов и строительстве военных крепостей.

Борьба с джунгарами - это та тема, с которой начинается описание неоднозначного процесса вхождения Казахстана в состав России. Это вхождение в равной степени волнует историков Казахстана и России.

Старый учебник более подробно описывает эту тему. Относительно Джунгарского ханства автор учебника 2012 г. апеллирует к тому, что Россия, как и Казахское ханство, видела реальную угрозу в нападениях. Авторы учебника за 2018 г. иначе интерпретируют эти события: в XVIII веке по причине внутренних междоусобиц на Казахстан обратили внимание мировые державы. Россия, в частности, была заинтересована в Казахском ханстве и Центральной Азии. Главной политической целью России были военно-разведывательные акции, в связи с чем были построены военные крепости. Все эти мероприятия преследовали главную цель - ослабление и Казахского ханства, и Джунгарии.

В учебнике 2012 г. говорится, что Казахское государство в XVIII веке раздирали внутренние междоусобицы, и ему угрожали силы извне. Единственной страной, которая могла оказать поддержку, была Российская империя. Цель обращения хана Абулхаира к русскому правительству заключалась в том, чтобы прекратить набеги подданных народов Российской империи - волжских калмыков и башкир. А также хан преследовал свои личные цели в укреплении единоличной власти, борясь с Чингизидами. Однако самыми главными целями были выстраивание дипломатических отношений с Россией и организация отпора джунгарскому нашествию.

В учебнике 2012 г. освещаются плюсы и минусы процесса присоединения Младшего жуза для Казахстана и для Российской империи. Благодаря принятию подданства значительно сократились набеги джунгар на казахские степи. В то же время влияние России не ощущал на себе Средний жуз и те регионы, которые примыкали к Хивинскому ханству. Из негативных последствий автор выделяет то, что русское правительство использовало внутренние междоусобицы для осуществления своей азиатской политики, которая заключалась в продвижении русских вглубь среднеазиатского региона и строительстве военных пунктов. Присоединение Младшего жуза дало возможность русским проводить политику колонизации казахских земель. В учебнике по данной теме складывается противоречивое мнение о России, информация дана однобоко.

В учебнике за 2018 г. причины присоединения и обстановка перед этим событием объясняются более многогранно. В начале XVIII века в укреплении взаимоотношений были заинтересованы оба государства. Для Казахстана такой союз был необходим, чтобы решить проблему с постоянными набегами джунгар. У России, в свою очередь, было несколько причин. Во-первых, присоединенные территории могли послужить трамплином для проникновения в Центральную Азию, Индию и Афганистан. Во-вторых, Казахстан мог послужить рынком сбыта. И в-третьих, вся эта территория в дальнейшем могла быть источником сырья и полезных ископаемых [\[9, с. 25-26\]](#).

Авторы учебника снова обращаются к строительству пограничных крепостей,

рассказывая, что их основание русскими для джунгарских правителей объяснялось как возведение оборонительных сооружений и редутов для защиты от казахских набегов, а казахам, напротив, говорилось, что укрепления эти предназначены для защиты от джунгар. В действительности эта манипуляция позволила присоединить даже те казахские земли, которые находились под властью джунгар.

Хитрый политический ход русского правительства заключался в частых дипломатических миссиях в казахские степи.

В 9-10 параграфах учебника содержится информация о присоединении Младшего жуза к Российской империи. Изложение этого процесса идентично тому, что описано в учебнике 2012 г. Отличие есть только в процессе подписания документов о подданстве, которые были привезены в казахские степи вместе с посольством, возглавляемым А. И. Тевкелевым. В учебнике нового образца говорится, что верхушка казахской знати отказывалась заключать подобный договор, упоминаются попытки сорвать переговоры и убить русских послов, но они были под защитой сына Абулхаир хана, Нуралы.

Согласно учебнику 2018 г. издания, задачей русского посольства было любой ценой склонить верхушку казахской знати к принятию российского подданства. Фактически российское правительство разрешило использовать подкуп [\[8, с. 18\]](#).

В параграфе говорится о том, что после вхождения Младшего жуза в состав России Абулхаир начал стремительно терять свой авторитет. Его надежды не оправдались: конфликты казахов с калмыками, башкирами и казаками продолжались, а Россия не оказывала помощь в войне с джунгарами [\[9, с. 30-33\]](#).

Подчеркивая что, пытаясь присоединить новые территории, Россия сталкивалась с сопротивлением казахских правителей, что вскоре привело к противостоянию двух государств. Казахский народ делал всё возможное, чтобы остановить колониальную экспансию России [\[9, с. 27-28\]](#).

В учебнике 2012 г. после темы о процессе вхождения казахских земель в состав Российской империи отдельный параграф посвящен экономическому развитию Казахского ханства, включающее три различные отрасли – торговля, строительство крепостей и земельный вопрос. Параграф, связанный с экономическим развитием, отсутствует в учебнике нового образца 2018 г.

В первом пункте говорится о том, что в середине 40-х – начале 50-х гг., в ханстве в результате строительства возникла целая линия укреплений. После падения Джунгарского ханства построенные укрепления стали опорными пунктами для колонизации казахской степи [\[8, с. 27\]](#). Данная линия занимала плодородные земли, а также пастбищные угодья казахов. Из-за этого скотоводству казахов был нанесен урон, и коренное население было вынуждено мигрировать в южные районы [\[8, с. 27-28\]](#).

В пункте, посвященном теме торговых отношений, есть информация о том, что после падения Джунгарского ханства торговля между казахами и русскими стала постепенно налаживаться. Этот процесс шел медленно из-за сокращения маршрутов кочевий казахских родов, колонизации Младшего жуза и угона скота калмыками и казаками. Некоторая верхушка казахской знати все еще отказывалась принимать российское подданство [\[8, с. 28\]](#).

60-е г. XVIII в. – период подъема казахско-русских торговых отношений. Активно

развивалась торговля в крепостях, росло число казахов, занимающихся торговлей в приграничных укреплениях. Россия была весьма заинтересована в торговле с казахами, поэтому в крепостях были построены мечети, а по просьбе купцов была расширена площадь караван-сараев. Однако Россия вела политику протекционизма, ограничивая ввоз товаров производимых в Казахстане [\[8, с. 27-28\]](#).

В третьем пункте рассматривается политика в земельном вопросе, которая определяется как колониальная. Сказано, что в 50–60-х гг. XVIII в. царское правительство, желая усилить зависимость Казахского ханства, проводило специальную политику. Создание казачьих войск, изъятие кочевий коренного населения казахской степи, а также строительство военно-опорных укреплений только усиливали колониальные позиции России в регионе. Цель царского правительства – вытеснение казахов с их родовых кочевий и заселение освободившейся территории казаками.

Реализация этих действий заключалась в том, что 2 сентября 1756 г. оренбургская администрация запретила казахам кочевать и пасти свой скот на правом берегу р. Урал. Казаки уже поделили между собой земли по нижнему течению Урала, и самые плодородные и богатые оказались в руках русских помещиков Юсупова и Безбородко.

Несмотря на колонизацию казахских земель, торговые отношения с Россией и другими государствами, только набирали оборот. Политика Российской империи, результатом которой было сужение кочевий казахов, положила начало аграрному завоеванию Казахстана [\[8, с. 29-31\]](#).

В учебнике 2018 г. издания отсутствует параграф, связанный с экономическим развитием казахских земель. В старом учебнике, с одной стороны, авторы многократно используют термин «колонизация», «колониализм» по отношению к политике русских, приводя в пример решения администраций по изъятию казахских кочевий по берегу Яика и Иртыша в пользу казачества. Негативное влияние оказывает и казахская сторона, в которой элиты сопротивлялись процессу установления крепких связей с русским государством.

Следующие параграфы посвящены нескольким восстаниям. В старом учебнике присутствует целый параграф «Участие казахов в крестьянской войне (1773–1775 г.) под предводительством Е. И. Пугачева». Это была совместная борьба населения против гнета помещиков и феодалов, что стало предпосылкой для вовлечения в борьбу против царизма казахских шаруа (категория зависимых скотоводов и земледельцев в казахском феодальном обществе), которые испытывали на себе колониальную зависимость от Российской империи. Основной причиной участия казахов в крестьянской войне был запрет кочевать на правый берег р. Урал. В 1742 г. казахи выдвинули требование снять данный запрет, но получили отказ. Е. И. Пугачев и его приближенные, конечно, были в курсе ситуации и пользовались таким положением казахов [\[8, с. 41-42\]](#). И только в 1756 г. казахам было разрешено временно кочевать на правый берег р. Урала [\[8, с. 41-43\]](#).

Подавив крестьянское восстание, царизм не остановился и продолжил реализовывать свою колониальную политику. Последовала реакция казахского народа, что вылилось в восстание под предводительством Сырым Датова [\[8, с. 47-48\]](#).

В конце XVIII в. новым губернатором Оренбургской губернии был назначен О. А. Игельстром. При поддержке Екатерины II Игельстром решил разрушить ханскую власть изнутри [\[8, с. 50\]](#). Он был наделен большими полномочиями, поскольку ему подчинялось Уральское казачество, постоянно расширявшее свою территорию за счет захвата новых

земель. Бесчинство казаков было одной из причин восстания [\[8, с. 51\]](#).

Царское правительство использовало раскол среди казахской верхушки и ликвидировало ханскую власть, а также ввело новую систему управления, автором которой был О. А. Игельстром. По его плану власть в Младшем жузе находилась в руках Пограничного суда [\[8, с. 55\]](#).

В современном учебнике восстанию также посвящены отдельные параграфы. В 19–20 параграфах по теме «Национально-освободительное движение 1783–1797 гг. под руководством Сырыма Датұлы». «Популярный в народе батыр рода байбакты Сырым Датұлы» восхваляется в учебнике как национальный лидер [\[9, с. 66\]](#).

Авторы учебника связывают подавление восстания Е. Пугачева и события, которые произошли в Казахстане в это время. Царская власть только усилила давление на Младший жуз, в результате чего вновь вспыхнуло восстание против царизма.

В отличие от старого учебника, здесь более подробно раскрывается суть предложений по реорганизации ханского правления. Однако реформу Игельстрёма, как сообщает учебник, ханская верхушка восприняла в штыки [\[9, с. 67-68\]](#).

Исходя из имеющейся информации в учебниках двух поколений, можно сделать вывод, что Российская империя представляется как колониальная держава. Империя отбирала лучшие земли, казахский народ терпел произвол от царского правительства, которое пыталось ликвидировать ханскую власть в Младшем жузе.

Более подробно ликвидация ханской власти рассматривается в одноименном параграфе старого учебника. Автор пишет, что политическое влияние России только увеличивалось. Царское правительство продолжало захватывать новые казахские земли, проводило свои реформы и продолжало развивать торговлю, что только укрепляло положение России [\[8, с. 71\]](#).

Развитие казахско-русской торговли совместно с процессом развития политической зависимости от Российской империи открывало путь для поэтапного приспособления хозяйства Казахстана к нуждам экономического развития России. Хозяйственная обособленность аула стала постепенно исчезать. Это было выгодно царской России, а меры, которые предпринимало правительство, только расширяли сферу его влияния.

В 1822 г. был принят «Устав о сибирских киргизах», направленный на изменение политического статуса казахских земель [\[8, с. 71-72\]](#). Он был создан под контролем М. М. Сперанского. Цель этого документа – ликвидировать политическую систему и изменить территориальное, административное и судебное управление на северо-востоке Казахстана [\[8, с. 73\]](#).

К положительным моментам, которые есть в «Уставе», относятся отмена рабства, реформы образования и здравоохранения. Благодаря «Уставу о сибирских киргизах», были созданы условия для развития торговых отношений между Россией и Казахстаном. В документе говорилось о достаточно широких правах казахов: они могли торговать своим скотом на русском рынке, караванная торговля только поощрялась.

Устав 1822 г. оказал влияние на социально-экономическое развитие Казахстана, хотя и старые порядки казахской степи в какой-то мере сохранились. Новый закон усилил политическую и юридическую колонизацию Казахского ханства. Султаны, а также

потомки великих ханов, превратились в чиновников. Ханская система правления была уничтожена, и были образованы органы колониальных властей [\[8, с. 76\]](#).

Казахское общество Младшего жуза восприняло в штыки административно-политические реформы, так как они ограничивали власть аристократической прослойки. В нее входили султаны, которые стояли за сохранение уже установившихся порядков [\[8, с. 76–78\]](#).

Согласно «Уставу об оренбургских казахах» планировалось назначение в Младший жуз трех ханов, но такое предложение сразу не приняли. Только в 1824 г. на Азиатском комитете его утвердили. После этого хан Шергазы отправился в Оренбург, где был принят на службу. Таким образом, в 1824 г. ханская власть на территории Младшего жуза была ликвидирована [\[8, с. 78\]](#).

Новый учебник более последовательно разбирает причины административных реформ:

- ханская власть в жузах была препятствием для колонизации Казахстана;
- правители жузов очернили себя в глазах казахского народа;
- часть казахской верхушки, которая относилась к чингизидам, все чаще выступала против царского правительства;
- после окончания Отечественной войны 1812 г. в руках царского правительства были все необходимые ресурсы, чтобы завершить процесс колонизации Казахского ханства [\[9, с. 72\]](#).

В современном учебнике, также как и в старом, говорится, что в 1822 г. М. М. Сперанский разработал «Устав о сибирских киргизах». Главной целью этой реформы было уничтожить ханскую власть в Среднем жузе. По цели и содержанию «Устав» был связан с политикой, направленной на присоединение северо-восточных районов Казахстана [\[9, с. 76\]](#).

В учебнике также сказано и про «Устав об оренбургских киргизах». Автор пишет, что отмена ханской власти в Среднем жузе несколько облегчила процесс в Младшем жузе [\[9, с. 76\]](#).

В параграфе указано, что данные реформы имели негативные последствия. Жузы потеряли свою самостоятельность, и Казахское ханство стало превращаться в колонию России. Новые правила ограничили свободу кочевий, поэтому скотоводство пришло в упадок. Однако были и положительные последствия – развивались торговля, здравоохранение и образование. Теперь выходцы из Российской империи не имели права жить на землях Казахстана.

В параграфах, с одной стороны говорится о том, что реформы, которые проводила Российская империя, принесли пользу Казахскому ханству, но с другой - эти реформы лишили Казахское ханство независимости, сделали казахскую верхушку царскими чиновниками, а также привели к упадку традиционного хозяйства. Можно сделать вывод, что взгляд на Россию по данному вопросу не однозначный. Авторы учебников выделяют как плюсы, так и минусы административного реформирования.

Следующий параграф в старом учебнике посвящен теме «Освободительная борьба (1836–1838 г.) под предводительством Исатая Тайманова и Мухамбета Утемисова». Автор высказывает замечание о том, что уральские казаки и местные царские чиновники

запрещали казахскому народу пасти скот и ловить рыбу. В 1818 г. был издан указ, согласно которому казахам запрещалось переселяться в Букеевскую Орду [\[8, с. 87\]](#). Отмечается, что восстание Исатая Тайманова и Мухамбета Утемисова было направлено не только против царского правительства, но и против гнета со стороны Жангир хана [\[8, с. 99\]](#).

В новом учебнике, так же как и в старом, говорится, что восстание одновременно было направлено против царизма и ханской власти [\[9, с. 88\]](#).

В тексте параграфа «Присоединение Старшего жуза к России» есть информация о том, что в XVIII – начале XIX в. большая часть территории Младшего и Среднего жузов находилось в составе Российской империи, но оставались еще казахские земли, которые не подчинялись царскому правительству. Некоторые казахские роды зимовали в хивинских и кокандских владениях, а летом кочевали в те районы, которые подчинялись Российской империи. Среднеазиатские ханства и Российская империя пытались извлечь из этого свою выгоду.

Южный Казахстан и Семиречье активно сотрудничали с пограничными районами Российской империи – поддерживали политические и торговые отношения. Каждый год наблюдался рост объема поставок зерна и промышленных товаров в данные регионы Казахского ханства. Это повышало доверие к Российской империи. В учебнике также сказано, что в 1817 г. султан Суюк Абылаев и казахские роды, которые были ему подвластны, заявили о своем желании принять российское подданство. Таким образом на территории Семиречья установилась власть Российской империи, и эти земли вошли в состав России [\[8, с. 125\]](#).

В современном учебнике автор пишет и о том, что во второй половине XIX в. в Российской империи произошел бурный подъем промышленности и торговли, поэтому возникла потребность в сырье, рынках сбыта и рабочей силе. Следовательно, возросло значение Семиречья и Южного Казахстана для Российской империи [\[9, с. 105\]](#). Часть населения Семиречья и Южного Казахстана приняло российское подданство. Этому были следующие причины:

- казахи часто подвергались нападениям со стороны центральноазиатских ханств;
- казахи были заинтересованы в развитии торговых отношений с Российской империей;
- в данных регионах не было единства.

Все эти причины создавали ту обстановку, которая была благоприятна для колонизации края царским правительством [\[9, с. 105\]](#).

Отметим, что царизм, по мнению автора нового учебника, также преследовал свои собственные цели:

- необходимо было устранить султанов и батыров Среднего и Младшего жузов;
- Российская империя хотела установить границы и контакты с Китаем;
- укрепление царизма в Старшем жузе было связано с необходимостью продвижения на территорию центральноазиатских государств [\[9, с. 106\]](#).

И в старом, и новом учебниках, с одной стороны говорится о добровольном принятии

русского подданства и о выгоде торговых отношений. С другой же стороны, вновь сказано о колонизации края. При этом, присутствует противоречивая информация. В старом учебнике говорится, что казахские роды зимовали в хивинском и кокандском ханствах, а летом кочевали во владениях Младшего и Среднего жузов. В новом учебнике сказано, что хивинское и кокандское ханства совершали набеги на территории Старшего жуза, что служило одной из причин вхождения этого жуза в состав Российской империи.

Административно-территориальные реформы второй половины XIX в. выглядели следующим образом: «Вся казахская территория делилась на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. Военная и гражданская власть сосредоточивалась в руках генерал-губернатора. Каждое генерал-губернаторство делилось на области. Уральская и Тургайская области относились к Оренбургскому, Акмолинская и Семипалатинская — к Западно-Сибирскому, Семиреченская и Сырдарьинская — к Туркестанскому генерал-губернаторствам» [\[8, с. 149\]](#).

В старом учебнике автор говорит, что реформы, проводимые царским правительством в 1867–1868 гг., не могли решить все те противоречия, которые на тот момент существовали, но они оказали влияние на социально-экономическое развитие Казахстана.

Повседневная жизнь казахского народа изменилась. Социальное расслоение жителей аула усилилось, началось формирование жатачества, объединившиеся казахи уходили на заработки в прилинейные поселки, города, а также на первые промышленные предприятия [\[8, с. 152\]](#).

В современном учебнике по теме административно-территориальных реформ также говорится, что они носили колониальный характер, что стало окончательным доказательством полного присоединения Казахстана к России. После того, как султанское сословие лишили права управления краем, казахский народ превратился в бесправную массу. Были уничтожены остатки казахской государственности [\[9, с. 118–119\]](#).

Однако сказано, что строились новые города и железные дороги, началось пароходное сообщение по Иртышу. Появлялись школы светского типа, развивалось здравоохранение. Всё это относится к положительным последствиям реформирования [\[9, с. 119\]](#).

В старом учебнике говорится об отрицательных последствиях проводимых реформ. В современном же учебнике указано, что царские реформы лишили казахов лучших земель, пастбищ и государственности. Однако благодаря проводимым реформам, улучшилась социальная среда проживания казахов.

«Экономическое развитие Казахстана во второй половине XIX в.» - следующая рассматриваемая тема в старом учебнике. По мнению авторов, отмена крепостного права в Российской империи способствовала переселению русских крестьян в восточные районы Казахстана [\[8, с. 158\]](#). У коренного населения забирали землю и отдавали русским переселенцам. Это привело к ухудшению скотоводства. Так, например, в 1855–1893 гг. у казахского населения Акмолинской области было изъято 250 тыс. десятин земли для 11 тыс. русских переселенцев. В Семипалатинской области у казахского населения отняли около 33 тыс. десятин земли [\[8, с. 159\]](#).

Отмечается, что для дальнейшей колонизации Казахстана в 1855 г. была отправлена экспедиция под руководством Ф. А. Щербина. Цель экспедиции – найти плодородные земли для изъятия. Было изучено восемь уездов, в результате большая часть земель была изъята и передана в распоряжение царского правительства [\[8, с. 159\]](#). В середине XIX в. начинается распространение земледелия и оседлого образа жизни, что нарушило привычный уклад жизни казахов.

Автор пишет, что в 30–50-х гг. XIX в. были найдены районы с богатыми природными ресурсами, в результате чего с каждым годом только увеличивалась добыча таких полезных ископаемых, как уголь, руда, свинец и соль, а уже с 60-х г. XIX в. русские промышленники начали вкладываться в развитие промышленности в Казахстане [\[8, с. 162\]](#).

Новые рыночные отношения оказывали влияние на объем, содержание и виды торговли. Были расширены хозяйственные связи и товарообмен между Российской империей и Казахстаном [\[8, с. 164\]](#). Влияние на развитие казахско-русских торговых связей оказывали и ярмарки. К началу XX в. в Казахстане уже было построено 19 новых городов.

В современном учебнике говорится, что после того, как император России Александр II в 1861 г. отменил крепостное право, большая часть крепостных крестьян стали безземельными или малоземельными. В Казахстане с помощью русских переселенцев царское правительство хотело принудить казахское население к оседлому образу жизни, а также христианизировать и русифицировать. Русская администрация планировала превратить Казахстан в хлебный край [\[9, с. 128\]](#).

В старом учебнике одновременно говорится и о массовом изъятии земель у казахского населения, и о том, что с переселением русских крестьян в казахском крае начинают развиваться торговля и промышленность, открываются банки. В современном учебнике в параграфе о крестьянском переселении оценка однозначно негативная: Россия здесь обвиняется в массовом изъятии плодородных казахских земель.

Подведём итоги. В старом и новом учебниках за седьмой класс взгляды на события, связанные с Россией, примерно совпадают, однако есть некоторые отличия. В новом учебнике информация даётся либо сжато, либо, в силу разного строения учебников, расширено, но события описаны в других частях учебника. Например, в учебнике за 2012 г. информация даётся развернуто, есть упоминание о сибирском хане Ибаке, который заключал торговые договоры с Иваном III, дана информация про установление связей и взаимном обмене посольствами Казахского и Русского государств в XVI в. При Иване Грозном торговые связи устанавливали купцы Строгановы, которым выдана грамота на беспошлинную торговлю – в новом учебнике об этом ничего не сказано.

Помимо некоторых отличий есть значительные схожие события. Например, в двух учебниках говорится о литературном произведении, которое было написано Кадыргали Жалаири о русском царе Борисе Годунове.

Если в учебниках за 7 класс у авторов примерно идентичное отношение к основным событиям, а Россия показана в основном как союзник и партнер, то в программе 8 класса положительных оценок становится меньше, а негативные – возрастают.

С 8 класса начинается рассказ о присоединении Младшего жуза к Российской империи. В старом учебнике говорится, что Джунгария угрожала как Казахстану, так и России, в

то время как новый учебник говорит лишь о том, что Россия воспользовалась слабостью Казахстана из-за войны с джунгарами, чтобы расширить территории на юге страны, а никакой опасности от Джунгарии Россия не ощущала. В старом учебнике события, связанные со вступлением казахов в русское подданство, описаны в основном как негативные, с пометкой, что такие действия были необходимы, а Россия, в свою очередь, вела обещанную политику по охране территорий жуза от набегов разных народов. В новом учебнике Россия представлена как кровожадный эксплуататор новых земель и народа – «В мировой истории практически нет случаев добровольного отказа от государственности», говорится в учебнике [\[9, с. 31\]](#). И последствия вхождения в состав России были исключительно негативными: «Принятие российского подданства частью казахов Младшего и Среднего жузов имело свои, в дальнейшем углубляющиеся негативные последствия» [\[9, с. 33\]](#).

В новом учебнике восстание Пугачева и участие в нём казахов не зафиксировано, однако восстание Сырым Датова отражено. В двух учебниках практически одинаково раскрываются причины этого события - они сводятся к реорганизации ханской власти в результате создания и претворения в жизнь двух уставов о сибирских киргизах и об оренбургских казахах. Что касается освободительной борьбы Исатая Тайманова и Мухамбета Утемисова, то в новом учебнике, напротив, акцент сделан на том, что эта освободительная борьба была больше не с Россией, а с ханом Жангиром. Относительно этого события авторы нового учебника более лояльны к России.

Процесс вхождения Старшего жуза в состав Российской империи описывается авторами обоих учебников как история колонизации казахских земель. Причем если в старом учебнике этот процесс обозначен с положительной и отрицательной стороны, то новый учебник говорит только про эксплуатацию и колониальные захваты со стороны России. Приводя в пример святыню - мавзолей Ходжи Ахмеда Ясауи, который подвергся обстрелу.

Начало XIX в. связано с Отечественной войной 1812 г. В старом учебнике отдельный параграф посвящен участию казахов в этой войне и внутренним процессам на территории Казахстана в это время [\[8, с. 80-84\]](#). Новый учебник не упоминает это событие, а термин «Отечественная война» используется только лишь для обозначения борьбы с джунгарами.

Вторая половина XIX в. - время административного реформирования территории Казахской степи. В рамках реформы вся территория делилась на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Оренбургское и Западно-Сибирское. В двух учебниках это событие показано как колонизация территорий Россией, однако ни в одном учебнике не отрицается, что благодаря этой реформе улучшились дорожная и железнодорожная сети, началось строительство светских школ, улучшилось здравоохранение и торговые отношения.

В старом и новом учебниках однозначно высказано мнение о том, что после крестьянской реформы усилилась колонизация казахстанских земель. Два учебника сходятся во мнении, что данная политика ухудшила положение местных жителей, нарушила кочевья коренного населения, а также лишила их плодородных земель. В новом учебнике процесс строительства железной дороги связан с выселением коренного населения и изъятием земель [\[9, с. 129\]](#). В старом учебнике о строительстве железнодорожной сети говорится только в положительном ключе, как о совершенствовании транспортной сети и налаживании торговых связей с Россией и

Китаем [\[8, с. 162, с. 170\]](#).

Таким образом, за исключением нескольких положительных моментов отраженных в школьном курсе седьмого класса, образ России носит негативный характер. При этом он эволюционирует в сторону откровенного очернения. Такая политика школьного образования в Казахстане отрицательно влияет на отношения с Россией. Несмотря на высказывания представителей правящих кругов о том, что Россия чуть ли не один из главных и важных партнёров Казахстана, учащиеся в школах Республики получают противоположные установки. Они узнают о том, что Россия насильственно присоединяла земли, колонизировала Казахстан, нарушала традиционные пути кочевья и подавляла множество национально-освободительных восстаний. Отчётливо формируется образ не союзника, а врага.

Библиография

1. Масанов Н., Савин И. Россия в казахских учебниках истории // Мир истории. 2004. № 1. С. 49-55. URL: http://www.history.krsu.edu.kg/index.php?id=211&limit=1&option=com_content&task=view&limitstart=1. (дата обращения: 15.11.2023)
2. Филиппов А.В. Школьная История и общественное мнение в постсоветских странах // История и историческая память. 2015. №12. С. 44-62 URL: <https://clck.ru/37vikq> (дата обращения: 09.01.2024).
3. Савин, И. С. Россия в национальной истории Казахстана и Киргизии: общее и особенное в восприятии молодежи // Центральная Евразия. 2020. № 1(4). С. 27-50. DOI: 10.31696/2618-7051-2020-1-27-50
4. Ключарёва, В. В. От Казахской ССР до «независимого» Казахстана: учебник по истории как способ формирования национальной идентичности // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2022. № 2(51). С. 96-102. DOI: 10.37386/2413-4481-2022-2-96-10
5. Жолдасбаев, С. История средневекового Казахстана: учебник для 7 класса / С. Жолдасбаев; Мин-во образования и науки Республики Казахстан. – Алматы: Атамұра, 2012. – 232 с. – ISBN 978-601-282-434-6.
6. Бакина, Н. С. История Казахстана: учебник для 7 класса / Н. С. Бакина, Н. Т. Жанакоева; Мин-во образования и науки Республики Казахстан. – Алматы: Атамұра, 2017. – 240 с. – ISBN 978-601-306-723-0.
7. Бабаев, Д. История Казахстана: учебник для 8 класса / Д. Бабаев; Мин-во народные образования Республики Казахстан. – Алматы: Рауан, 1992. – 173 с. – ISBN 5-625-01723-9.
8. Касымбаев Ж. К. История Казахстана (XVIII в.—1914 г.): Учебник для 8 кл. общеобразоват. шк. – 2-е изд., перераб., доп. – Алматы: Мектеп, 2012. – 256 с.: ил.
9. Кабульдинов, З. Е. История Казахстана (XVIII–XIX вв.): учебник для 8 класса / З. Е. Кабульдинов, Ж. Н. Калиев, А. Т. Бейсембаева; Мин-во образования и науки Республики Казахстан. – Алматы: Атамұра, 2018. – 208 с. – ISBN 978-601-331-164-7

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

ОТЗЫВ

на статью «Формирование образа России в школьных учебниках истории Казахстана как

фактор влияния на межгосударственные отношения»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи.

Методология исследования. Работа базируется на принципах историзма, научной объективности и системности. В работе использованы исторические методы (историко-сравнительный, историко-генетический и др.), методы политологии.

Актуальность. Казахстан был частью Российской империи и одной из республик СССР и с 1990-х годов отношения между Казахстаном и РФ развиваются как между отдельными государствами постсоветского пространства. На территории Казахстана проживает многочисленная русскоязычная диаспора, ее самочувствие во многом зависит от того, как формируется образ России в учебниках по истории Казахстана последних десятилетий. Автор отмечает, что «политика Казахстана в отношении России официально направлена в сторону развития гуманитарного сотрудничества (и других видов сотрудничества). В рамках этого процесса сформирована достаточно обширная нормативно-правовая база. Однако, внутренняя политика казахстанских властей, в частности в сфере школьного образования, противоречит официально выбранному курсу. Между тем школьное образование оказывает существенное влияние не только на формирование самосознания народа, но и на межгосударственные отношения». Отсюда вывод, что тема статьи является актуальной и не вызывает сомнения.

Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна также определяется тем, что получение результатов комплексного анализа образа России в учебниках Казахстана и основных векторов его эволюции показывает, как развиваются российско-казахстанские отношения и дает возможность сравнить как складывается образ России и в других постсоветских странах и какие факторы влияют на формирование данного образа и как это влияет на развитие межгосударственных отношений.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный, с элементами описательности. Структура работы в целом направлена на раскрытие изучаемой темы и задач исследования. В начале статьи автор дает историографический обзор работ, посвященной исследуемой теме и анализирует статью, написанную в 2003 г. Н. Масановым и И. Савиным «Россия в казахстанских учебниках истории», отмечая, что авторы данной статьи выделили положительные и отрицательные стороны учебников, которые вышли в первое постсоветское десятилетие. Далее он дает анализ статей А.В. Филиппова 2015 г. «Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах» и В.В. Ключаревой «От казахской ССР до "независимого" Казахстана: учебник по истории как способ формирования национальной идентичности». В тексте статьи автор дает довольно подробный анализ учебников, написанных в Казахстане в последние годы. Автор сравнивает советские школьные учебники по истории Казахской ССР и учебники периода «независимого» Казахстана для 7 и 8 классов общей школы. Автор делает вывод, что для современного школьного курса характерен этноцентризм, героизация истории казахского народа. В научно-образовательной среде Республики Казахстан транслируются версии о «беспощадной колонизации» казахских степей в дореволюционный период, трагических последствиях для казахского народа политики России и СССР. Автор приходит к выводу, что «такая политика школьного образования в Казахстане отрицательно влияет на отношения с Россией. Несмотря на высказывания представителей правящих кругов о том, что Россия чуть ли не один из главных и важных партнёров Казахстана, учащиеся в школах Республики получают противоположные установки. Они узнают о том, что Россия насильственно присоединяла земли, колонизировала Казахстан, нарушала традиционные пути кочевья, подавляла множество национально-освободительных восстаний. Отчётливо формируется образ не союзника, а

врага».

Библиография работы состоит из 9 источников (это статьи по исследуемой теме и учебники по истории, изданные в Казахстане в 1992, 2012, 2017 и 2018 г.). Библиография дала возможность раскрыть тему исследования и сделать объективные выводы.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранного материала, проведенного анализа и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

В статье есть опечатки (в частности, в тексте статьи фамилия известного ученого Нурбулата Масанова написана неверно (Масинов Н.). Текст требует вычитки, и исправления ошибок (опечаток).

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в эпоху Перестройки на фоне развернувшихся процессов демократизации и гласности "все пришло в движение" (именно так выразился тогда один иностранный наблюдатель), мало кто мог представить, что это приведет к распаду страны на 15 независимых государств. Примечательно, что новые соседи России практически сразу предприняли попытки формирования новой концепции своей истории, в ряде случаев в агрессивной форме против нашей страны. В этой связи вызывает интерес изучение того образа России, который формируется в школьных учебниках истории среди ближайших наших соседей по евразийскому пространству.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является формирование образа России в школьных учебниках истории Республики Казахстан. Автор ставит своими задачами проанализировать имеющиеся на данную тему публикации, а также определить влияние школьной политика Казахстана на отношения с Россией.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать подходы в школьных учебниках Республики Казахстан к истории России.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 9 источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим изданные в Казахстане школьные учебники по истории для 7 и 8 классов. Из используемых исследований отметим труды Н. Масанова и И. Савина, а также В.В. Ключарева, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения школьных учебников истории Казахстана. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто

интересуется как российско-казахстанскими отношениями, в целом, так и образом России в казахстанских учебниках истории, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "школьное образование оказывает существенное влияние не только на формирование самосознания народа, но и на межгосударственные отношения". Рассмотрев имеющиеся исследования, автор переходит к непосредственному рассмотрению казахстанских школьных учебников по истории за 7 и 8 классы. В работе показано, что "в учебниках за 7 класс у авторов примерно идентичное отношение к основным событиям, а Россия показана в основном как союзник и партнер, то в программе 8 класса положительных оценок становится меньше, а негативные - возрастают". В работе обращается внимание на то, что по мнению авторов учебников "Россия насильственно присоединяла земли, колонизировала Казахстан, нарушала традиционные пути кочевья и подавляла множество национально-освободительных восстаний".

Главным выводом статьи является то, что

"за исключением нескольких положительных моментов отраженных в школьном курсе седьмого класса, образ России носит негативный характер".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения формируемого в Казахстане образа России.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Адамов А.А., Турова Н.П. Жилище юдинской культуры с городища Русское 1 // Genesis: исторические исследования. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.73040 EDN: AIMGMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73040

Жилище юдинской культуры с городища Русское 1

Адамов Александр Александрович

ORCID: 0000-0002-1600-778X

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения
Российской академии наук

626152, Россия, Тюменская область, г. Тобольск, ул. Академика Юрия Осипова, 15

✉ adamowaa@yandex.ru

Турова Наталья Петровна

ORCID: 0000-0002-0909-9073

научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской
академии наук

626152, Россия, Тюменская область, г. Тобольск, ул. Академика Юрия Осипова, 15

✉ turova2707@yandex.ru

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.1.73040

EDN:

AIMGMZ

Дата направления статьи в редакцию:

14-01-2025

Дата публикации:

21-01-2025

Аннотация: Объектом исследования стал котлован жилого сооружения №4 юдинской археологической культуры, изученный в ходе археологических работ на городище Русское 1. Памятник находится в Ярковском районе Тюменской области, на

правобережье р. Тобол, близ устья р. Туры. Цель исследования состоит во введении в научный оборот и детальном рассмотрении уникальных материалов с городища Русское 1, представленных котлованом жилой постройки под № 4, определении типа жилища, реконструкции возможного облика утраченных элементов конструкции сооружения. Исходя из цели исследования, были выдвинуты следующие задачи: морфологическое описание зафиксированных элементов археологизированного сооружения №4, определение времени функционирования городища, а также реконструкция внешнего вида каркаса жилища с опорой на имеющиеся этнографические материалы. Для решения поставленных в работе задач применяются традиционные для исторической науки методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, описательный метод анализа вещественных источников, метод аналогий. Впервые на основании подробного комплексного планиграфического анализа следов археологизированной постройки №4, а также их сопоставления с жилыми конструкциями, бытовавшими у аборигенного населения Сибири, установлено, что постройка с юдинского городища Русское 1 представляла собой полуземлянку с каркасом усеченно-пирамидальной формы. Приводится описание конструкции наземной части дома, а также детали внутреннего устройства. Стены и крышу возводили из нетолстых досок или плах, которые затем присыпались слоем земли, выброшенным из котлована. В жилище вел узкий коридорообразный вход, над которым были возведены сени. В центре жилища располагался основной открытый очаг, а у задней стенки – нары с еще одним очагом. В результате проведенного исследования установлено, что памятник существовал в период VIII–X вв.

Ключевые слова:

археология, эпоха Средневековья, Западная Сибирь, Притоболье, городище Русское, юдинская культура, жилище, этнография, домостроение, реконструкция

Введение.

Памятники юдинской культуры локализованы в лесном Зауралье в бассейнах рек Туры и Тавды. Для керамического комплекса юдинских древностей характерен шнуровой декор в виде горизонтальных линий, расположенных в верхней части сосудов.

В вышедшей в 1957 году обстоятельной работе В. Н. Чернецова была выделена для эпохи средних веков в Западной Сибири нижнеобская культура, занимавшая огромную территорию от Обской губы до района г. Тюмени [\[29, с. 238\]](#). Исследователь отметил, что памятники, расположенные по р. Туре, содержат керамику со шнуровым орнаментом молчановского типа. Он писал, что шнуровая орнаментация, распространена к юго-западу от Тобольского района на археологических памятниках, датирующихся с середины I тыс. до н.э. и приблизительно до X–XII вв. [\[29, с. 220-223\]](#).

В. А. Могильников для лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тыс. н.э. определил шесть основных историко-географических районов, среди которых туринский занимает территорию бассейнов рек Туры и Тавды. Главное отличие памятников этого района состоит в шнуровой орнаментации керамики [\[15, с. 5, 6\]](#). Для лесного Зауралья X–XIII вв. В. Д. Викторовой была выделена юдинская культура, которая была достаточно подробно охарактеризована [\[2\]](#). В бассейнах рек Туры и Тавды были распространены памятники молчановского типа, датирующиеся VI–IX вв. [\[1, с. 13, 14\]](#). В обобщающем

труде «Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири» В. А. Могильников к культурам лесного Зауралья отнес памятники молчановского типа, датирующиеся VII–IX вв., а также и юдинскую культуру X–XIII вв., в орнаментации глиняной посуды которых активно использовался отпечаток скрученного шнура [16]. Позднее исследователь писал уже о молчановской культуре с несколько расширенной датировкой в рамках VI–IX вв. [14, с. 65; 17 с. 10].

В 2009 г. Н. П. Матвеева, Л. А. Орлова, Т. Н. Рафикова предложили объединить молчановские и юдинские памятники в единую юдинскую культуру с датировкой VII–XIV вв. [11, с. 150]. С этим мнением не согласился А. В. Гордиенко, считающий, что рассматривать период VI–IX вв. в лесном Зауралье следует в рамках самостоятельной культуры и предложил именовать ее молчановско-андрюшинской [6, с. 31]. Анализируя керамический комплекс костыща Песьянка 1, Т. Н. Рафикова в рамках единой юдинской культуры VII–XIII вв. выделяет молчановский этап, датированный VII–IX вв. [19, с. 69].

В вышедшей в 2022 г. коллективной монографии «Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей» третья глава была написана Е.А. Третьяковым, который проанализировал материалы с памятников, относимых к молчановскому типу и пришел к выводу, что все эти памятники датируются не ранее IX в. [23, с. 146]. Исходя из этого исследователь не видит оснований для удревления материалов юдинской культуры за счет выделения в ее рамках раннего молчановского типа, и предложил исключить наименование «молчановский тип памятников» или культура из таксономической структуры, считая, что период бытования юдинской культуры определяется границами IX–XIII вв. [23, с. 160].

Несмотря на значительное количество исследованных памятников юдинской культуры и несомненные успехи в изучении различных сфер материальной и духовной жизни средневекового населения, к настоящему времени вопросы хронологии, периодизации юдинской культуры остро дискуссионны, а ряд тем слабо проработан. Среди таковых можно назвать и особенности домостроения юдинского населения.

В этой связи актуальной является публикация новых материалов, полученных при исследовании городища Русское 1, расположенного в Яковском районе Тюменской области, в пойме правого берега р. Тобол, в 9 км к югу от устья р. Туры. В ходе раскопок на городище были практически полностью исследованы остатки четырех жилых сооружений. Большая часть артефактов с памятника представлена фрагментами глиняных сосудов, украшенных горизонтальными линиями, выполненными оттисками шнура, что позволяет считать городище памятником юдинской культуры.

Целью данной работы является определение типа жилища и реконструкция облика утраченных элементов конструкции жилого сооружения на основании планиграфического анализа археологизированного жилища №4.

Основная часть. Городище Русское 1 расположено в Яковском районе Тюменской области, в пойме правого берега р. Тобол, на берегу старичного озера, в 9 км к югу от устья р. Туры. Исследовалось в 2006 г. совместным отрядом Тобольского музея-заповедника и Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева. Городище площадью около 1000 кв. м. находится на подтреугольном мысу, с напольной стороны укреплено рвом и внутренним валом. На площадке городища зафиксировано 12 жилищных впадин, расположенных по кругу. На памятнике вскрыт раскоп площадью 248,1 кв. м, на котором исследованы практически полностью остатки

Говоря о реконструкции внешнего вида постройки нужно отметить, что В.Д. Викторова выделяла в конструкции жилищ юдинской культуры два типа: летний и зимний. Первый представлял собой неглубокий котлован с шатровым перекрытием, простым очагом в центре и центральными опорными столбами, а также с нарами вдоль стен. Зимний – с наземными срубами, коридорообразным входом и глиняными очагами [\[2, с. 242\]](#).

При изучении Криволукского городища юдинской культуры, исследованы остатки восьми жилищ, представленных полуземлянками глубиной 10-30 см, с пологими стенками, площадью около 16,5 кв. м, с вертикальными ямами от столбов, расположенными по углам и периметру сооружений. По этим признакам исследователи реконструируют постройки как каркасные, со стенами из горизонтальных плах. Перекрытие крыши состояло из крупных слег, лежащих на вертикальных столбах каркаса жилища. Поверх них шли жерди и доски, стелилась кора деревьев, дополнительно крыша утеплялась землей. У трех построек был выход, оформленный в виде коридора или сеней [\[13, с. 109\]](#).

На юдинском городище Ревда 2-1 исследовано три котлована от жилищ глубиной 0,2 м, без следов очагов, в которых были выявлены следы от столбов вдоль стен и на углах построек. Причем столбы внутри жилищ не образовывали строгих конфигураций, а, как считают исследователи, только поддерживали каркас стен [\[10, с. 64\]](#). Жилища же представляли из себя подпрямоугольные постройки, каркасно-столбовой конструкции с коридорообразными выходами [\[10, с. 71\]](#).

В диссертационном исследовании Е. А. Третьяков выделяет две группы жилищ юдинской культуры: наземные и полуземлянки. Полуземлянки представлены столбовыми и срубными жилищами, среди которых по площади выделяются средние (до 25 кв. м) и большие (до 35 кв. м) [\[22, с. 12, 13\]](#).

Хорошая сохранность раскопанного жилища позволяет создать достоверную реконструкцию постройки с городища Русское 1. Рассмотрим, возможна ли конструкция сооружения на основе сруба, тем более, что ряд исследователей прямо пишут об срубных жилищах у населения юдинской культуры. Прежде всего, нужно отметить, что сруб если он и был возведен, располагался бы не внутри котлована, а снаружи, так как стенки котлована укреплялись с помощью жердей, от которых остались небольшие ямки и, возможно, плах или досок. Если бы сруб стоял внутри котлована, то укреплять стенки не имело бы смысла. Поставленный снаружи котлована сруб, диктует и прямые стенки у него, чего нет в нашем случае. Особенно это заметно по выгнутой дугой задней стенке. При этом сруб получался бы весьма массивным (с длиной бревна в районе 6 м), а ведь из четырех исследованных жилищ, это самое небольшое, к тому же срубы жилищ на городище Русское 1 стояли бы вплотную друг к другу (ведь расстояние между соседними постройками всего 0,53 м), затрудняя доступ к внешним стенам жилища.

Если рассматривать конструкцию постройки как каркасную, нужно заметить, что в самом жилище и рядом с ним, по сути дела, нет ям от вертикальных столбов, служащих каркасом постройки. Только в центре жилища, у очага, имеется одна ямка глубиной 32 см, которая могла быть столбовой, но этого явно недостаточно для реконструкции построек на основе горизонтальных столбов каркаса. Нужно отметить, что и рядом с котлованом отсутствуют ямы, углубленные в материк, которые можно было бы интерпретировать как столбовые.

Учитывая выше изложенное, мы будем опираться на этнографические материалы по углубленным в землю каркасным полуземлянкам хантов [\[21, рис. 7\]](#) и кетов [\[21, табл. VI: 2\]](#).

При реконструкции жилищ достаточно часто именно работу З. П. Соколовой используют большинство исследователей [21]. Однако ни в рисунках, ни в описаниях жилищ данной работы нет мелких подробностей, которые бы помогли интерпретировать изученные археологизированные объекты. Поэтому в своей реконструкции мы будем опираться на фотографию Г. М. Дмитриева-Садовникова 1912 г., хранящуюся в фондах Тобольского музея-заповедника (ТМ 15550/56), где показан деревянный каркас усеченно-пирамидальной постройки из с. Ларьякского на р. Вах (рис. 2), а также на труды У. Т. Сирелиуса [20], М. Б. Шатилова [30] и Б. О. Долгих [7]. Последний достаточно подробно описал конструкцию старинной землянки кетов, помятуя о частной беседе с археологом М. В. Воеводским, который упрекнул этнографов в том, что они недостаточно дают данных для объяснения и реконструкции материалов археологических раскопок [7, с. 158].

Размер котлована хантыйской полуземлянки каркасной конструкции «мыг-кат» на р. Вах составлял 5-6 м длины и 4-5 м ширины, глубина 40-50 см [30, с. 40]. Размеры и глубина котлована хантыйской усеченно-пирамидальной постройки, судя по фотографии, вполне соответствуют данным М. Б. Шатилова (рис. 2). У. Т. Сирелиус сообщает, что квадратное земляное жилище карамо имело длину сторон 4,85 м, а глубину один фунт (0,3 м) ниже дневной поверхности [20, с. 162]. З. П. Соколова отмечает, что глубина хантыйских каркасно-столбовых полуземлянок составляла 0,3-0,8 м [21, с. 37].

Рисунок 2. Каркас усеченно-пирамидальной полуземлянки из с. Ларьякское на р. Вах.

Глубина котлована кетской землянки достигала 50-75 см, причем его начинали копать только после установки двух пар толстых (диаметр около 14 см) стропил. Стенки котлована по этнографическим данным не укреплялись, только у кетов по краям ямы укладывали жерди 4-5 см в диаметре [7, с. 160], а у хантов, судя по рисункам, для этого использовали нетолстые бревнышки [21, рис. 6, 7]. Котлован жилища №4 городища Русское 1 по своим размерам и глубине вполне сопоставим с этнографическим данным (если учитывать глубину не от материка, а от уровня древней дневной поверхности). Отличие заключается только в укреплении стенок котлована жилища №4, о чем однозначно свидетельствуют небольшие ямки от столбиков, расположенные вплотную к стенам (рис. 1).

Основой каркаса этнографических типов жилищ у хантов и у кетов являются две пары столбов, вкопанных по краю котлована. При этом на какую глубину закапывались столбы у хантов, данных нет, а у кетов нижний конец столбов углублялся в землю на 10-15 см [7, с. 160]. Надо думать, что и каркасные бревна у хантыйских полуземлянок так же не основательно заглубляли в землю, так как устойчивость каркаса жилища, связанного между собой перекладинами, не зависела от значительной глубины вкопанных наклонных столбов. Вероятнее всего, именно поэтому вокруг котлована жилища № 4, на уровне материка, нет ям от столбов каркаса: они заглублялись в дерн, а не в материковый суглинок.

У хантов известны каркасные полуземлянки как пирамидальные [21, рис. 6], так и усеченно-пирамидальные [21, рис. 7, 8]. У кетов, несмотря на то, что пара основных стропил состоит, каждая, из двух столбов, соединенных под прямым углом, поставленных с наклоном друг к другу, вверху все же они не соединяются вместе (что по форме представляло бы пирамиду), а были разнесены друг от друга на расстояние 80 см. Чуть ниже их завершения с помощью продольных и поперечных перекладин формировалась горизонтальная площадка (это выглядело как усеченная пирамида), которая использовалась как окно, в зимний период закрывавшееся льдиной [7, с. 161, рис. 4].

Скорее всего, жилища на городище Русское 1 были все же усеченно-пирамидальными, так как кроме квадратного котлована жилища № 4 исследованы и вытянутые подпрямоугольные постройки, возвести над которыми пирамидальный каркас было бы затруднительно. Поэтому, каркас такой постройки (рис. 2) [20, рис. 197] мог состоять из четырех наклонных столбов, закрепленных попарно вверху перекладинами. Они закреплялись между собой сверху бревнами, которые составляли основу крыши. Каркас с передней и задней сторон укреплялся наклонными столбами, которые также вкапывались в землю, что придавало ему жесткость. С передней стороны ставились два столба, между которыми находилась дверь, с задней сторон, судя по фото, устанавливалось три столба (рис. 2). Дополнительно столбы ставились и строго по углам выкопанного котлована, формируя таким образом округлые углы полуземлянки. Имелись и закрепленные на разной высоте горизонтальные слегы, служившие для поддержки стен.

У хантов стены и потолок возводились из жердей, которые затем засыпались землей [30, с. 40]. Для стен использовались и тонкие дранки или доски, перекрытые сверху камышом и засыпанные землей [20, с. 162]. О том, что устроенные под небольшим наклоном стены землянки № 4 закрывались досками или плахами, напрямую свидетельствуют остатки горелых досок перекрытий, обнаруженных при исследовании жилища (рис. 1). При этом прослежено, что они частично выходят за границы котлована, как и в этнографических реалиях, а сверху них прослеживается слой насыпной земли (завалинка).

Как оформлялся вход к каркасную полуземлянку мы можем судить только по работе Б. О. Долгих. У кетов выкапывалась в земле ступенька перед жилищем на 20-25 см ниже уровня почвы, вертикально, здесь ставилась прямоугольная рама из четырех жердей, которую держали вверху еще две жерди, крепившиеся к горизонтальной слеге на передней стене постройки. Внутри землянки, перед входом, была еще одна земляная ступенька, покрытая плахой [7, с. 161, рис. 6].

Вполне возможно, что и в раскопанном нами жилище № 4 стояла вертикальная рама с дверью, устроенная аналогично кетским постройкам. Об этом может свидетельствовать

канавка (для нижней жерди рамы), расположенная на пороге, между котлованом жилища и входом. На эту жердь могли опираться и плахи или доски пола входа. Однако вход в жилище № 4 Русского 1 городища был устроен не ступенькой (как вход в кетскую полуземлянку), а узким и длинным проходом, по которому можно судить о том, что здесь могли располагаться сени. Действительно, в ряде этнографических работ опубликованы фотографии хантыйских полуземляночных жилищ, в том числе и каркасных, усеченно-пирамидальных, к которым были пристроены сени [\[20, рис. 150, 195\]](#). Имеются и краткие описания конструкций сеней: «С крыши землянки вперед отходят две жерди, наружные концы которых держатся на шестах с развилками. На этих жердях поперек лежат пять реек, а на них ряд перекладин положен поперек предыдущего ряда. На перекладинах лежит сено. По бокам к крыше приставлен ряд шестов» [\[20, с. 163, 164\]](#). На одной из фотографий видно, что для стен сеней могли использовать и доски, а передние шесты могут и не иметь развилки [\[20, рис. 195\]](#).

В раскопанном жилище № 4 вдоль задней стенки выявлен ряд ямок, отстоящих от стены на 1,8-1,9 м. Здесь, скорее всего, был сооружен помост из дерева на столбиках, что вполне соответствует приведенному У. Т. Сирелиусом чертежу землянки, где вдоль всей задней стенки были сооружены спальные нары высотой 50 см [\[20, с. 161\]](#). М.Б. Шатилов пишет, что у ваховских хантов противоположная от входа часть юрты называлась «кат-пета» – «перед юрты» и служит местом для домашнего скарба и местом для ночлега, и здесь устраивается во всю длину широкая полка [\[30, с. 44\]](#). На фотографии такой полки видно, что это деревянный настил, располагающийся на столбиках, высотой около 60 см [\[30, фотографии, л. 5\]](#). Можно предполагать, что и в жилище № 4 у задней стенки была пристроена достаточно широкая полка, которая использовалась для хранения инвентаря и припасов, а также служила спальным местом. Но, судя во всему, эта полка в центре имела разрыв, где на земляном полу разводился костер, о чем свидетельствует сохранившийся провал.

Таким образом, жилище № 4 представляло из себя полуземлянку с деревянным каркасом в виде усеченной пирамиды, установленным по внешнему периметру, крыша и наклонные стены были перекрыты досками или плахами, возможно, камышом и присыпанный землей. В плоской крыше имелось отверстие для выхода дыма от горевшего в центре постройки костра. К жилищу были пристроены длинные, также перекрытые сени, пол в которых был из плах. В самом жилище, у противоположной от входа стенки, были устроены с двух сторон нары, между которыми иногда разводили костер.

Имеющихся данных для датировки городища Русское 1 немного. Основной инвентарь – керамика, но ясных критериев для отнесения ее или ко второй половине I тыс., или к X–XIII вв. все еще не выработаны, наоборот, все керамические коллекции со шнуровым орнаментом, ранее рассматриваемые как молчановские, теперь отнесены к IX–XIII вв. [\[23, с. 146\]](#). Но, если принять эту точку зрения, то получится что целый регион со второй половине I тыс. н.э. не был заселен, а в IX в. он внезапно оказался плотно обжит. Такой сценарий историко-культурного процесса для лесных территорий рек Туры и Тавды выглядит неправдоподобным.

Из украшений на городище была обнаружена коньковая подвеска с реалистично переданными головами коней, опущенными к основанию подвески, с треугольной центральной прорезью по центру, под которой идет горизонтальный ряд выпуклых жемчужин. Л. А. Голубева подобную подвеску из Урьинского могильника относил к V

типу, второму варианту и датировала ее VIII – началом IX вв. [5, с. 92, рис. 7: 13]. Р. Д. Голдина датировку Урьинского могильника определяет концом VIII–IX вв. [4, с. 131]. Кроме того, в раскопе, сразу же под дерном, была обнаружена небольшая сердцевидная накладка из бронзы с растительным орнаментом и бордюром, украшенным зернью. Ближайшие аналогии известны в могильнике X–XI вв. Вак-Кур [25, рис. 1: 28-30].

В культурном слое городища обнаружены и рюмковидные тигли. Подобной формы тигли изредка встречаются в западносибирских памятниках археологии. Рюмковидные тигли найдены на городище юдинской культуры Коняшино 2, которое авторы датировали раннесредневековым временем [12, рис. 3: 3, 5]. Обломки рюмковидных тиглей были обнаружены на городище Сартымурый 18 вместе с керамикой карымского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности [28, ил. 4: 12, с. 115, 120; 24, ил. 23: 9, с. 427]. Остатки еще двух подобных тиглей происходят с селища Сартымурый 17 [24, ил. 7: 5] материалы с которого относятся к карымскому этапу [24, с. 427].

В этапной коллективной работе, посвященной Сургутскому Приобью в эпоху средневековья, рюмковидные тигли являются характерной чертой зеленогорского этапа VI–VII вв. [26, с. 135]. Аналогичный тигель с городища Барсов городок II/3 датирован VII–IX вв. [9, каталог № 181, с. 145]. Достаточно много рюмковидных тиглей обнаружено на городище Потчеваш [18, табл. XIV], где их бытование может вполне рассматриваться в рамках датировки потчевашской культуры VI–IX вв. Аналогичные тигли обнаружены и на городище Эмдер [8, рис. 39: 17; 42: 10], где они связываются с сооружениями 1 и 2 строительного горизонтов [8, с. 98]. Первый строительный горизонт авторы датируют по керамике зеленогорского типа VI–VII вв., второй – по керамике кинтусовского типа концом XI – серединой XII вв. [8, с. 14]. Остатки рюмковидного тигля были обнаружены на селище Сартым-Урий 16 и исследователи связывают его с важпайским комплексом второй половины IX–X вв. [27, ил. 1: 9, с. 179, 185].

Таким образом, исходя из рассмотренных аналогий, только коньковая может датироваться в достаточно узких хронологических пределах VIII–IX вв. Рюмковидные тигли, судя по всему, датируются широким хронологическим периодом от карымского этапа до конца кинтусовского (то есть с рубежа III–IV до XII вв.). Трудно в датировке памятника опираться и на бронзовую сердцевидную наладку, найденную на городище Русское 1, так как она является первой находкой обнаруженной, сразу же под дерном, и могла попасть на городище случайно, уже после прекращения его существования. Поэтому, наиболее вероятной датой существования городища будет период в пределах VIII–X вв.

Заключение. Расположенное на р. Тобол, недалеко от устья р. Туры, городище Русское 1 можно предварительно датировать в пределах VIII–X вв. н.э. и отнести его к памятникам юдинской культуры в расширенном понимании данного термина, включающем и ранний – молчановский этап. При этом нужно понимать, что городище существовало совсем небольшим промежутком времени, так как возведенные по единому плану постройки, больше не перестраивались. Скорее всего, памятник функционировал лишь несколько десятилетий, учитывая достаточно насыщенный артефактами культурный слой. Исследованную на городище жилую постройку № 4 можно атрибутировать как каркасную полуземлянку усеченно-пирамидальной формы, с плоской крышей и наклонными стенами из досок и плах, присыпанных нетолстым слоем земли. Над длинным коридорообразным входом были возведены сени. Отапливалось данная постройка с

помощью открытого очага, расположенного по центру. У задней стенки находились нары, использовавшиеся для хранения припасов и утвари, а также здесь могли располагаться спальные места.

Библиография

1. Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации материала): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.
2. Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. // Ученые записки ПермГУ. 1968. № 191. С. 240–256.
3. Викторова В. Д., Морозов В. М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 173–192.
4. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
5. Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА, 1966, № 3. С. 80–98.
6. Гордиенко А. В. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 31–36.
7. Долгих Б. О. Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска (По материалам Таймырской экспедиции 1948 г.) // СЭ, 1952, № 2. С. 158–165.
8. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
9. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 158 с.
10. Матвеева Н. П., Зеленков А. С. Ревда-2-1 – новый памятник средневековой эпохи в Западной Сибири // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2015. С. 58–73.
11. Матвеева Н. П., Орлова Л. А., Рафикова Т. Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. С. 140–151.
12. Матвеева Н. П., Пластеева Н. А., Чикунова И. Ю. Городище Коняшино 2 в подтаежном Зауралье // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2013. С. 34–64.
13. Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Издательство ИПОС СО РАН, 2006. № 6. С. 105–116.
14. Могильников В. А. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финноугроведение. 1994. № 1. С. 61–68.
15. Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1964. 18 с.
16. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
17. Могильников В. А. Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1990. 45 с.
18. Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре) // Материалы и исследования по археологии СССР № 35. М. 1953. С. 189–220.
19. Рафикова Т. Н. Керамический комплекс костища Песьянка-1 (к проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 61–71.
20. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / перевод с нем. и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд. Том. ун-та, 2001. 344 с.
21. Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М: ТриЛ, 1998. 288 с.
22. Третьяков Е. А. Культура населения Притоболья в эпоху развитого средневековья:

автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2024. 23 с.

23. Третьяков Е. А. Памятники Среднего Зауралья второй половины I тыс. н.э. // Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2022. с. 132-162.

24. Трунова Н. Е., Круземент С. А. Раскопки селища Сартымурый 17 и городища Сартымурый 18 в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 15. С. 389-429.

25. Турова Н. П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №2 (33). С. 63-76.

26. Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала.-Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126-145.

27. Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П. Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2008. Вып. 6. С. 177-186.

28. Чемякин Ю. П., Фефилова Т. Ю. Исследования раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО-Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 5. С. 111-121.

29. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э // Материалы и исследования по археологии СССР. 1957. № 58. С. 136-245.

30. Шатилов М. Б. Ваховские остояки (Этнографические очерки) // Труды Томского краевого музея. Т. IV. 1931. 175 с. + 9 л. фотографий

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Жилище юдинской культуры с городища Русское 1» является археологическим исследованием, обобщающим результаты раскопок городища Русское 1, расположенного в Ярковском районе Тюменской области. Целью данной работы является "определение типа жилища и реконструкция облика утраченных элементов конструкции жилого сооружения на основании планиграфического анализа археологизированного жилища". Для работы характерна четкая логичная структура: в разделе "Введение" автором дано определение юдинской культуры, историографический обзор отечественной литературы второй половины XX- начала XXI вв., обосновано данное конкретное обращение к теме ("Несмотря на значительное количество исследованных памятников юдинской культуры и несомненные успехи в изучении различных сфер материальной и духовной жизни средневекового населения, к настоящему времени вопросы хронологии, периодизации юдинской культуры остро дискуссионны, а ряд тем слабо проработан. Среди таковых можно назвать и особенности домостроения юдинского населения"). Апелляции к более ранним исследованиям аденской культуры характерны также и для основной части работы. Опираясь на этнографические материалы по углубленным в землю каркасным полуземлянкам хантов и кетов проводится реконструкция жилища, автором использованы как известные работы З. П. Соколовой, так и фотографические материалы подобных сооружений, труды У. Т. Сирелиуса, М. Б. Шатилова и Б. О. Долгих. Основная часть исследования содержит

подробное описание результатов проведенных археологических раскопок, проводятся сравнения с материалами предыдущих исследований в этом направлении, проводится определение типа жилища и реконструкция облика утраченных элементов конструкции жилого сооружения. Обосновывается датировка существования городища (на основе обнаруженных артефактов – коньковой подвески, сердцевидной накладки и т.д.). В заключении четко сформулированы выводы, основанные на материалах основной части: "Расположенное на р. Тобол, недалеко от устья р. Туры, городище Русское 1 можно предварительно датировать в пределах VIII–X вв. н.э. и отнести его к памятникам юдинской культуры При этом нужно понимать, что городище существовало совсем небольшой промежуток времени, так как возведенные по единому плану постройки, больше не перестраивались. Скорее всего, памятник функционировал лишь несколько десятилетий, учитывая достаточно насыщенный артефактами культурный слой». К числу достоинств работы помимо логичной структуры и обоснованных выводов относится наличие в тексте схем и фотографии. В целом работа выполнена на высоком научно-методическом уровне, в оборот вводятся новые научные данные, полученные в результате археологических раскопок, анализа и интерпретации их результатов. Список литературы состоит из тридцати позиций, отображающих обширную теоретическую базу данного исследования. Рецензируемая работа рекомендуется к публикации.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тарабара Д.О. Возвращение Выборгской губернии в состав «внутренней» России: правовое измерение поиска национальных границ // Genesis: исторические исследования. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.72554
EDN: UCYVUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72554

Возвращение Выборгской губернии в состав «внутренней» России: правовое измерение поиска национальных границ

Тарабара Дмитрий Олегович

аспирант, кафедра теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Набережная, 7/9

✉ tarabara@list.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.1.72554

EDN:

UCYVUE

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу проектов присоединения сначала части, а затем и всей территории Выборгской губернии Великого Княжества Финляндского в состав граничащей с ней Санкт-Петербургской губернии. Рассматриваются особенности правительственного дискурса, проявившиеся в ходе обсуждения намеченных преобразований, проводится сравнительный анализ случаев «символической» конфронтации имперской администрации с альтернативными национальными проектами за территории с особым институциональным устройством. Объектом исследования выступает национальная политика Российской Империи в отношении Финляндии в 1910-е гг., предметом –делопроизводственные материалы Особого Совещания по делам Великого Княжества Финляндского и междуведомственной комиссии под председательством Государственного Секретаря С. Е. Крыжановского. Основное внимание уделено законопроекту «О присоединении Кивинебской, Новокиркской и Терийокской общин Выборгской губернии к составу Санкт-Петербургской губернии». Автором были использованы традиционные для историко-правовых исследований

методы: анализ, синтез, системный подход и формально-юридический. Делаются выводы о том, что исследуемые проекты, с одной стороны, отражали смену приоритетов национальной политики российского правительства с широкой программы русификации окраин на формирование «национального ядра» империи, с другой – представляли собой уникальную попытку согласования двух различных институциональных систем и альтернативных подходов к осуществлению политической модернизации. В связи с этим в работе сделан особый акцент на приемлемых для высшей российской бюрократии пределах социальных и политических преобразований в таких вопросах как сословная принадлежность подданных, организация местного самоуправления и унификация правовой системы. Результаты исследования позволяют скорректировать традиционные историографические подходы к национальной политике поздней Российской Империи, а также высвечивают сложную внутреннюю логику законотворческого процесса в период думской монархии.

Ключевые слова:

Выборгская губерния, Великое Княжество Финляндское, национальная политика, модернизация, национальное ядро, присвоение территории, унификация, ассимиляция, законотворчество, местное самоуправление

Введение. Проекты присоединения сначала части, а затем и всей территории Выборгской губернии Великого Княжества Финляндского в состав граничащей с ней Санкт-Петербургской губернии несколько обделены вниманием исследователей по сравнению с другими мероприятиями финляндской политики П. А. Столыпина и его преемников, например, принятием закона 17 июня 1910 г. об общегосударственном законодательстве или подготовкой «большой программы русификации» комиссией сенатора Н. Н. Корево. Несмотря на то, что нормативные акты об указанных выше административно-территориальных преобразованиях так и не были представлены на рассмотрение правительства и парламента, их содержание и история разработки представляют немалую исследовательскую ценность. Будучи органической частью более широких контекстов, они отражают как общую эволюцию национальной политики российского государства в начале XX в. от претензий на аккультурацию всего нерусского населения (по крайней мере в отдельных окраинных регионах) к определению границ «русской национальной территории» внутри общеимперского пространства [\[13, с. 217–240\]](#), так и отдельные эндогенные проблемы политической модернизации страны.

История Выборгской губернии. Правительственный дискурс относительно данной реформы невозможно понять без обращения к истории земель, оказавшихся в центре внимания российской власти. Выборгская губерния была образована в 1744 г. на территориях Карельского перешейка и Северного Приладожья, присоединенных к Российской Империи по результатам Северной войны 1700–1721 гг. и Русско-шведской войны 1741–1743 гг. Новые земли сохранили достаточно широкую правовую, политическую и культурную автономию. К концу XVIII в. 99,8% местного населения составляли финны и шведы [\[6, с. 228\]](#); русский элемент в крае был представлен почти исключительно военными, чиновниками и владельцами жалованных земель. Единственная попытка административной и судебной интеграции данного региона с «ядром» Империи была предпринята только в конце царствования Екатерины II с распространением на него общероссийской губернской реформы, однако уже в 1796 г.

взошедший на престол Павел I восстановил прежний порядок управления [\[1, 401-402\]](#).

Вскоре после присоединения к Российской Империи всех финских земель по результатам Русско-шведской войны 1808-1809 гг., в правительственных кругах возникло предложение об объединении «Старой» и «Новой» Финляндий, в конечном счете поддержанное императором Александром I. 11 декабря 1811 г. Высочайшим Манифестом Выборгская губерния (именовавшейся на тот момент Финляндской) была передана в состав Великого Княжества Финляндского. Попытки частичного пересмотра этого решения в 1822-1823 гг. и 1826 г. не увенчались успехом [\[4, л. 180-184\]](#). На протяжении следующих десятилетий Выборгская губерния рассматривалась как законная, неотъемлемая часть территории Финляндии и российским правительством, и финляндскими властями, и, впоследствии, финским национальным движением.

Важно отметить, что в Великом Княжестве Финляндском, в отличие от Западных или Остзейских губерний, различное этническое происхождение аристократии и основной массы населения не привело к формированию альтернативных национальных проектов – и преимущественно шведоязычное дворянство, и основная масса финноязычных крестьян были вовлечены в единое национальное движение [\[20, с. 122\]](#). Это, впрочем, не означало достижения политического консенсуса, например, в вопросах языка и культуры, о чем свидетельствует сам факт существования шведоманского (свекоманского) общественно-политического движения. Тем не менее, представляется более корректным рассматривать последнее не как альтернативу, а скорее как ответвление в рамках единого национального дискурса – оно действовало исключительно в рамках финляндского политического проекта и оставалось лояльным именно ему, а не Швеции. Более того, шведоманы занимали более радикальные позиции относительно взаимоотношений с имперскими властями, чем их политические оппоненты (фенноманы) [\[10, с. 30-31\]](#). В исторической литературе встречаются различные точки зрения на то, в какой степени население Финляндии было охвачено национальным сознанием к началу XX века, однако массовость и динамичность финского национального движения, особенно в сравнении с большинством этносов Российской Империи, сами по себе не вызывают сомнений [\[7, с. 163\]](#); [\[13, с. 185\]](#).

Официальная позиция российской власти относительно целесообразности передачи Выборгской губернии в состав Великого Княжества Финляндского и сохранения status quo изменилась на прямо противоположную после революционных событий 1905-1907 гг., не в последнюю очередь после прямого столкновения с национальной мобилизацией и политическим радикализмом в регионе. Идея пересмотра административных границ стратегически важной территории княжества в интересах империи органично вписалась в политический курс нового Председателя Совета Министров П. А. Столыпина, предполагавший последовательное, систематическое ограничение автономии Финляндии более строгими правовыми рамками, расширение контроля центрального правительства над регионом и борьбу с «финским сепаратизмом». Под последним подразумевалась учение о Финляндии как об отдельном от России государстве, распространившееся сначала в кругах финских интеллектуалов (что немаловажно, среди лидеров как шведоманского, так и фенноманского движений), а к началу XX века – и в широких слоях населения [\[19, с. 57-59, 95-96\]](#).

Дискурс и политика. 13 ноября 1910 г. состоялось заседание Особого Совещания по делам Великого Княжества Финляндского, посвященное статусу Выборгской губернии. В составленном по его результатам журнале очень подробно излагается правительственный дискурс относительно территориальных притязаний России. На

нескольких десятках его страниц приводится развернутая система легитимирующих аргументов, среди которых упоминаются и борьба с финляндским сепаратизмом, и противостояние панфинскому национальному движению, и необходимость ликвидации революционного подполья, и восстановление исторической справедливости, и обеспечение государственных интересов в деле обороны Санкт-Петербурга. Ряд тезисов имел выраженную «национальную» окраску, например, защита интересов жителей великорусских селений Райволо и Красное (Кюрюле), а также возвращение в состав коренных российских губерний «русских православных Святынь»: Валаамского и Коневецкого монастырей – «исконно русского достояния, оказавшегося после отделения Выборгской губернии в составе финляндских владений» [\[4, л. 185-192\]](#).

В конечном счете Особое Совещание закономерно признало «возвращение Выборгской губернии в состав Имперских земель» желательной и бесспорной с государственно-правовой точки зрения мерой, однако ввиду масштабности замысла и маловероятности его оперативной реализации было решено ограничиться разработкой проекта о включении в состав Санкт-Петербургской губернии географически ближайших к ней Кивинебского и Новокирковского приходов (общин) Выборгской губернии [\[4, л. 197-198\]](#). Разработка закона была поручена специальной междудементальной комиссии под председательством товарища Министра Внутренних Дел, а затем Государственного Секретаря С. Е. Крыжановского. Следует отметить, что в связи с выделением селения Терийоки (Зеленогорск) в самостоятельную административную единицу в 1911 г. итоговая редакция законопроекта говорила уже о трех приходах.

К этому моменту у российской власти уже был опыт «символической» конфронтации с альтернативными национальными проектами за территории с принципиально отличным от её внутренних губерний институциональным устройством. Особенно показательны в этом отношении противостояние с Румынским государством по поводу переданной ему на период 1856–1878 гг. южной части Бессарабии, из которой, по возвращении данных территорий в состав России, был образован Измаильский уезд, и с польским национальным движением внутри самой Империи за территории Холмской Руси. Несмотря на внешнее сходство имперского дискурса в каждом из трех случаев, последующая государственная политика в отношении Измаильского уезда Бессарабской губернии, Холмской губернии и Выборгской губернии существенно различалась.

Так, Измаильский уезд сохранял ярко выраженную административную и правовую обособленность вплоть до 1917 года. В отличие от остальной Бессарабской губернии, здесь успешно функционировали полноценная мировая юстиция и бессловное коммунальное самоуправление, однако не было ни земства, ни городского самоуправления, ни дворянских учреждений, ни волостного и сельского управлений, ни земских начальников [\[18, с. 252-253\]](#). В начале XX в. было предпринято несколько попыток унифицировать местные институты управления и самоуправления с остальной Империей, но ни одна из них не была воплощена в жизнь. Сохранение status quo обуславливалось, по-видимому, соображениями административной целесообразности и отсутствием стимулов к переменам ввиду относительной слабости национального движения в Бессарабии.

Холмская губерния, образованная из районов Люблинской и Седлецкой губерний Царства Польского с преобладающим православным и (или) русскоговорящим населением, напротив, стала ареной культурного противостояния трех конкурирующих национальных проектов: российского, польского и украинского [\[2, с. 110-111\]](#). Одной из ключевых задач правительственной власти в регионе было формирование у жителей

региона русской национальной идентичности, что требовало не только гомогенизации законодательства и системы управления, но и проведение активной образовательной, культурной и конфессиональной политики.

В случае же с Выборгской губернией правительство открыто признавало наличие у местного населения сформировавшейся финляндской идентичности и, по-видимому, не испытывало иллюзий относительно своих возможностей повлиять на её изменение. В результате перед законопроектом стояла весьма умеренная цель административной и правовой унификации присоединяемых территорий с «ядром» Империи. Задачи языковой, культурной и (или) религиозной ассимиляции не ставились в принципе.

Избранный подход можно рассматривать как частное проявление нового курса национальной политики, проводимой П. А. Столыпиным и его товарищем С. Е. Крыжановским, предполагавшим отказ от активной, целенаправленной ассимиляции населения отдельных окраин империи [\[11, с. 122–124\]](#). Возможно, как и в случае с Холмской губернией, подлинным замыслом правительства, не афишируемым публично, было установление новой, «внутринациональной» границы с Великим Княжеством – обособление Выборгской губернии само по себе означало косвенный отказ от проведения аналогичной политики в отношении остальной Финляндии. В отличие от Холмщины, ни этнических, ни конфессиональных оснований к националистическому «присвоению территории» в данном случае не было (только 8% населения Выборгской губернии было православным и только 1,2% – русскоязычными [\[17, с. 39\]](#)), однако дискурса восстановления исторической справедливости и соображений государственной целесообразности могло быть вполне достаточно.

С другой стороны, следует учитывать, что предметом разрабатываемого законопроекта выступала не вся Выборгская губерния, а лишь малая её часть общей площадью 1,5 тыс. км², коренное население которой составляло около 35 тысяч человек (примерно на 10 тыс. человек меньше постоянно и временно проживающих здесь же российских дачников) [\[15, с. 16–17\]](#). Кроме того, разработчикам законопроекта было известно о миграции местных жителей в соседние уезды на фоне новостей о присоединении к Санкт-Петербургской губернии. Вполне возможно, что Комиссия считала аккультурацию или замещение местного населения лишь вопросом времени, не требующим специального вмешательства.

Альтернативные проекты модернизации. Какими бы соображениями ни руководствовались авторы законопроекта, им в любом случае предстояло разрешить весьма сложную и нетривиальную задачу. Во-первых, к началу XX века общественный строй Финляндии коренным образом отличался от внутренних губерний России в силу продолжительного существования здесь широкой политической автономии. Во-вторых, несмотря на то, что Великое Княжество по-прежнему оставалось преимущественно аграрным, экономически слаборазвитым регионом, а в его законодательстве сохранялось немало средневековых реликтов, модернизация отдельных политических институтов продвинулась здесь дальше, чем в других регионах Империи, включая столичную Санкт-Петербургскую губернию.

На момент рассматриваемых событий в Финляндии уже была достигнута практически всеобщая грамотность – в начале XX в. 98,8% местного населения в возрасте старше 10 лет умело читать, а 40,7% – читать и писать [\[17, с. 50–51\]](#). Несмотря на все проблемы финского аграрного сектора, местные крестьяне не знали таких архаичных институтов, как передельная община и волостной суд. В городах и селениях действовали выборные

органы самоуправления, обладавшие широкой автономией от местной администрации. Преобразование финляндского Сейма в парламент современного типа, формирующийся на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права, завершило процесс нивелирования сословных привилегий и ограничений [\[8, с. 368\]](#), [\[9, с. 301–302, 614–617\]](#). В схожем, но не тождественном, направлении развивалась и остальная Россия. Постепенное уравнивание прав всех сословий, развитие массового начального образования, стимулирование частного землевладения, формирование парламентской культуры, реформы местного управления, самоуправления и суда – все это актуальные элементы политической повестки начала XX века для всех европейских регионов Империи.

В этом смысле приходы Выборгской губернии стали точкой соприкосновения двух альтернативных подходов к модернизации государственных институтов. К сожалению, рассматриваемый законопроект предоставляет весьма ограниченный материал, который можно было бы рассматривать в качестве попытки их согласования и коадаптации, однако даже его вполне достаточно для демонстрации реформаторского потенциала российского правительства и внутренней логики его преобразовательной деятельности. Наиболее показательно в этом отношении регулирование правового статуса жителей присоединяемых территорий, организации местного самоуправления и гражданского законодательства.

Правовой статус местного населения. В первую очередь обращает на себя внимание довольно беспрецедентная мера, связанная с проектируемым восстановлением сословной дифференциации в обществе, где она была нивелирована. Показательно, что члены Комиссии, включая её председателя, отдавали себе отчет в отсутствии в Финляндии сословных прав и различий (по крайней мере в правовой плоскости), несмотря на сохранение дворянских званий [\[16, л. 5\]](#).

Законопроект приравнивал население присоединяемых приходов (за исключением дворян и представителей духовенства) к лицам сельского состояния. Данная норма со всей убедительностью демонстрирует, что несмотря на формирование все большего числа государственных институтов на бессословных или сословных началах и постепенное движение к гражданскому равноправию, значение сословной системы (пусть даже скорее символическое, чем юридическое) в глазах высшей российской бюрократии оставалось достаточно высоким, чтобы отказаться от неё даже на относительно небольшой по площади и численности населения территории.

Неоднозначное звучание в области символического имела еще одна норма законопроекта, связанная с определением правового статуса местных жителей – лишение их финляндского гражданства, и наделение всеми правами и обязанностями российских подданных. Вполне естественное намерение членов Комиссии упрочить правовую связь населения присоединяемых приходов с Россией, а также подтвердить распространение на них новые повинности оборачивалось дополнительным акцентом на неравнозначности двух гражданств и, как следствие, особом правовом статусе Великого Княжества Финляндского и его населения. Более того, данная мера в известном смысле дезавуировала принятый 20 января 1912 г. закон о равноправии русских подданных и финских граждан.

Реформа общинного самоуправления. Если сословный вопрос оказался ярким индикатором границы приемлемых и неприемлемых социальных преобразований, то нормы проекта, посвященные местному самоуправлению, отражают скорее попытку согласования двух реформистских проектов на приемлемых для российского

правительства условиях. Общинное самоуправление стало единственным финляндским публично-правовым институтом, который было решено сохранить на присоединяемых территориях даже с учетом распространения на последние юрисдикции местных уездного и губернского земств. Этот факт сам по себе подтверждает если не заинтересованность высшей бюрократии в волостной реформе, то по крайней мере принципиальное согласие с необходимостью её проведения.

Анализ положений законопроекта показывает, что его авторы ориентировались в первую очередь на нормы проекта положения о волостном управлении (причем в правительственной, а не в думской редакции), а в части административного надзора за местным самоуправлением – на более строгие предписания Земского Положения 1890 г. и Городового Положения 1892 г. Последнее может быть связано как с небезосновательными опасениями относительно лояльности финляндских муниципальных деятелей, так и общим «поправлением» правительственного курса в 1911-1914 гг.

Права участия в общинных делах лишались все категории лиц, не имеющие избирательных прав на земских выборах (в том числе и евреи), а также осужденные за уклонение от отбывания воинской повинности. Вводимые ограничения частично затрагивали и женщин – в соответствии с проектом они могли участвовать в работе общинных собраний только через своих представителей [\[15, с. 81\]](#).

Общинные собрания, подобно уездным земствам, теряли право издавать обязательные правила по вопросам улучшения санитарной части, обеспечения нравственности, общественного порядка и безопасности. Остальные их постановления, хотя и не требовали утверждения административной властью, обязательно предоставлялись земскому начальнику и, если последний не останавливал их исполнения, вступали в силу только через две недели после этого [\[15, с. 77, 88\]](#).

Это было далеко не единственным проявлением ужесточения административного надзора за деятельностью общинного самоуправления. Так, председатели и вице-председатели общинных собраний и общинных управ, а также члены общинных управ должны были утверждаться в должности даже не земским начальником, а непосредственно губернатором (финляндское законодательство в принципе не предусматривало такой процедуры), причем в случае двукратного отклонения представленных кандидатур последний имел право замещать их собственной властью. Сверх этого губернатор наделялся правом выразить несогласие при назначении всех остальных лиц общинного самоуправления, а также лиц, приглашаемых общинами по свободному найму для отдельных занятий [\[15, с. 84-86\]](#).

По поводу предмета надзора мнения разделились: одни члены Комиссии со ссылкой на законопроект о волостном земстве предлагали ограничить его только законностью действий и решений общинных учреждений, большинство же, апеллируя с охранительных позиций к нормам Земского и Городового Положений, предлагали распространить его и на целесообразность таковых [\[15, с. 86\]](#).

Таким образом, хотя положения законопроекта были значительным шагом вперед по сравнению с крестьянским волостным самоуправлением внутренних губерний России, относительно финляндского закона о сельском общинном управлении их можно охарактеризовать не иначе, как реакционные. Интересно отметить, что в те же годы Сейм Финляндии безуспешно добивался преобразования городского и сельского общинного самоуправления на началах всеобщего, прямого, равного избирательного

права при тайном голосовании.

Гражданско-правовая интеграция. Вопросам гражданского права посвящена сравнительно небольшая часть законопроекта, однако они стали предметом наиболее серьезных разногласий. Большинство членов комиссии высказалось за безотлагательное введение в регионе российского гражданского материального и процессуального права, тогда как представители Министерств Юстиции и Финансов заняли более осторожную позицию. Справедливо указывая на отсутствие политической необходимости в незамедлительной ломке частноправовых отношений, на недостатки Свода Законов Гражданских даже по сравнению с финляндским законодательством и на применение во многих регионах Империи, включая Холмскую губернию, местных источников гражданского права (от Кодекса Наполеона до шариата), представители ведомств предлагали отложить гражданско-правовую интеграцию до принятия нового Гражданского Уложения [\[16, л. 14–17\]](#).

Таким образом, никто из членов Комиссии не был принципиальным противником распространения на присоединяемые территории российского гражданского законодательства – дискуссия развернулась вокруг выбора наиболее приемлемой формы осуществления данной меры. Затянувшиеся обсуждения не привели к достижению консенсуса – окончательное решение данного вопроса было предоставлено Совету Министров.

Представленная дискуссия отражает характерную черту законотворческого процесса в России начала XX века – сложность внутренних взаимосвязей и закономерная взаимозависимость большого количества единовременно разрабатываемых реформ. В редких случаях отдельные проекты еще до обретения законной силы могли стимулировать профильные ведомства к незамедлительному правотворчеству в смежных областях, но гораздо чаще наблюдалась прямо противоположная ситуация – промедление с разработкой, рассмотрением и корректировкой одних законопроектов становилось существенным, а подчас и непреодолимым препятствием к принятию других. Особенно ярко это проявлялось в ситуациях, когда блокируемый проект оказывался очевидно несомасштабным блокирующему, как было в рассматриваемом случае.

Национальная политика. Наконец, следует остановиться на проектируемом регулировании национального вопроса. Присоединение новых территорий действительно должно было бы сопровождаться усилением позиций русского языка по сравнению с финским, однако последнее рассматривалось не в качестве самоцели, а как неотъемлемая составляющая административной унификации. Так, наиболее существенное изменение – перевод делопроизводства общинных управлений на русский язык – становилось практически неизбежным в условиях того тесного взаимодействия органов местного самоуправления с российской уездной и губернской администрацией, о котором говорилось ранее. При этом за населением присоединяемых территорий сохранялось право «подавать в общинные управления бумаги на финском языке и требовать выдачи безвозмездно перевода на финский язык с обращаемых к ним бумаг» в течение пяти лет с момента вступления закона в силу [\[15, с. 2\]](#).

В сущности, этим и ограничивались прямые предписания законопроекта относительно языковой, культурной или образовательной политики. В его тексте отсутствуют какие-либо положения, связанных с русификацией системы образования (хотя отдельные члены Комиссии и признавали желательным скорейшее закрытие финских школ), ограничением земельных прав финнов (напротив, закреплялось сохранение всех имущественных прав местного населения) или со стимулированием переселения в край

русского элемента. Впрочем, нельзя однозначно отрицать, что каждое из перечисленных последствий (особенно последнее) могло воплотиться в реальность в силу самого факта присоединения территорий Выборгской губернии к Санкт-Петербургской.

Расширение притязаний. Вопреки установке на оперативное проведение реформы, разработка законопроекта заняла более трех лет – сказывались и затянувшийся сбор сведений о присоединяемых приходах, и общая инертность бюрократической машины, и внутренние разногласия Комиссии. Проект был представлен на рассмотрение Особого Сопещения по делам Великого Княжества Финляндского только в апреле 1914 г.

К этому времени правительственный дискурс относительно претензий на Выборгскую губернию не только не потерял актуальности, но и пополнился новыми аргументами – срочного пересмотра границы требовали очередные, более масштабные мероприятия Военного Министерства по обеспечению обороноспособности северо-западных рубежей государства и его столицы, а также необходимость противодействия «офиннению» карельской народности, «единственного преданного ей (России. – Д. Т.) в Финляндии элемента» [5, л. 10-12]. Разумеется, в последнем случае речь шла об ассимиляции карел на основании «исторически родственных им начал русской национальности и культуры» [5, л. 12]; финское же население по-прежнему не рассматривалось в качестве объекта русификации.

На этот раз Особое Сопещение не собиралось ограничиваться половинчатыми мерами и настаивало на возвращении в Империю всей Выборгской губернии в границах 1811 г. Тем самым заявлялась претензия и на часть соседней Санкт-Михельской губернии с городом Нейшлот (Савонлинна) [5, л. 10-11]. Совет Министров, а затем и Николай II поддержали это решение. В новых условиях проект 1910 г. потерял всякую актуальность.

Общее содержание нового закона о присоединении всей Выборгской губернии представлялось С. Е. Крыжановскому следующим образом: «все основы гражданского быта и общественного строя – в частности, действующие в Финляндии гражданские законы и общинное управление, равно как податную систему – представлялось бы возможным сохранить до времени в существующем положении и ограничиться одним лишь преобразованием административной, полицейской и судебной частей» [5, л. 9]. В сущности, предлагалось поступить по аналогии с Холмщиной – произвести изменение статуса территории и последующую её гомогенизацию с внутренними губерниями России в несколько этапов, урегулировав в первую очередь только наиболее общие вопросы [3, л. 5]. Выбор именно такого подхода вполне закономерен, ведь именно С. Е. Крыжановский был идейным вдохновителем и непосредственным автором проекта выделения Холмской губернии. С учетом того, что он же и стал председателем новой междудеомственной комиссии, по-видимому, законопроект был бы составлен именно в таком ключе.

В целом же отдельные историки полагают, что если бы не Первая Мировая война, Выборгская губерния, несомненно, рано или поздно была бы присоединена к России [12, с. 210]. Примечательно, что большая часть её территории, включая губернский центр, действительно будет присоединена к СССР через четверть века после рассмотренных событий, но уже при совершенно иных исторических обстоятельствах и гораздо более высокой ценой.

Заключение. Таким образом, несмотря на практическую не востребоованность, проект закона о присоединении Кивинебской, Новокиркской и Териокской общин Выборгской

губернии к составу Санкт-Петербургской губернии представляет собой уникальную попытку согласования двух различных институциональных систем на приемлемых для российского правительства условиях в рамках противостояния с конкурирующим национальным проектом. Контраст, порожденный их соприкосновением, позволил отчетливо запечатлеть отдельные черты проводимого высшей бюрократией политического курса. Вероятно, именно по этой причине достаточно небольшой по объему законопроект явственно отражает смену приоритетов национальной политики с широкой программы русификации окраин на формирование «национального ядра» России, маркирует политически приемлемые для правительства границы преобразований и, наконец, раскрывает сложную внутреннюю логику реформаторского процесса, не всегда очевидную извне.

Библиография

1. Бородин М. М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. – СПб.: Государственная типография, 1912. – 446 с.
2. Верняев И. И. Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской Империи начала XX в. // Русин. – 2018. – № 3 (53). – С. 97–114.
3. Дело об образовании Холмской губернии из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 883.
4. Дело об отклонении проекта присоединения двух приходов Выборгской губернии к Петербургской губернии // РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 156
5. Журнал высочайше учрежденного Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского от 21 апреля 1914 г. о присоединении Выборгской губернии к России // РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 40.
6. Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990. – 254 с.
7. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. М. Червонная. – М.: Прогресс-Традиция: Традиция, 2000. – 342 с.
8. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть. Издание шестое, под редакцией и с дополнениями М. Б. Горенберга – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – 623 с.
9. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2: Часть особенная. Издание шестое, под редакцией и с дополнениями М. Б. Горенберга – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – 739 с.
10. Ковальов Д. В. Зарождение и развитие свекоманской оппозиции в Великом Княжестве Финляндском // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2017. – № 2 (14). – С. 28–35.
11. Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2009. – 228 с.
12. Куяла А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // Русский Сборник: исследования по истории России. Т. XVII: Финляндия и Россия. – М.: Модест Колеров, 2015. – С. 198–213.
13. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 315 с.
14. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 896 с.
15. Проект закона, объяснительная записка и приложения о присоединении Кивинебской, Новокиркской и Териокской общин Выборгской губернии к составу С.-Петербургской губернии – СПб., 1914. – 24, 174, 436 с.

16. Протоколы Особой междуведомственной комиссии для рассмотрения законопроекта о присоединении двух приходов Выборгской губ. к составу Петербургской губ. // РГИА. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 8.
17. Статистический ежегодник Финляндии: новая серия. Год одиннадцатый. 1913. – Гельсингфорс: тип. Императорского Сената, 1914. – XXXI, 636 с.
18. Урусов С. Д. Записки губернатора: Кишинев. 1903–1904 г. – М.: В. М. Саблин, 1907. – 377 с.
19. Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–2009. / пер. Ю. С. Дерябина. – М.: Весь Мир, 2010. – 471 с.
20. Snellman A. The nobility of Finland 1809–1919: From imperial loyalism to nationalist conflict // Петербургский исторический журнал. – 2014. – №. 4. – С. 112–129.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема возвращения Выборгской губернии в состав «внутренней» России. Автор сосредоточил свое внимание на правовом аспекте вопроса. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "Проекты присоединения сначала части, а затем и всей территории Выборгской губернии Великого Княжества Финляндского в состав граничащей с ней Санкт-Петербургской губернии несколько обделены вниманием исследователей по сравнению с другими мероприятиями финляндской политики П. А. Столыпина и его преемников, например, принятием закона 17 июня 1910 г. об общегосударственном законодательстве или подготовкой «большой программы русификации» комиссией сенатора Н. Н. Корево. Несмотря на то, что нормативные акты об указанных выше административно-территориальных преобразованиях так и не были представлены на рассмотрение правительства и парламента, их содержание и история разработки представляют немалую исследовательскую ценность. Будучи органической частью более широких контекстов, они отражают как общую эволюцию национальной политики российского государства в начале XX в. от претензий на аккультурацию всего нерусского населения (по крайней мере в отдельных окраинных регионах) к определению границ «русской национальной территории» внутри общеимперского пространства [13, с. 217–240], так и отдельные эндогенные проблемы политической модернизации страны".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Официальная позиция российской власти относительно целесообразности передачи Выборгской губернии в состав Великого Княжества Финляндского и сохранения status quo изменилась на прямо противоположную после революционных событий 1905-1907 гг., не в последнюю очередь после прямого столкновения с национальной мобилизацией и политическим радикализмом в регионе. Идея пересмотра административных границ стратегически важной территории княжества в интересах империи органично вписалась в политический курс нового Председателя Совета Министров П. А. Столыпина, предполагавший последовательное, систематическое ограничение автономии Финляндии более строгими правовыми рамками, расширение контроля центрального правительства над регионом и борьбу с «финским сепаратизмом»"; "В случае же с Выборгской

губернией правительство открыто признавало наличие у местного населения сформировавшейся финляндской идентичности и, по-видимому, не испытывало иллюзий относительно своих возможностей повлиять на её изменение. В результате перед законопроектом стояла весьма умеренная цель административной и правовой унификации присоединяемых территорий с «ядром» Империи. Задачи языковой, культурной и (или) религиозной ассимиляции не ставились в принципе"; "Какими бы соображениями ни руководствовались авторы законопроекта, им в любом случае предстояло разрешить весьма сложную и нетривиальную задачу. Во-первых, к началу XX века общественный строй Финляндии коренным образом отличался от внутренних губерний России в силу продолжительного существования здесь широкой политической автономии. Во-вторых, несмотря на то, что Великое Княжество по-прежнему оставалось преимущественно аграрным, экономически слабо развитым регионом, а в его законодательстве сохранялось немало средневековых реликтов, модернизация отдельных политических институтов продвинулась здесь дальше, чем в других регионах Империи, включая столичную Санкт-Петербургскую губернию"; "Законопроект приравнивал население присоединяемых приходов (за исключением дворян и представителей духовенства) к лицам сельского состояния. Данная норма со всей убедительностью демонстрирует, что несмотря на формирование все большего числа государственных институтов на бессословных или сословных началах и постепенное движение к гражданскому равноправию, значение сословной системы (пусть даже скорее символическое, чем юридическое) в глазах высшей российской бюрократии оставалось достаточно высоким, чтобы отказаться от неё даже на относительно небольшой по площади и численности населения территории" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из следующих разделов: "История Выборгской губернии"; "Дискурс и политика"; "Альтернативные проекты модернизации"; "Правовой статус местного населения"; "Реформа общинного самоуправления"; "Гражданско-правовая интеграция"; "Национальная политика"; "Расширение притязаний". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 20 источниками (монографиями, научными статьями, учебниками, статистическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точки зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, несмотря на практическую не востребованность, проект закона о присоединении Кивинебской, Новокирксской и Териокской общин Выборгской губернии к составу Санкт-Петербургской губернии представляет собой уникальную попытку согласования двух различных институциональных систем на приемлемых для российского правительства условиях в рамках противостояния с конкурирующим национальным проектом. Контраст, порожденный их соприкосновением, позволил отчетливо запечатлеть отдельные черты проводимого высшей бюрократией политического курса. Вероятно, именно по этой

причине достаточно небольшой по объему законопроект явственно отражает смену приоритетов национальной политики с широкой программы русификации окраин на формирование «национального ядра» России, маркирует политически приемлемые для правительства границы преобразований и, наконец, раскрывает сложную внутреннюю логику реформаторского процесса, не всегда очевидную извне"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере истории отечественного государства и права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Орчакова Л.Г., Ильмиев Р.И. Доходные дома в Москве на рубеже XIX–XX веков как экономический феномен //

Genesis: исторические исследования. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.73126 EDN: UDDHDG URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73126

Доходные дома в Москве на рубеже XIX–XX веков как экономический феномен

Орчакова Лариса Геннадьевна

ORCID: 0000-0001-9559-9930

доктор исторических наук

профессор департамента истории; институт гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4

✉ OrchakovaLG@mgpu.ru

Ильмиев Роман Имранович

ORCID: 0009-0007-8714-7580

аспирант; департамент истории института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет

129347, Россия, г. Москва, ул. Проходчиков, 1, кв. 84

✉ ilmievri@mgpu.ru

[Статья из рубрики "История и экономика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.1.73126

EDN:

UDDHDG

Дата направления статьи в редакцию:

23-01-2025

Аннотация: Рубеж XIX–XX веков – это период индустриализации и урбанизации, который оказал существенное воздействие на социальную и экономическую динамику. Москва, как и другие мегаполисы того времени, столкнулась с быстрым ростом городского населения, что порождало потребность как в жилье, так и в коммерческих помещениях. В данном контексте, изучение темы становления и развития доходных

домов является весьма актуальным, так как она позволит понять, как преобразовывалось городское пространство, общество и отношения человека к жилью под воздействием экономических и социальных перемен в изучаемый период. В приведенном исследовании рассматривается и анализируется роль и место доходных домов в системе городского жилья, насколько жизнь в таких домах являлась доступной для городских обывателей, экономический фундамент возникновения доходных домов, и влияние их строительства на облик Москвы, на чьей земле производилась застройка. Исследование основывается на диахронном, статистическом и хронологическом методах: – диахронный отслеживает историческое развитие доходных домов Москвы; – статистический применяется для анализа собранных данных о доходных домах; – хронологический метод позволяет проследить роль доходных домов в процессе урбанизации Москвы и выявить ключевые этапы в их развитии. Научная новизна исследования заключается в малоизученности истории доходных домов Москвы с финансово-экономической и социальной стороны. Во-первых, анализ финансово-экономических аспектов позволяет глубже понять механизмы инвестиций в городскую недвижимость и их влияние на формирование рынка. Исследование мотивов и финансовых стратегий владельцев и инвесторов в доходные дома может пролить свет на причины успеха или неудач таких предприятий, а также на роль, которую они играли в экономическом развитии города. Во-вторых, анализ социальной стороны дает возможность рассмотреть вопросы социальной мобильности, структуры населения и социальных изменений, происходивших в контексте городского развития. Какие группы населения были ассоциированы с проживанием в доходных домах? Какие социальные последствия сопровождали этот тип жилья? Эти вопросы расширяют понимание социальной истории города. Изучение этих взаимоотношений позволит ввести в оборот ранее неопубликованные материалы, систематизировать имеющиеся данные, основываясь на разнообразных источниках информации.

Ключевые слова:

Москва, москвоведение, история Москвы, доходные дома, доходная недвижимость, домовладения, домовладельцы, урбанизация, архитектура, предпринимательство

Вторая половина XIX – начало XX века – это стремительное развитие по модернизационному типу экономической, социальной, культурной и политической сфер в России наполненное бурными событиями. Реформы 1860-х – 1870-х гг. дали мощнейший стимул развитию промышленности, урбанизации всей страны и увеличению численности городского населения. Облик городов кардинально изменяется. С одной стороны, возрастает потребность в жилье, с другой – это становится предметом инвестирования средств в строительство недвижимости для аренды, в том числе доходных домов. Именно в этом видится важность изучения данного вопроса, позволяющая глубже понять общеэкономические процессы, происходившие в России на рубеже веков, а также их социальные и культурные последствия.

На сегодняшний день теме развития доходных домов в России, в частности в Москве, посвящено не так много исследований. Историография вопроса достаточно ограничена, и только немногие исследователи пытались рассмотреть это явление в контексте общеэкономических и социокультурных процессов той эпохи.

Один из немногих исследователей, обративших внимание на этот аспект – Д. М. Демидович. В своей диссертации «Доходные дома Санкт-Петербурга как социальное

явление (1870–е гг. – начало XX в.)» она попыталась осветить сложные и многогранные отношения между ключевыми участниками жизни доходных домов. Диссертация предоставляет всесторонний анализ социальных, культурных и экономических процессов, выстроенных вокруг доходных домов Санкт-Петербурга, другие регионы исследователь не затрагивает. Также можно отметить работу Е. Д. Юхнёвой – «Петербургские доходные дома. Очерки их истории быта». Автор рассматривает жизнь и быт квартиросъемщиков в доходных домах.

Данная тема освещается и в ряде статей следующих авторов: И. С. Черединой, Е. Ю. Рыбакова [\[11\]](#); Л. Н. Даняевой [\[5\]](#); Ю. Васильевой, А. Хайруллиной и С. Новиковой [\[1\]](#). Однако все эти работы не осмысливают наш предмет исследования в историческом контексте.

Стоит отметить, что вопросу развития доходных домов Москвы уделялось недостаточно внимания в научной литературе. Эта тема, безусловно, заслуживает глубокого исследования, учитывая роль, которую доходные дома играли в социальной и экономической жизни города. На данный момент отсутствует всеобъемлющий анализ этого явления, что оставляет широкий простор для новых научных работ и исследований. Это делает изучение темы доходных домов в Москве особенно актуальным и важным, открывая широкие перспективы для новых исследований.

В начале 1870–х гг. городское население Москвы определялась численностью около 601 тыс. чел., а к 1907 г. этот показатель уже перевалил за 1,345 млн. чел. В Петербурге, за этот же период, городское население выросло с 682 тыс. чел. до 1,464 млн. чел. [\[10, с. 74–78\]](#).

До середины XIX в. основными типами городского жилья в России являлись дворцы, особняки, загородные дома и виллы, гостиные дворы, но уже в 40–е гг. образовывается новый тип – доходные дома.

Очень важно понимать, что такое доходный дом. Не известно кто впервые использовал это понятие. Вероятно, оно возникло, когда нужно было обозначить коммерческое жилье, возникшее в городах Европы и Америки в XIX в., поскольку, само явление сдачи дома в аренду с целью получения дохода не являлось новшеством, но городскому управлению необходимо было отличать такие дома от остальных.

Подобно древнеримским инсулам, они представляли собой вид высотной, коммерческой недвижимости, состоящей из нескольких абсолютно разных по площади и удобству квартир, связанных между собой коридорной системой, пришедшей на смену анфиладной.

Поначалу доходные дома строились для представителей одного сословия, но с течением времени изменилось и это – в одном доме бок о бок могли проживать дворяне, государственные служащие, банкиры и рабочий класс.

Санкт-Петербург, как столица Российской империи и главный культурный и экономический центр, часто становился первопроходцем в вопросах архитектуры и градостроительства. Доходные дома стали популярным явлением именно в Петербурге в XIX в., и лишь затем их стали активно строить в других городах России. К началу XX в. главными центрами строительства подобных домов в России стали Санкт-Петербург и Москва. К тому времени в Москве уже насчитывалось более 550 таких домов, а к 1917 г. их доля в составе городской жилой недвижимости составляла около 40 %. В Петербурге этот показатель варьировался от 80 до 94 %.

Краеугольным камнем при строительстве любого здания, в том числе доходных домов являлся земельный вопрос. В 1801 г. императором Александром I был издан указ, предоставивший право приобретения земли в городах купечеству, мещанству и казенным крестьянам (Именной указ 12 декабря 1801 г., данный Сенату «О предоставлении купечеству, мещанству и казённым поселянам приобретать покупкой земли»). По факту, данный указ стал частью более широких реформ, направленных на модернизацию Российской империи. Приобретение земли в городах стало важным шагом в развитии городской инфраструктуры и в росте городской экономики. Указ заложил курс городского развития на многие годы вперед.

К середине XIX в. в Москве сформировалось три крупных группы держателей земли: государство, церковь и дворянство. Но, к концу века ситуация начала меняться, земли оскудевшего дворянства выкупались купцами. Как точно заметил Владимир Гиляровский: «Только с падением крепостного права дворцы стали переходить в руки купечества и на грани настоящего и прошлого веков исчезли с фронтов дворянские гербы, появились на стенах скромные вывески новых домовладельцев: Солодовниковы, Голофтеевы, Цыплаковы, Шелапутины, Хлудовы, Обидины, Ляпины ... и здесь барские палаты были заняты купечеством, равно как и изысканный французский стол, модный у дворян, перешел на старинные русские кушанья.» [\[3, с. 121\]](#).

К началу 1917 г. в России сформировалось четыре крупных группы тех, кто инвестировал средства в возведение доходных домов: дворянство и купечество, православная церковь, акционерные общества и архитекторы. Как правило, архитекторы возводили собственные доходные дома и при реализации своих идей ограничивались лишь собственными финансовыми возможностями, городовым положением и прочими местными постановлениями. Остальные же группы обращались и старались привлечь к строительству своих домов наиболее именитых и лучших архитекторов Москвы, таких как Барютина Ивана Тимофеевича (1868–1928 гг.), Бурова Константина Фёдоровича (1854–1936 гг.), Великовского Бориса Михайловича (1878–1937 гг.), Величина Виктора Андреевича (1863–1921 гг.), Кекушева Льва Николаевича (1862–1917 гг.) и многих других.

Обзавестись землей под застройку можно было двумя способами: приобрести землю в собственность или арендовать участок у землевладельца. В последнем случае, как отмечает кандидат исторических наук Д. М. Демидович, такие сделки регулировались чиншевым правом, согласно которому земля и постройки, расположенные на ней, могли принадлежать разным владельцам [\[7, с. 41\]](#). Это было одно из самых проблематичных положений, не столько на начальном этапе строительства, сколько на завершающем, когда договор аренды земли подходил к концу. Землевладелец мог отказать собственнику здания в продлении аренды и в данном случае перед последним возникало два варианта решения проблемы – либо продать здание землевладельцу, либо снести, а пригодные для дальнейшего использования материалы продать.

Долгое время проблема чиншевого права оставалась нерешенной, пока Государственная дума не приняла, а Государственный совет не утвердил, законопроект «О праве застройки» [\[4\]](#). В нем, за будущим или уже действующим собственником доходного дома сохранялось право передачи застройки участка третьим лицам через заключение договора или завещание, но при этом земля оставалась в собственности землевладельца [\[4\]](#).

Как и сегодня, важным фактором, влияющим на стоимость участка под строительство недвижимости, являлось место его расположения – часть города, при этом внутри этих частей цена также могла достаточно сильно варьироваться в зависимости от расположения участка, такое соотношение представлено в нижеприведенной таблице (табл. 1).

Таблица 1. Цена на землю в Городской, Арбатской и Лефортовской частях города Москвы [\[9, с. 3–18\]](#)

Название местности	Место нахождения	Стоимость 1 кв. саж./руб.
1	2	3
Городская часть		
Ильинка улица	От Красной пл. до Ильинских ворот	1600 руб.
Воскресенский проезд	От Воскресенской до Красной пл.	1000 руб.
Мокринский переулок	От Москворецкой ул. до Проломных ворот	185 руб.
Арбатская часть		
Тверские ворота	Между Тверской и Большой Бронной ул.	250 руб.
Никитские ворота	Между Тверским и Никитским бульварами	175 руб.
Ржевский переулок	От Поварской до Большой Молчановки	50 руб.
Лефортовская часть		
Гавриков малый переулок	От Ирининской до Хапиловской ул.	50 руб.
Девятая рота улица	От Преображенской пл., до Хапиловского пер.	20 руб.
Золоторожская набережная	От линии Курской ж. д., до Салтыковского моста	3 руб.

По данным Московского городского кредитного общества цена 1 кв. сажени (ок. 4,55 кв. м) в Москве в 1914 г. составляла от 3 руб. до 1600 руб. Исходя из деления Москвы на 17 городских частей, самые дорогие земельные участки располагались в Городской (Кремль и Китай-город) (до 1600 руб./саж.), Мясницкой (до 600 руб./саж.), Тверской (до 600 руб./саж.) и Пятницкой (до 300 руб./саж.) частях города. Дорогие участки находились в Арбатской (до 250 руб./саж.), Мещанской (до 250 руб./саж.), Сretenской (до 225 руб./саж.) и Пречистенской (до 200 руб./саж.) частях города. Участки средней ценовой категории располагались в Хамовнической (до 150 руб./саж.), Якиманской (до 150 руб./саж.), Яузской (до 150 руб./саж.), Пресненской (до 125 руб./саж.) и Суцевской (до 125 руб./саж.) частях. Дешевая земля была в Рогожской (до 100 руб./саж.),

Лефортовской (до 80 руб./саж.), Басманной (до 70 руб./саж.) и Серпуховской (до 45 руб./саж.) частях Москвы [\[9, с. 3–80\]](#).

В эпоху интенсивных городских преобразований XIX в. Москва и Берлин стали свидетелями уникального эволюционного процесса в городской застройке. Обращение к опыту столицы Германской империи представляет собой ценный метод анализа, помогающий более глубоко понять происхождение и эволюцию доходных домов, а также то, как социально-экономические трансформации того времени сказывались на формировании городского ландшафта.

В Москве, в отличие от столицы Германской империи – Берлина, доходные дома появились несколько позже. Их появлению способствовали схожие социально-экономические условия, к примеру, индустриализация и внутренняя миграция населения из сельских районов в города, в которых люди искали работу на новых заводах и фабриках [\[11, с. 366\]](#). Расширение городской инфраструктуры в течение XIX в. привели к увеличению потребности в коммерческой и жилой недвижимости. Доходные дома стали гармоничным городским элементом, удовлетворяющим эти запросы.

Идея создания доходных площадей заключалась в том, что каждый квадратный метр недвижимости должен был приносить прибыль своему владельцу с учетом обеспеченности арендодателей комфортными помещениями с определенными удобствами как под жилые, так и под коммерческие нужды. Это потребовало тщательного подбора места под застройку, грамотного составления плана дома, а также понимания потребностей и социального положения будущих арендаторов.

Москву и Берлин также объединяло то, что архитектурные стили зданий и построек были чрезвычайно разнообразны. Доходные дома, располагающиеся в наиболее престижных районах, часто отличались от остальных подобных домов богато украшенными фасадами и парадными вестибюлями, наличием лифтов и водопровода. Их строительство стало отражением роста, развития города и изменения отношения к владению недвижимостью.

Основными стилями, которые использовались при строительстве подобных домов в Москве, стали модерн, неорусский стиль и неоклассика [\[6, с. 78\]](#). Однако, ими все не ограничивалось, в Москве дома возводились также в стилях ар-деко, барокко, ренессанс, московский модерн, неоготика, эклектика, нео- и псевдоготика, северный модерн и даже шинуазри.

В Москве сложилась практика, когда первые этажи доходных домов как правило занимали магазины, лавки, салоны и конторы. К примеру, в доходном доме наследниц Хлудовых (строительство: 1894–1896 гг.; архитектор: Лев Кекушев; адрес: Москва, Мещанский район, Театральный пр., д. 3/1/2) располагалась контора Санкт-Петербургского международного коммерческого банка [\[2, с. 16\]](#). В доме Рахманинова (ул. Воздвиженка, д. 11, не сохранился) находилась Санкт-Петербургская гигиеническая лаборатория питательных веществ и физиологических ферментов, торгующая мясным соком, мясным порошком, газированным молоком и другими видами товаров [\[9, с. 27\]](#).

На вторых этажах располагались квартиры для служащих банков и страховых обществ, творческой интеллигенции и т. д. В начале века они уже оснащались определенными удобствами, к примеру водопроводом и канализацией. Такие квартиры включали от 3 до 4 комнат, а арендная плата составляла от 50 до 100 руб./мес. Согласно главнейшим предварительным данным переписи г. Москвы, подобные квартиры были наиболее востребованными среди москвичей и как правило они простаивали без жильцов меньше

всего времени (Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы 31 января 1902 г. С. 59).

Самыми дорогими и престижными этажами являлись как правило третьи, на них располагались «барские квартиры», включающие от 5 до 15 комнат. Стоимость аренды таких апартаментов составляла 120–140 руб./мес. Помимо обычных удобств, такие квартиры были оборудованы артезианскими скважинами, каминами, вентиляцией, собственными ванными комнатами, включали хорошую мебель и ряд других преимуществ.

Выше третьих этажей располагались дешевые 1–2 комнатные квартиры, меблированные комнаты, а также коечно–каморочные квартиры. Стоимость аренды первых составляла около 10 руб./мес., а коечно–каморочные квартиры сдавались по 5 руб./мес.

Несмотря на то, что комнаты верхних этажей предназначались рабочему люду, как показывают данные, обобщенные в таблице о годовой заработной плате, аренда жилья в таких домах оставалась малодоступной

Если учесть все иные обстоятельства труда рабочих и систему оплаты (табл. 2), то вполне обосновано следует констатировать, что многие из них сталкивались с проблемой аренды жилья. Некоторые могли себе позволить, в лучшем случае, съем 1–2 комнатных дешевых квартир, большинство же могли рассчитывать только на коечно–каморочное жилье.

Таблица 2. Годовая заработная плата фабрично–заводских рабочих Москвы в 1879, 1906 и 1913 гг., руб./год [\[8, с. 182–183\]](#)

Производство	Заработная плата фабрично– заводских рабочих Москвы, руб./год		
	1879 г.	1906 г.	1913 г.
1	2	3	4
Производство машин и инструментов	330	362	406
Обработка металла	256	347	390
Обработка дерева	249	288	327
Производство съестных припасов	213	220	254
Производство одежды	191	251	270
Химическое производство	156	244	276
Книгопечатание и печатное искусство	153	366	409

Социальное положение арендаторов отражало более широкие экономические и культурные тенденции того времени, а также меняющееся отношение к жилью и городской жизни. Наличие современных удобств, таких как лифты, водопровод, отопление и сантехника, сделало проживание в доходных домах более привлекательным вариантом для многих городских обывателей, особенно из более обеспеченных слоев населения. В то же время, рост численности рабочего класса и потребность в доступном жилье в городах создавали спрос на более простые и скромные варианты комнат и квартир в них. Подобное потребности создавали яркую и динамичную городскую среду, которая на рубеже XIX и XX вв. являлись важнейшей характеристикой формирующейся

квартирной культуры Москвы.

В заключении необходимо отметить, что доходные дома, появившиеся в Москве во второй половине XIX в., стали неотъемлемой частью городской застройки, изменивший облик Москвы. В «семье» жилой недвижимости доходные дома на начальном этапе своего становления являлись «белой вороной», но именно они оказали влияние на дальнейшую застройку Москвы, изменяя ее облик. Возводились данные дома с одной целью – извлечение прибыли от сдачи квартир и помещений в аренду, поэтому для максимизации прибыли часто применялись различные ухищрения. Но, несмотря на это, доходные дома сыграли важную роль в обеспечении городского населения жильем и были важным аспектом городского развития как в Европе в целом, так и в России в частности. Постояльцы доходных домов принадлежали к различным социально-экономическим слоям, снимали комнату или квартиру в одиночку или с семьей. Желание заработать, планировка и внешний вид доходных домов позволяли своим домовладельцам заселять как людей с невысоким доходом, так и состоятельных купцов, промышленников и аристократов. Обеспечивалось это за счет этажности и оснащенности домов.

Для инвесторов и будущих домовладельцев вложение средств в строительство доходных домов рассматривалось как привлекательное по ряду причин:

1. урбанизация и прирост населения в городах создавали высокий спрос на жилье;
2. относительно низкие инвестиционные риски;
3. доходные дома обеспечивали своим владельцам надежный и стабильный доход.

Следует обратить внимание также на архитектурную составляющую строительства доходных домов. С культурной точки зрения в историческом развитии доходные дома не имели прямых «потомков», поэтому осмысление того, как они должны быть устроены архитектурно и функционально, приходило постепенно.

На рубеже XIX–XX вв. Москва стала эпицентром архитектурных экспериментов. Множество стилей, таких как модерн, неорусский стиль, неоклассика, ар-деко, барокко, ренессанс, московский модерн, неоготика, эклектика, нео- и псевдоготика, северный модерн и даже шинуазри, нашли свое отражение в городской застройке. Архитекторы получили широкую возможность для реализации своих идей и, отчасти, для экспериментирования, а заказчики – для удовлетворения своих амбиций и удовлетворения собственного тщеславия. Таким образом, Москва обогатилась архитектурными творениями, в которых сочетаются мировые архитектурные тенденции с национальными особенностями и традициями, и которые до сегодняшнего дня являются историческим достоянием столицы.

Важное место в этом процессе занимало государство, в особой степени органы городского управления, следившие на всех этапах за строительством и соблюдением всех норм. Будущие домовладельцы помимо приобретения участка, должны были предоставить чертежи фасадов и планировки будущих доходных домов [\[12, с. 92\]](#).

С социальной точки зрения доходные дома являлись «спасительным» островком как для действующих, так и для потенциальных городских обывателей: приобрести квартиру в Москве в начале XX в. было невозможно, а средства на возведение собственных особняков имели лишь состоятельные граждане. Таким образом, аренда квартиры, комнаты или койки в доходном доме являлась лучшим способом «прописаться» в городе,

а социальные связи, формировавшиеся в рамках доходного дома, являлись по-своему уникальными.

Доходные дома Москвы на рубеже XIX–XX вв. представляли собой особенный экономический феномен. Они являлись не только воплощением архитектурного искусства, но и в отсутствие развитых финансовых рынков высокодоходными инвестициями, которые рассматривались как надежный и прибыльный актив.

Библиография

1. Васильева Ю., Хайруллина А., Новиков С. История первых доходных домов Казани // Мир искусств: вестник международного института антиквариата. 2013. С. 74–78.
2. Вся Москва. Адресная и справочная книга... М.: Суворин «Новое время», 1902.
3. Гиляровский В. А. Записки москвича. М.: Федерация, 1931.
4. Гойхбарг А. Г. Закон о праве застройки (Выс. утв. 23 июня 1912 г. Собр. узак. № 130, ст. 1147). Текст с объясн. Практик. коммент. / А. Г. Гойхбарг. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1913.
5. Даняева Л. Н. Доходный дом как архитектурный прототип многоквартирных жилых зданий // Приволжский научный журнал. 2021. С. 172–177.
6. Даняева Л. Н., Крайнова Д. А. Архитектурно-композиционное и типологическое формирование жилых зданий на примере доходных домов середины XIX–XX вв. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2020.
7. Демидович Д. М. Доходные дома Санкт-Петербурга как социальное явление (1870–е гг. – начало XX века): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021.
8. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979.
9. Московское городское кредитное общество. Ведомость цен на землю в городе Москве для руководства при приеме в залог Московским городским кредитным обществом недвижимых имуществ, утвержденная 12-го декабря 1913 года XX-м очередным собранием гг. уполномоченных на 1914 год. М.: Гор. тип., 1914.
10. Статистический атлас города Москвы. Территория, состав населения, грамотность и занятия. М.: сост. Стат. отд. Моск. Гор. Управы, 1911.
11. Череди́на И. С., Рыбакова Е. Ю. Доходные дома в Берлине и Москве: история и развитие // Вопросы теории и истории в градостроительстве. Том 1. Новые идеи нового века. 2019. С. 365–371.
12. Щегловитов С. Г. Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнительными узаконениями. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1892.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования являются доходные дома в Москве на рубеже XIX–XX веков, которые представляли собой уникальный экономический и социальный феномен, оказавший значительное влияние на развитие Москвы. Московские доходные дома стали на рубеже веков высокодоходными инвестициями в условиях недостаточно развитого финансового рынка. В статье применены традиционные методы исторических исследований, исторический анализ, сравнительный анализ, статистический анализ. Основными источниками для проведения анализа стали три опубликованных издания начал XX в.: Вся Москва. Адресная и справочная книга ...1902 г., Статистический атлас

города Москвы...1911; Московское городское кредитное общество. Ведомость цен на землю в городе Москве ... 1914 г. Актуальность обусловлена слабой изученностью темы доходных домов в Москве, ограниченностью научной литературы по истории строительства и функционирования доходных домов, их роли в социальной и экономической жизни Москвы. Тема доходных домов затрагивает общеэкономические процессы и их социальные последствия, что усиливает актуальность статьи. Научная новизна выражена комплексным анализом доходных домов Москвы на основе справочных и статистических источников. В статье раскрыта роль доходных домов Москвы в формировании городской среды. Для статьи характерен научный стиль, объективная подача информации. Статья структурирована, раскрываемые сюжеты соответствуют логике исследования темы. Содержание статьи информативно, раскрывает основные этапы строительства доходных домов в Москве, начиная с 40-х годов XIX в., когда наряду со строительством дворцов, особняков, загородных домов и вилл, гостиных дворов в городском ландшафте формируется новый тип зданий – доходный дом. Анализируя в комплексе процесс строительства доходных домов, автор установил, что к началу 1917 г. в России сформировались четыре крупные группы участников процесса возведения доходных домов, инвестирующих строительство: дворянство и купечество, православная церковь, акционерные общества и архитекторы. Большой интерес представляет сравнительный анализ эволюции городской застройки Москвы и Берлина, что позволяет глубже понять социально-экономические факторы формирования городского ландшафта. Автор приводит информацию о стоимости участков под строительство недвижимости в зависимости от его расположения в различных частях города (Таблица 1. Цена на землю в Городской, Арбатской и Лефортовской частях города Москвы), основных стилях строительства доходных домов (модерн, неорусский стиль и неоклассика), практике использования первых этажей доходных домов под магазины, лавки, салоны и конторы. Автор пишет о социальной поэтажной иерархии: квартиры второго этажа были самыми востребованными, занимали служащие банков и страховых обществ, творческая интеллигенция; самыми дорогими были «барские квартиры третьего» этажа; выше третьих этажей располагались дешевые 1–2 комнатные квартиры, меблированные комнаты, а также каморки, предназначенные «рабочему люду». Библиография включает работы авторов, освещавших тему доходных домов, что подтверждает осведомленность автора в научной литературе. При этом автор признает ограниченность историографии по теме доходных домов, определяя перспективы дальнейших исследований. Выводы автора о том, что доходные дома играли важную роль в экономическом, социальном и культурном развитии Москвы на рубеже веков, логичны. Тема доходных домов заслуживает дальнейшего изучения. Исследование может быть интересно историкам, социологам, экономистам и тем, кто интересуется историей Москвы.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Полянина О.А. «Одноэтажное» земство: проект К. Н. Пасхалова об упразднении губернских земских учреждений // Genesis: исторические исследования. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.73113 EDN: RPMTBP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73113

«Одноэтажное» земство: проект К. Н. Пасхалова об упразднении губернских земских учреждений

Полянина Ольга Анатольевна

ORCID: 0000-0001-5668-0904

кандидат исторических наук

доцент, институт истории и государственного управления; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 3/1, оф. 604

✉ olga-polyanina@mail.ru

[Статья из рубрики "История государственных учреждений"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.1.73113

EDN:

RPMTBP

Дата направления статьи в редакцию:

22-01-2025

Аннотация: Предметом исследования является проект одного из лидеров правого движения дореволюционной России К. Н. Пасхалова об упразднении губернских земских учреждений. Основная цель работы — оценка предложений Пасхалова с точки зрения объективных процессов, происходивших в системе земского самоуправления. Исходя из данной цели, перед автором стояло две задачи: 1) проанализировать разработанный Пасхаловым механизм перехода к «одноэтажному» земству; 2) изучить результаты обсуждения данных идей в земствах и на страницах периодической печати. Особое внимание обращено на правовые предпосылки формирования концепции Пасхалова. Акцент сделан на актуальности данной темы, поскольку аргументы сторонников и противников Пасхалова могут быть востребованы в ходе дискуссии о территориальной организации местного самоуправления в современной России. К числу методов, используемых в данном исследовании, относится историко-правовой. Также методологические основы включают принцип объективности, принцип историзма, принцип системности. Научная новизна работы состоит в сопоставлении проекта

Пасхалова с откликами на его предложения со стороны земских органов власти и отдельных муниципальных деятелей. По мнению Пасхалова, Земские Положения должны были четко разграничить полномочия и функции двух уровней земского самоуправления. Отсутствие таких норм привело к росту непроизводительных расходов губернского земства и к истощению уездных бюджетов. Пасхалов утверждал, что единственной территориальной единицей местного самоуправления должен остаться уезд. Процедура перехода к одноуровневой модели предусматривала поэтапную передачу в руки уездов имущества и капиталов губернского земства. В ходе исследования было установлено, что проект Пасхалова вызвал достаточно большой общественный резонанс. В 1909-1910 гг. данная тема обсуждалась на уездных земских собраниях в разных регионах. Многие земские деятели были согласны с тезисами Пасхалова о необходимости реформирования медицинских учреждений, дорожного и страхового дела. Несколько уездных земств приняли решение о необходимости упразднения губернских органов местного самоуправления. В 1911 г. тема неоднократно обсуждалась на страницах специализированного журнала «Земское дело». Возражая против полного перехода к «одноэтажному» земству, авторы журнала, вместе с тем, предложили ряд конкретных мер по урегулированию взаимоотношений губернских и уездных земств.

Ключевые слова:

К. Н. Пасхалов, местное самоуправление, Земское Положение, земство, губернское земство, уездное земство, журнал Земское дело, разграничение полномочий, одноуровневая модель, двухуровневая модель

Одной из отличительных черт современного института местного самоуправления в России является нестабильность территориальной организации. После принятия поправок в Конституцию РФ наиболее ожесточенная полемика разворачивается по поводу отказа от двухуровневой модели муниципальной власти, ликвидации городских и сельских поселений. В данном контексте закономерным является обращение к историческому опыту. Аналогичная общественная дискуссия, в ходе которой обсуждалось оптимальное количество уровней земского самоуправления, состоялась в 1910 г. В центре внимания находился проект К. Н. Пасхалова об упразднении губернских земских учреждений и, как следствие, о переходе к «одноэтажному» земству.

Научный интерес к лидерам правого движения позднеимперской России наиболее отчетливо проявился с начала 1990-х гг. К числу таких общественных деятелей относился Клавдий Никандрович Пасхалов (1843-1924) — писатель, публицист, почетный член Русского монархического союза, организатор монархических съездов. В 1990–2000-е гг. было переиздано большинство статей Клавдия Никандровича, а также опубликована значительная часть его эпистолярного наследия [\[1, с. 15-40\]](#). Исследователи консервативных общественно-политических организаций не могли обойти вниманием фигуру «патриарха правой журналистики». В работах по данной тематике освещаются роль Пасхалова в правом движении [\[1, с. 355-359; 2, с. 170-173\]](#), в том числе в годы Первой мировой войны [\[3, с. 86-88\]](#), его отношение к земельному вопросу и столыпинской аграрной реформе [\[4, с. 440-444\]](#).

Пасхалов также являлся гласным Тарусского уездного земского собрания Калужской губернии, и земская тематика занимала заметное место в публицистике Клавдия

Никандровича. Однако это направление его деятельности нашло отражение только в нескольких работах обобщающего характера, в частности, в монографиях Ф. А. Гайды [\[5\]](#) и М. А. Саевской [\[6\]](#). Оба автора достаточно детально изучили предложения Пасхалова по изменению избирательного законодательства и его аргументы в пользу упразднения губернского земства [\[5, с. 97-98; 6, с. 70-71\]](#).

В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть разработанный Пасхаловым механизм перехода к одноуровневому местному самоуправлению, а также отклики земств и отдельных муниципальных деятелей на его проект. Помимо работ Пасхалова, источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация отдельных земств, материалы периодической печати, прежде всего, специализированного журнала «Земское дело».

Ключевые принципы взаимодействия губернских и уездных органов местного самоуправления были закреплены в Земских Положениях 1864 и 1890 гг. Основанием для разграничения полномочий являлся масштаб управленческих задач. Губернские земские учреждения могли принимать решения по вопросам, которые относились ко всей губернии или нескольким уездам, а уездные — по вопросам, касавшимся каждого отдельного уезда. В Земском Положении 1864 г. данная норма была закреплена в статьях 61 и 63 (Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г. // ПСЗРИ. Собрание второе. Том XXXIX. Отделение первое. 1864. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1867. С. 1-14). Положение 1890 г. объединило их в рамках одной статьи (ст. 3), а также ввело новую статью, выстроенную по той же логике (ст. 62).

Помимо этого оба нормативных акта содержали перечни дел, подведомственных тому или иному уровню власти «в особенности». За уездами было первоначально закреплено семь предметов ведения, включая составление «предварительных предположений» для губернских смет, раскладку сборов внутри уезда. В Земском Положении 1890 г. эта статья (ст. 64) была сокращена до трех пунктов. Уезды потеряли право определять статус дорог, содержать бечевники, разрешать открытие торгов и базаров (Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 12 июня 1890 г. // ПСЗРИ. Собрание третье. Т. X. Отд. первое. 1890. СПб., 1895. С. 493-511).

К исключительной компетенции губернских собраний относилось открытие новых ярмарок, устройство пристаней, издание обязательных постановлений, вопросы взаимного земского страхования и т.д. Характерной чертой Положения 1890 г. стало ограничение прямых контактов между уездными земствами и общеимперскими органами государственной власти. В отличие от губернских, уездные собрания не получили возможности «представлять Правительству ходатайства о местных пользах и нуждах». Такое право появилось у них только в 1904 г. по решению Государственного Совета (Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета Об изменении порядка возбуждения ходатайств земскими учреждениями // ПСЗРИ. Собрание третье. Том XXIV. 1904. Отделение I. СПб, 1907. С. 116).

На практике распределение сфер деятельности губернского и уездных земств в каждом регионе складывалось «в процессе самой работы ... далеко не всегда целесообразно, в зависимости от более или менее случайных обстоятельств» [\[7, с. 421-423\]](#). Мероприятия, схожие по целям и объему финансирования, в одних губерниях реализовывало губернское земство, в других — уездные. В 1890-е гг. эта тема стала широко обсуждаться в среде земских деятелей, но в 1900-е гг. отошла на второй план.

Новый этап развития взаимоотношений двух уровней земского самоуправления начался после Первой русской революции. По оценке Б. Б. Веселовского, период 1906–1909 гг. характеризовался «центробежными стремлениями», когда отрасли местного хозяйства одна за другой переходили в ведение уездов [\[8, с. 1555\]](#). К числу так называемых «уездников», которые активно отстаивали интересы своего земства, относился и Клавдий Никандрович Пасхалов.

Идея о ликвидации губернского земства разрабатывалась Пасхаловым на протяжении многих лет. В 1905 г. он опубликовал брошюру «Основания земской реформы», где изложил основные доводы в пользу одноуровневой системы земского самоуправления. Аналогичные взгляды Пасхалов высказывал и в личной переписке. Так, в письме графу С. Д. Шереметеву 7 февраля 1905 г. Клавдий Никандрович называл губернские земства «чисто паразитными учреждениями», которые стоили десятки миллионов рублей, строили себе дворцы и содержали «орду» бесполезных специалистов [\[9, с. 228-229\]](#). В 1910 г. несколько статей Пасхалова были объединены в брошюру «Необходимая реформа земских учреждений». Издание представляло собой наиболее последовательное изложение проекта по ликвидации губернского уровня самоуправления и получило достаточную известность в земской среде.

В своих публикациях Пасхалов неоднократно возвращался к мысли о том, что «Земские Положения» должны были четко разграничить предметы ведения губернских и уездных органов самоуправления. Возможность вмешательства в «частные нужды уездов» с неизбежностью привела к расширению круга деятельности, к «разбуханию» губернского земства. Право раскладки губернского сбора, в свою очередь, стало одной из причин «истощения уездного земского кошелька». По мнению публициста, финансовая кабала парализовала деятельность уездных земств. Средства, перечисленные уездами в бюджет губернского земства, по большей части тратились на непроизводительные и накладные расходы — в первую очередь, на содержание аппарата управления [\[10, с. 4\]](#).

По этой же причине Пасхалов яростно протестовал против идеи о введении мелкой земской единицы. Реализация проекта «трехэтажного земского устройства» грозила еще больше увеличить расходы на содержание земских чиновников и помещений. Наиболее густонаселенные уезды можно было разделить на два самостоятельных муниципалитета, но среднестатистическая волость не выдержала бы расходов на содержание органов местного самоуправления [\[10, с. 15\]](#).

Второй аргумент Клавдия Никандровича находит подтверждение на материалах практически каждой земской губернии. Население не могло в равной степени пользоваться медицинскими и социальными учреждениями, расположенными в губернском центре [\[10, с. 5\]](#). Большинство пациентов центральных земских больниц проживало либо в самом губернском городе (от 25-27% в Уфе и Перми до 70% в Самаре и Воронеже), либо в прилегающем уезде. Земские гласные Уфимской губернии, обсуждая возможность передачи губернской больницы в ведение уезда, признавали, что этот вопрос «лет 35 дебатруется и на губернских и на уездных собраниях старейших русских земств» (Сборник постановлений Уфимского уездного земского собрания с приложениями. XXXV очередное уездное земское собрание 1909 года. Уфа: Электрическая типо-литография Т-ва Ф.Г. Соловьев и К, 1910. С. 254-259).

Резкую критику Пасхалова вызывала организация работы губернского земства — в частности, доминирование управы, которая почти всегда добивалась одобрения своих докладов. По наблюдению Пасхалова, губернские гласные были физически не в

состоянии изучить весь объем документов, рассматриваемых в ходе сессии [\[10, с. 20\]](#). Действительно, спешку, в которой проходили губернские земские собрания, отсутствие системы рассмотрения вопросов фиксировали многие современники.

Логическим противоречием также являлось подчинение одного выборного органа (уездного земского собрания) другому выборному органу (губернскому собранию). Пасхалов отмечал, что Земские Положения, с одной стороны, закрепляли самостоятельность уездных земств, но, с другой стороны, ограничивали ее, поскольку уезды не были защищены от «фискального произвола» губернских земств. В итоге губернские земства продемонстрировали полную неспособность к «успешному исполнению практических задач». Прежде всего, это касалось состояния грунтовых дорог и санитарного положения поселений. Полное фиаско, по оценкам публициста, потерпели страховое дело и оценочно-статистические работы [\[10, с. 17-24\]](#).

Чтобы избежать «конечной гибели» всех сфер местного хозяйства, Пасхалов предлагал в первую очередь упразднить губернские земские учреждения. Уездные земства — «живые органы живого дела» — получали, таким образом, полную свободу и независимость. Отдельно оговаривалось право на заключение соглашений между уездами как одной, так и нескольких соседних губерний.

Важно отметить, что предлагаемая реформа должна была сопровождаться изменением избирательного законодательства. «Наисовершеннейшим» земским собранием Пасхалов признавал то, в котором участвовали бы все землевладельцы, обладавшие имущественным цензом, а также все полноцензовые плательщики других земских налогов. «Деловые многочленные» собрания стали бы лучшей защитой от «обдывания делишек, не согласованных с земскими интересами» [\[10, с. 7-9\]](#).

План постепенной ликвидации губернского земства должна была разработать комиссия, состоявшая из представителей уездных земств и членов губернской управы. Временное управление губернскими учреждениями и специальными капиталами Пасхалов предлагал передать уездному земству, располагавшемуся в губернском городе. Впоследствии эти капиталы могли быть разделены между уездами пропорционально участию в губернском сборе. По такой же логике распределялись бы доходы от продажи или использования имущества губернского земства.

По мнению Пасхалова, наиболее просто было преобразовать систему управления в сфере народного образования и в сфере дорожного хозяйства. Полагая, что число учебных заведений, которые содержались за счет губернского земства, сравнительно невелико, Пасхалов предлагал провести их реорганизацию в два этапа. На первом этапе училища и стипендиаты губернского земства должны были содержаться на пропорциональные взносы уездов. Эти взносы постепенно переходили в плату за конкретное количество учащихся. Что касается дорожного дела, то «правильнейшим и простейшим» решением было возвращение дорог государственного значения в ведение Министерства путей сообщения. Благоустройство дорог местного значения следовало поручить уездным земствам [\[10, с. 27-31\]](#).

Более сложной задачей обещала стать реорганизация врачебной помощи. Публицист выступал за уничтожение «грандиозных больниц» губернского земства. Исключение могло быть сделано для специализированных учреждений (например, психиатрического профиля), которые должны быть переданы в ведение одного из уездных земств. Кадровый вопрос, с точки зрения Пасхалова, не вызывал особых затруднений. Рядовые служащие губернского земства должны были найти новое место работы в уездах.

«Командные должности» подлежали упразднению [\[10, с. 32-33\]](#).

В целом, переход от «центростремительного земского устройства» к центробежному не должен был встретить существенных затруднений. Пасхалов был убежден, что, выйдя из денежной кабалы, уезды развернут более широкую и активную деятельность.

Отличительной чертой проекта К. Н. Пасхалова являлся его значительный общественный резонанс. Наибольшую известность получила дискуссия, состоявшаяся в Смоленском земстве. Инициатором рассмотрения вопроса стал гласный Вяземского уезда М. Ф. Пегелау, который почти дословно повторил аргументацию Пасхалова. Тезис о самодостаточности «делового» уездного земства и «бюрократического» губернского подкреплялся ссылками на печальное положение дорожного и страхового дела. В результате обсуждения 44-е Вяземское уездное земское собрание постановило ходатайствовать перед правительством о «совершенном упразднении губернского земства ввиду совершенной бесполезности и чрезвычайной стоимости для населения» (Журналы XLV очередного Смоленского губернского земского собрания заседаний с 9 по 18 января 1910 г. с приложениями. Смоленск: Электрическая типо-литография Я.Н. Подземского, 1910. С. 45).

Смоленская губернская управа в ответ подготовила доклад, где постаралась доказать необходимость губернского звена «в общем строе органов самоуправления». Авторы доклада при этом признавали «отдельные промахи», в том числе неудачную организацию дорожных работ. Но «скачок» от неудовлетворительного финансового положения того или иного органа власти к идее о его ликвидации был бы «неблагоразумным» (Журналы XLV очередного Смоленского губернского земского собрания заседаний с 9 по 18 января 1910 г. с приложениями. Смоленск: Электрическая типо-литография Я.Н. Подземского, 1910. С. 51).

В качестве главной причины для сохранения губернского земства докладчики называли существование таких сфер местного хозяйства, заведывание которыми «выходило за пределы территории, интересов и сил отдельного уезда». Помимо этого, губернное земство выполняло «руководящую роль второй инстанции», а также «идейно-объединяющую роль» (Журналы XLV очередного Смоленского губернского земского собрания заседаний с 9 по 18 января 1910 г. с приложениями. Смоленск: Электрическая типо-литография Я.Н. Подземского, 1910. С. 55-57).

В течение осени 1910 г. проект Пасхалова обсуждался на уездных земских собраниях в самых разных регионах. В основном идея не встретила «большого сочувствия». Исключением стали отдельные уезды Костромской, Псковской и некоторых других губерний (Земское дело. 1910. № 23. С. 2001).

Сторонники Пасхалова нашлись и во Владимирской губернии. На сессии 1910 г. гласные Переяславского уездного земского собрания, обсуждая идею Пасхалова, высказались за упразднение губернского земства. В качестве основного аргумента называлось желание крестьян, составлявших большинство жителей уезда, освободиться от губернского сбора. Далее вопрос был передан на рассмотрение Владимирского губернского земства. Сложилась парадоксальная ситуация: губернским гласным предстояло упразднить самих себя. В итоге предложение Переяславского земства признали «археологической редкостью» и оставили без рассмотрения (Земское дело. 1911. № 4. С. 379-381).

В последующие несколько лет теоретическое осмысление проблемы продолжалось в

более конструктивном ключе, без излишнего публицистического накала. Одной из важных дискуссионных площадок стал журнал «Земское дело». Как признавала редакционная коллегия, «доклад Пасхалова имел значение не в прямых его целях, а в косвенном смысле — смысле пересмотра деятельности губернских земств» (Земское дело. 1910. № 23. С. 2001).

В статье, опубликованной в июне того же 1910 г., журнал констатировал, что большинство сфер земской деятельности зародилось «в недрах уездного земства». Губернское земство, ставшее руководящим центром, объединило уездные на федеративных началах. В дальнейшем губернское земство взяло на себя еще и «инициативно-показательную» функцию по отношению ко многим мероприятиям, но автономия уездов являлась неприкосновенной. Исключением стала ветеринария, которая изначально возникла по решению губернского земства. Постепенно в каждой отрасли ветеринарного дела сложились свои формы сотрудничества с уездами, но роль губернского земства оставалась ведущей. Более того, современники отмечали, что правильная организация ветеринарной помощи требует еще двух уровней управления — низового (участкового) и надгубернского (Земское дело. 1910. № 11-12. С. 931-937).

Заведующий отделом народного образования Уфимской губернской земской управы П. Н. Григорьев проанализировал взаимоотношения двух уровней земского самоуправления в знакомой для себя сфере. Григорьев подтверждал, что в распределении функций между губернскими и уездными земствами отсутствуют «общие руководящие принципы», не разработаны планы совместной работы. Однако, все эти недостатки, по мнению Григорьева, можно было устранить путем принятия соответствующих постановлений. Губернское земство должно было остаться «крупным общественным союзом, имеющим возможность регулировать и восполнять деятельность уездных земств». Кроме того, губернские управы обладали «лучшими интеллигентными рабочими силами» [\[7, с. 421-423\]](#).

Автор, скрывшийся под псевдонимом Г. Земец, подверг критике Новгородское губернское земство, которое передало в руки уездов «все дело борьбы с эпидемиями». Институт губернских эпидемических врачей был упразднен. В публикации подчеркивалось, что большинство земств, наоборот, сохранили эту сферу в руках губернской управы, поскольку эпидемии требовали «общего плана мероприятий» (Земское дело. 1910. № 8. С. 611-614).

Еще одна публикация по исследуемой теме принадлежит известному специалисту в области педагогики Евгению Николаевичу Медынскому. По его наблюдениям, дело внешкольного образования стояло «на значительной высоте» там, где участие губернского земства носило организованный характер. При этом автор выступал сторонником усиления роли губернского земства. Последнее должно было разработать общие требования к развитию библиотечной сети, проведению народных чтений и т.д. Медынский подчеркивал, что это не означает «подавления» одного органа другим: «дело найдется всем» [\[11, с. 953-961\]](#).

В начале января 1914 г. к 50-летию введения «Земского Положения» газета «Московские ведомости» опубликовала серию статей К. Н. Пасхалова «Земские юбилейные итоги». В целом, взгляды публициста не претерпели существенных изменений. Пасхалов по-прежнему считал главной причиной всех проблем местного самоуправления «неудачную организацию» земских учреждений, в результате которой было создано два равноправных распорядительных органа [\[12\]](#). Неизменными остались

тезисы об «отсутствии надобности» в губернском земстве, переобремененности населения земскими налогами и растрате этих средств на содержание громадного штата служащих. Более предметными стали предложения по реорганизации страхового дела [13] и критика законопроекта о волостном земстве [14].

Данная серия публикаций уже не вызвала такого общественного резонанса, как в 1910 г. После начала Первой мировой войны и образования Всероссийского земского союза, организационная структура которого включала губернские и уездные звенья, идеи Пасхалова стали еще менее актуальны. Весной 1916 г. комиссией Государственной Думы по местному самоуправлению был разработан законопроект о реформе Земского Положения. Документ, основу которого составило законодательное предположение прогрессистов, ставил целью устранить административную опеку губернаторов и «решительно порвать с остатками сословного строя в земстве» [15, с. 17-18]. Законопроект существенно «расширял пределы ведомства и объем власти» органов самоуправления, но практически не затрагивал вопрос распределения полномочий между губернскими и уездными земствами. Планировалось только вернуть уездам право издания обязательных постановлений [15, с. 26-28].

Проведенный анализ подтверждает, что, критикуя систему местного самоуправления, К. Н. Пасхалов указал на целый ряд объективно существовавших проблем. В абсолютном большинстве земств признавали необходимость реорганизации медицинской помощи, дорожного и страхового дела. Тезисы о «финансовой кабале» уездов, несправедливой раскладке губернского сбора также находили своих сторонников. Значительный интерес, который был проявлен к идее Пасхалова со стороны земских деятелей, подчеркивает актуальность поднятой им темы.

В отличие от многих современников, Клавдий Никандрович полагал, что необходимо не только изменить порядок избрания гласных, но и реформировать организационные основы земской деятельности. Пасхалов разработал достаточно стройный механизм перехода к «одноэтажному» земству, единственной территориальной единицей которого должен был стать уезд.

В то же время оппоненты публициста справедливо отмечали, что многие задачи (борьба с эпидемиями, эпизоотиями и т. д.) требовали объединения усилий нескольких уездов. Пасхалов предлагал компенсировать отсутствие губернского земства путем соглашений между уездами. Однако он не проанализировал возможные форматы такого межмуниципального сотрудничества и возникающие при этом риски.

Библиография

1. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917) / Науч. ред. И. В. Алексеева. Москва; Санкт-Петербург: «Альянс-Архео», 2013. – 520 с.
2. Кирьянов Ю. И. Крайние правые партии и общество // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 1999. № 1. С. 161-179.
3. Михайлова Е. М. Правые партии Поволжья в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 4(18). С. 80-90.
4. Омелянчук И.В. Социальный аспект идеологии российских консерваторов начала XX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 428-463. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-428-463
5. Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 604 с.
6. Саевская М. А. Консервативные концепции земского самоуправления (1864–1905 гг.).

Б. м.: «ЛитРес: Самиздат», 2021. – 103 с.

7. Григорьев П. Н. К вопросу о взаимоотношениях губернских и уездных земств в области народного образования // Земское дело. 1911. № 5. С. 421-423.

8. Веселовский Б. Б. Указатель литературы по земским вопросам. К вопросу о взаимных отношениях губернского и уездных земств // Земское дело. 1910. № 18. С. 1555-1557.

9. «Клин выбивается только клином». Переписка графа С. Д. Шереметева с К. Н. Пасхаловым. 1905–1906 гг. // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 226-238.

10. Необходимая реформа земских учреждений. Ряд статей К. Пасхалова. Москва, 1910. – 39 с.

11. Медынский Е. Н. Задачи губернского земства в области внешкольного образования // Земское дело. 1912. № 15-16. С. 953-961.

12. Пасхалов К. Земские юбилейные итоги // Московские ведомости. 1914. 11 января. № 8.

13. Пасхалов К. По поводу 50-летия учреждения земства // Московские ведомости. 1914. 9 января. № 6.

14. Пасхалов К. Земские юбилейные итоги // Московские ведомости. 1914. 17 января. № 13.

15. Гронский П. П. Земская реформа в Государственной Думе. Петроград: Типография акц. общ. «Слово», 1916. – 32 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проекту так называемого «одноэтажного» земства или одноуровневого местного самоуправления, предложенного Клавдием Никандровичем Пасхаловым, который предусматривал ликвидацию губернских земских учреждений и переход к системе самоуправления, основанной исключительно на уровне уездов. В статье представлен глубокий анализ исторического опыта и общественной дискуссии вокруг этого проекта.

Автор использует комплексный подход, включающий изучение разных типов исторических источников: нормативно-правовых актов, делопроизводственной документации, материалов периодической печати и эпистолярного наследия К.Н.Пасхалова. Такой комплекс исторических источников позволяет получить достаточно полное представление о предмете исследования и выявить основные тенденции и мнения, существовавшие в обществе на тот момент.

Актуальность темы заключается в необходимости изучения исторических примеров организации местного самоуправления в России. Проект Пасхалова может служить примером альтернативного подхода к устройству земства, что важно для понимания эволюции институтов самоуправления в нашей стране. Также исследование помогает лучше понять современные проблемы муниципального управления через призму исторического опыта.

Работа предлагает новый взгляд на проекты по организации земства в России начала XX века. Автор подробно рассматривает аргументы сторонников и противников проекта Пасхалова, что позволяет глубже понять контекст общественных дискуссий того времени. Особое внимание уделяется анализу реакции различных земских действий на предложение Пасхалова, что добавляет уникальности исследованию.

Статья написана в академическом стиле, структура текста логична и последовательна. Содержание охватывает широкий спектр вопросов, связанных с проблемами земской

организации, что делает работу информативной и насыщенной. Жаль, что автору не хватило сил сформулировать хотя бы в паре абзацев концептуальные выводы статьи. Библиографический список включает полную историографическую подборку работ по теме, включая монографии Ф.А.Гайды и М.А.Саевской, что свидетельствует о тщательном подходе автора к сбору материала и стремлении представить максимально полную картину исследуемого явления.

Автор адекватно оценивает позиции оппонентов проекта Пасхалова, показывая как сильные, так и слабые стороны их аргументов, что демонстрирует объективность исследования и стремление к всестороннему анализу проблемы.

Проект «одноэтажного» земства, несмотря на свою оригинальность и поддержку среди некоторых земств, не получил широкого распространения. Основная причина заключалась в сложности реализации предложенных изменений и отсутствии четкой модели межмуниципального сотрудничества. Тем не менее, сам факт обсуждения такого проекта указывает на наличие серьезных проблем в функционировании системы земства и, как следствие, на необходимость её реформирования.

Тема будет особенно интересна историкам, политологам и специалистам в области государственного управления и местного самоуправления. Также она может привлечь внимание студентов и преподавателей, интересующихся историей России и проблемами муниципального управления.

Рекомендую статью к публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Климашин А.Л., Арсланов Р.А. Образовательная политика Российской империи в Туркестанском крае в зеркале отечественной публицистики конца XIX – начала XX вв // Genesis: исторические исследования. 2025. № 1. С.65-79. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.71562 EDN: WVLAYN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71562

Образовательная политика Российской империи в Туркестанском крае в зеркале отечественной публицистики конца XIX – начала XX вв.

Климашин Алексей Львович

ассистент; факультет гуманитарных и социальных наук; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Макля, 10-2

✉ klimashinaleksei@mail.ru

Арсланов Рафаэль Амирович

доктор исторических наук

профессор; кафедра истории России; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Макля, д. 10 корп. 2

✉ ars_raf@mail.ru

[Статья из рубрики "Запад - Россия - Восток"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.1.71562

EDN:

WVLAYN

Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2024

Дата публикации:

27-01-2025

Аннотация: Объектом исследования является процесс становления образовательной системы на среднеазиатских территориях Российской империей в конце XIX – начале XX

вв. Предмет исследования – отражение процесса становления образовательной системы Средней Азии в отечественной публицистике конца XIX – начала XX вв. В данной статье освещается отношение российских изданий эпохи пореформенной модернизации к проводимой имперской администрацией образовательной политике на территориях Центральной Азии. Отмечаются различия консервативных, либеральных и демократических взглядов на цели и методы создаваемой в мусульманской среде системы образования. Освещается отношение публицистов к неоднозначному восприятию русской администрацией традиционной местной школы. Особое внимание уделяется критике непоследовательности и колебаний правительственной политики в сфере образования. Выявляются конструктивные предложения публицистов, направленные на обеспечение синтеза некоторых аспектов традиционных и российских учебных заведений, способствующего аккультурации местного населения и постепенной интеграции региона в состав Империи. В работе использовались историко-генетический метод, дающий возможность проследить за развитием процесса отражения образовательной политики России в Центральноазиатских владениях на страницах отечественных изданий; сравнительный, – позволяющий установить общее и особенное в ее восприятии публицистами; принцип историзма, раскрывающий их отношение к образовательной политике власти в историческом контексте эпохи начала XX в. Проблема отражения образовательной политики России в Средней Азии в периодических изданиях того времени так и не стала предметом специального анализа. Консервативные авторы выступали за политику религиозной терпимости, распространение русской школы и включение в ее учебный процесс подрастающего поколения местного населения. Главной задачей образовательной политики в регионе для либералов долгое время являлось снижение уровня мусульманского фанатизма, приобщение к цивилизации с помощью развития образования, реформирование русско-туземных школ, медресе и мектебе, предоставление культурной автономии населению региона, необходимость синтеза светской и национальной школы. Народнические издания предлагали использовать общественный ресурс в деле создания и развития местной школы. Представители всех направлений сходились в том, что лишь с помощью образования, распространения европейских ценностей возможно преодолеть культурную изоляцию региона, национальный и религиозный экстремизм, подрывающие основы его интеграции с Россией.

Ключевые слова:

Русское богатство, Вестник Европы, Исторический вестник, Русская мысль, Православный благовестник, Северный вестник, Российская империя, Кауфманский сборник, Образовательная политика, Центральная Азия

Введение.

Исследование отношения к вошедшей в состав Империи Центральной Азии российского общественного мнения, сфокусированного в начале XX в. в отечественной публицистике, сохранил свою актуальность и в наши дни. Дело в том, что проблема аккультурации мусульманского населения, которую пыталось решить имперское правительство России на присоединенных центральноазиатских территориях, сегодня, правда в иной форме и иных исторических условиях, вновь возникла перед страной. Ее «возвращению» мы во многом обязаны трудовой миграции, возродившей острую дискуссию эпохи освоения Туркестана о методах и путях приобщения инокультурного

населения к «русской гражданственности». Так в начале XX в. называлось, и как представляется, более точно, то, что сегодня звучит как русская культура, национальные ценности. Иными словами, актуальность теме во многом придает феномен инверсии, связанный с тем, что уход России из Среднеазиатских республик в конце XX в. во многом привел к их своеобразному «возвращению» в лоно российской цивилизации вместе с теми проблемами, которые в свое время пыталась решить Империя.

В публицистике начала прошлого века столкнулись мнения о путях приобщения мусульманского населения Туркестана к российскому обществу, о методах и целях культурного освоения региона, перспективах его интеграции в состав Империи. Звучала и острая критика в адрес правительственного курса, исследование которой позволяет определить контуры сложившихся в стране общественно-политических дискурсов. С другой стороны, отношение различных изданий к культурной политике в регионе, становилась частью их национальной программы, анализ которой дает возможность лучше понять позиции консервативных и либеральных сил России того времени.

Целью данной статьи является выявление и осмысление отношения различных изданий России начала XX в. к образовательной политике имперских властей в Туркестанском крае.

Задачи работы заключаются в определении особенностей отношения консервативных и либеральных течений России к традиционной мусульманской школе; рассмотрении предлагаемых ими путей создания системы образования в регионе; выявлении влияния общественного мнения России на выработку программы культурного освоения региона и путей его интеграции в состав Империи.

В современной литературе образовательная политика России в Средней Азии получила определенное освещение^[1]. Однако проблема ее отражения в периодических изданиях того времени так и не стала предметом специального анализа.

Источниками для написания статьи послужили материалы российской периодики того времени^[2], а также мемуары участников освоения региона^[3].

В работе использовались историко-генетический метод исследования, дающий возможность проследить за развитием процесса отражения образовательной политики России в Центральноазиатских владениях на страницах отечественных изданий; сравнительный, - позволяющий установить общее и особенное в ее восприятии различными публицистами; а также принцип историзма, раскрывающий их отношение к образовательной политике власти в историческом контексте эпохи начала XX в.

Исследование.

Российские ученые и чиновники, участвующие в освоении недавно присоединенных территорий Центральной Азии, отмечали их существенные отличия от регионов, ранее включенных в состав Империи. Основным источником этого своеобразия они находили в монопольном положении ислама, оказывавшем доминирующее влияние на духовную жизнь и быт местного населения. Так, директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов в духе православного миссионерства утверждал, что крайне низкий культурный и образовательный уровень жителей региона определялся религией и традициями, которые «...подавляют всякое свободное проявление мысли и чувства»^[4]. Именно в утверждении и распространении светской школы как главного инструмента просвещения местного населения многие сторонники консервативного течения общественной мысли России видели основной вектор образовательной политики

администрации в регионе. Притом аккультурация центральноазиатских народов воспринималась как не менее, если не более сложная задача, чем политическая интеграция края в состав Империи, или освоение его пустынных территорий.

Примечательно, что имперские власти, вынужденные учитывать настроения мусульманского населения, его приверженность исламу и традициям и, стремясь в целях предотвращения социальных взрывов интегрировать местную элиту, проводили более взвешенную, прагматическую политику. Ее содержание наиболее четко и образно сформулировал первый генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман, провозгласивший необходимость «игнорирования ислама», что на практике означало веротерпимость и невмешательство имперской администрации в местную жизнь^[5]. Правовые же основы деятельности учебных заведений в крае, разработанные при непосредственном участии К.П. Кауфмана, включали в себя создание «... управления по учебной части, которому подчинялись все существующие в Туркестанском крае русские и инородческие училища»^[6]. В целом, правительственный курс, сочетавший в себе политику невмешательства в деятельность мусульманских учебных заведений со стремлением установить свой контроль, характеризовался непоследовательностью и внутренней противоречивостью^[7]. Эти колебания в проведении образовательной политики находили отражение на страницах различных отечественных изданий рубежа XIX – XX вв., которые своими публикациями привлекали внимание русской общественности к проблемам управления Центральной Азией, способствовали поиску оптимального курса ее интеграции.

Регулярно к проблемам образования в Русском Туркестане во многом по долгу службы обращались местные чиновники, использовавшие страницы центральных изданий не только для освещения положения дел в учебных заведениях региона, но и публикации своих предложений о необходимых, согласно их мнению, изменениях. При этом предпочтение они отдавали тем консервативным изданиям, которые зачастую оппонировали политике царской администрации, указывая на ее ошибки и промахи.

Участник походов в Среднюю Азию, оставивший ряд очерков по истории Туркестана Ю.Д. Южаков на страницах консервативного «Русского вестника» отмечал достижения власти в распространении светского образования в крае, например, в создании ташкентской мужской и женской гимназий, а также учительской семинарии. При этом их появление он связывал, прежде всего, с деятельностью первого губернатора края К.П. Кауфмана^[8]. К заслугам администрации Южаков относил и проводимый ею курс веротерпимости. Однако обратной стороной религиозной толерантности являлось, по его мнению, недостаточное внимание к положению православия в регионе^[9].

В итоге, одним из результатов политики «игнорирования ислама», становилась утрата русской администрацией контроля за положением дел в туземной школе – мектебах и медресе. «Мы совершенно не знаем, чему учат сартовских детей фанатики и муллы и киргизских детей ещё более фанатичные татары, - писал он. – Но, во всяком случае их идеалы и понятия строго мусульманские, несомненно враждебные русскому владычеству и Русской национальности»^[10]. Таким образом, бесконтрольная деятельность создаваемых при мечетях туземных школ, их приверженность исламским традициям, препятствовали, как полагал публицист, утверждению русской культуры на недавно присоединенных территориях, а в итоге, - их интеграции в состав Империи.

Автор предлагал осуществить ряд мер, направленных на решение этой проблемы. В частности, для установления контроля над учебными учреждениями он считал необходимым вести преподавание только по книгам, издаваемым в России, на русском

языке, прошедшим к тому же строгую правительственную цензуру. Иначе, по его мнению, правительство рискует потерять контроль над этой окраиной империи, а «... Туркестанский край навсегда останется мусульманской обособленной, замкнутой и политически неблагонадёжной страной...»^[11].

Таким образом, чиновник, с одной стороны, с консервативных позиций критиковал образовательную политику правительства, упрекал его в пассивном отношении к утверждению православия, а, следовательно, согласно его точке зрения, к приобщению местного населения к русской культуре. С другой стороны, Южаков отмечал успехи распространения образования, находил в этом основу развития региона. В целом он выступал за распространение русской школы, выполняющей цивилизаторскую миссию и создающей культурные условия для его интеграции в состав Империи.

Крайне неоднозначную оценку на страницах российских изданий получила деятельность местных школ – мектебе и медресе. Так о них, как о рассадниках суеверия, не приносящих никакой пользы ни властям, ни населению писали некоторые авторы «Православного благовестника»^[12]. По мнению издания, в этих учебных учреждениях «... знания, предметы обучения и самый метод изучения их ничего прогрессирующего не имеют, а напротив, искусственно удерживают ум и мышление учащихся на той ступени развития, которую европейские народы пережили уже много столетий назад»^[13]. Таким образом, в местной школе авторы издания видели основной барьер на пути просвещения населения, его приобщения к достижениям цивилизации.

Власти, хотя периодически и обсуждали тему необходимости усиления контроля над деятельностью местных школ, все же отказывались от принятия решительных мер и не препятствовали созданию новых мектебе и медресе. Так, в примечании к статье 98-й «Туркестанского положения» 1886 г. указывалось, что «Волостным и сельским обществам туземцев дозволяется содержание открываемых при мечетях школ (медресе и мектебе) относить на общественные средства, не принуждая однако ни в коем случае к платежу сбора на сию потребность, не желающих участвовать в оном»^[14]. Таким образом, администрация не мешала созданию местных школ, правда, лишь за счет самих жителей.

Следует заметить, что на рубеже веков русские власти сохраняли противоречивое отношение к традиционным учебным заведениям. С одной стороны, особенно после Андижанского восстания 1898 г., они вынашивали планы реформирования местной школы. Но с другой, опасаясь всплеска религиозных протестных выступлений, отказались от проектов внедрения в традиционную школу преподавания русского языка.

К тому же в начале XX в. в Туркестане получили распространение «новометодные» мектабы, составлявшие конкуренцию русской школе и несущие в себе, по мнению властей, угрозу распространения идей либерализма и панисламизма^[15]. В этих условиях русская администрация все более воспринимала традиционные учебные заведения как гарант сохранения порядка, т.е. «меньшее зло», чем школа, реформированная на новых образовательных принципах.

Таким образом, несмотря на критику традиционной школы, чиновники ее в итоге поддерживали, увидев в ней интенции, хотя и противоречащие цивилизаторской миссии Империи, но в большей степени соответствующие интересам власти в регионе.

Состояние русской культуры в Центральной Азии получило освещение в ряде очерков известного писателя-путешественника Е.Л. Маркова. В консервативном «Русском

обозрении» он публиковал травелоги, в которых описал развитие системы образования в Туркестане. Особое его внимание привлекло положение дел в русской мужской гимназии Ташкента. Марков, констатируя количественное преобладание русских учеников, обратил внимание на возрастание числа представителей местного населения, прежде всего, киргизов. Их заметное присутствие в гимназии Марков объяснял тем, что киргизы «... более доверчиво относятся ко всему русскому, да и мусульмане не Бог знает какие строгие»^[16]. Таким образом, привлечение местных детей в светскую школу публицист связывал с поверхностным восприятием кочевниками-киргизами ислама и их толерантным отношением «ко всему русскому». Иначе воспринимали обучение своих детей в русской школе оседлые земледельцы Средней Азии, за которыми в то время закрепилось название сарты (в 1924 г. этот термин был отменен как «оскорбительное наследие колониального прошлого» - *авт.*).

По мнению Маркова, наиболее активно против обучения местных детей в русских школах выступало «мусульманское духовенство», опасавшееся «... что этим путем мы мало-помалу переманим всех Сарты в христианство»^[17].

Особую роль в развитии образования в регионе Марков отводил учительской семинарии. «Удачно подготовленный учитель, - писал он, - это своего рода маленькая духовно-завоевательная область в обширных пределах наших внешних завоеваний, еще совершенно чуждых нам по духу»^[18]. Таким образом, деятельность учителя, повсеместное распространение русской школы в регионе автор отождествлял с его политическим завоеванием. В итоге, будущее Центральной Азии публицист связывал с осуществлением с помощью школы духовного преобразования местных народов, ведущего, согласно его предположениям, к русификации и интеграции края.

Особые надежды местная администрация возлагала на русско-мусульманские школы. Однако Марков весьма критически оценивал перспективы совместного обучения, полагая, что на пути его развития стоит несовместимость христианства и ислама. На практике же она проявлялась в разнонаправленности усилий муллы и русского учителя, и, особенно, их неравноправного положения. «Соединить в одной школе муллу и русского учителя, - писал он, - задача едва ли не безнадежная. Мулла в глазах учеников-сарты всегда будет главным и настоящим учителем их и единственным хозяином школы. Мулу поддерживает и почитает весь окружающий их мир, отцы и братья их, а русский учитель является жалким, от всех отверженным пришельцем, которого терпят только из горькой необходимости...»^[19].

Таким образом, Марков обосновывал необходимость распространения именно русских школ, а попытки создания совместных образовательных учреждений рассматривал как напрасную трату средств и усилий.

Ряд консервативных авторов не так однозначно, как Марков, рассматривали перспективы деятельности совместных школ, видели в них вслед за некоторой частью местной администрации основное направление развития образования в регионе. «Эти школы, - надеялся генерал-губернатор Н.О. Розенбах, - должны были ближайшим и самым верным путем объединить бытовые и экономические интересы всех народностей Туркестанского края с общегосударственными и содействовать прочному и окончательному слиянию всех этих народностей с великой семьей коренного русского народа...»^[20]. Таким образом, именно в совместных школах местные власти видели средство не только русификации, но и интеграции всех народов Центральной Азии в составе Империи.

Публицисты обращали внимание на рост доверия к русскому образованию со стороны коренного населения, особенно в районах его совместного проживания с русским поселенцами^[21].

В целях преодоления культурного изоляционизма местных народов предлагалось усилить внимание к обучению молодежи русскому языку, что создавало условия для ее привлечения к государственной службе в интересах России^[22]. В православном издании было отмечено, что интерес к совместным школам со стороны местных жителей возрастал там, где по распоряжению генерал-губернатора на административные должности принимались в первую очередь лица, их окончившие^[23].

Средством культурной ассимиляции учащихся в совместных школах, согласно предложению некоторых чиновников, становились, наряду с преподаванием предметов на русском языке, поездки выпускников в европейскую часть России. Развитие образования в Центральной Азии воспринималось изданием делом государственной важности, направленным на то, чтобы «...сделать из Туркестанского края такой же бесспорно русский край, каким уже сделались Поволжье, Сибирь и Северный Кавказ»^[24].

Таким образом, самым перспективным и действенным путем не только культурного развития региона, но и его интеграции консервативное издание считало русификацию образования, подготовку и обучение местной молодежи согласно программам и методам, апробированным в русских губерниях.

Примечательно, что основные идеи православного журнала были поддержаны ученым-ориенталистом, исследователем Центральной Азии Н.П. Остроумовым. Главное предназначение совместных школ он видел в создании условий для сближения русского и местных народов. Для этого, по его мнению, следовало не только вводить обучение на русском языке, но и давать возможности ученикам поступать в дальнейшем в школы и высшие учебные заведения на территории самой России. Одно из средств русификации образования Остроумов видел в подготовке учителей для совместных школ из числа местного населения^[25]. Представляется, что в целом проекты ученого преобразования русско-туземных школ не выходили за рамки национально-консервативного дискурса, направленного, прежде всего, на русификацию местного населения.

Структурные изменения государственного строя России, происходившие после принятия Манифеста 17 октября 1905 г., уравнение в правах мусульман и православных, вызывали необходимость реформирования и образовательной политики в Туркестане. В новых условиях Остроумов стал призывать Министерство народного просвещения не только усилить внимание к деятельности национальных школ, но и вводить педагогические новации. Вместе с тем он обосновывал недопустимость насаждения в мусульманской школе западных заимствований, выступал за сохранение ее многовековой самобытности. Школьный курс, по его мнению, может быть лишь подвержен систематизации и обновлению в дисциплинах, не касающихся мусульманского вероучения (математика, история, география, философия)^[26]. Представляется, что анализируя результаты деятельности новометодных школ, Остроумов, как и ряд русских администраторов, увидел в них угрозу распространения идей свободы и панисламизма, усиливавших сепаратистские тенденции в регионе. Именно поэтому он стал терпимее относиться к местной национальной школе, выступал лишь за ее частичное реформирование, не допуская при этом никакого насилия, способного вызвать протест местных жителей.

Однако позднее его взгляд на местную школу как гаранта сохранения стабильности и традиций претерпел изменения. Постепенно именно в ней он стал видеть скрытую угрозу позиции России в регионе.

В статье с красноречивым названием «Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае», опубликованной в «Кауфманском сборнике», посвященном 25-летию со дня смерти К.П. Кауфмана, ученый отметил, прежде всего, вклад первого губернатора в развитие основанного на принципах веротерпимости образования в крае. Вместе с тем, учитывая вызовы времени, он стал обосновывать необходимость усиления контроля над мусульманскими образовательными учреждениями, где, по его мнению, получили распространение идеи панисламизма и пантюркизма. «... Нельзя оставлять без внимания и без надзора многочисленные мусульманские мактабы и мадрасы, - утверждал публицист. - Пора сознаться в своей ошибке относительно их предполагавшейся нежизнеспособности и взять их в свои руки; под влиянием ошибочного взгляда на туземные школы, мы не охранили киргиз от влияния сартов и татар, и притом не тех старых татар, которых знал покойный К. П. фон-Кауфман, а новых татар, младо-татар, стремящихся к прогрессу и единению с мусульманами всего мира. Первый генерал-губернатор мог об этом и не думать, а нам, современникам «турецкого единения и прогресса» нельзя закрывать глаза на действительный и грозный факт и не принимать соответствующих мер; иначе мы останемся при одних словах, а татары сделают за нас дело, которого поправить будет уже нельзя»^[27]. Таким образом, положение России в регионе в изменившихся исторических условиях, защиту ее геополитических интересов ученый тесно связывал с утверждением государственного контроля над местными школами.

Консервативные авторы в своем большинстве отмечали позитивные последствия не только присоединения региона к России, но проводимой там культурной политики. Особая заслуга имперской власти, по их мнению, заключалась в создании условий для постепенного развития образования в Туркестане. Вместе с тем, констатируя увеличение числа учащихся в местных школах, они признавали крайне медленные темпы роста совместных русско-туземных школ, что вызывалось, прежде всего, силой традиции мусульманского образования^[28]. Хотелось бы заметить, что в консервативных журналах не акцентировалось внимание на недостаточности средств, направляемых на их создание.

Либеральные издания, хотя и реже чем консервативные, также обращались к теме развития образования в Центральной Азии. При этом зачастую они использовали материалы, подготовленные официальными авторами, частично повторяя некоторые их выводы.

Так, военный востоковед и чиновник М.А.Терентьев на страницах либерального «Вестника Европы» в противовес официальному курсу утверждал, что прогресс в местном школьном образовании не наступит до тех пор, пока «... туркестанская школа держится на мусульманском вероучении»^[29]. При этом, он полагал, что «политика наша есть политика самопожертвования, более тратящая на покоренных, чем приобретающая от них. Наш великорусский крестьянин платит чуть не втрое более чем, например, поляк, а получает назад, в виде школ, дорог, мостов, больниц – чуть не вдесятеро менее. Об азиатских подданных наших, платящих всего до 1 р. 10 коп. с души, и не несущих ни постоянной, ни рекрутской повинностей, и говорить нечего. Эта политика проведена по всей нашей истории и составляет одно из ее блистательных отличий. Если этот путь ведет к тому, что теперь истинный мусульманин начинает держаться относительно своего

ближнего, как подобает доброму христианину, то я готов простить ему его мусульманство! Наш христианский космополитизм есть наша сила, наша слава и будущность»^[30].

Таким образом, Терентьев считал исторически обоснованными все затраты имперского правительства на развитие Центральной Азии, включая образование, ибо они вели к интеграции региона и аккультурации местного населения. При этом он готов был поддерживать политику веротерпимости, проводимой администрацией в той степени, в которой она гарантировала сохранение лояльности, уважение к власти и чужой христианской вере со стороны народов Туркестана.

В ряде либеральных изданий, обращавшихся к образовательной политике России в Центральной Азии, весьма критически оценивалась ее практическая реализация. Так, дипломат и ученый Н.Ф. Петровский упрекал администрацию за пассивность, неспособность привлечь местное население к образовательному процессу. По его словам, «... мы даже не указывали туземцам, путем собственного примера, ничего такого осязательно полезного, в чем они могли бы подражать нам; в течении десяти лет мы не обучили их, на почве коммерческо-практической, им хорошо знакомой, ничего такого, в чем бы они могли видеть и понять выгоды нашей европейской цивилизации. Мы показали им только нашу военную силу и наши деньги, которые мы бросали перед их изумленными взорами»^[31]. Иными словами, русские власти, по мнению ученого, ограничившись установлением своего политического господства, так и не приступили к разработке и реализации планов просвещения местного населения, без которого невозможна была культурная интеграция региона.

Вместе с тем, часть либеральных авторов полагала, что у России были все условия не только для политического, но и культурного утверждения в Туркестане. Так, по мнению Э. Циммермана, «между русским населением края и туркменами не существует тех противоречий, какие есть между англичанами и индусами. Народы, входящие в состав России органично существуют в соседстве со славянским населением». Автор полагал, что среднеазиатские народы не фанатичны, в отличие от их единоверцев в Индии, что и давало возможность русским выполнить «... цивилизаторскую миссию... в Средней Азии без всякой слишком тяжелой для туземцев ломки и с гораздо большими задатками на успех, чем в Индии»^[32].

Одним из средств утверждения России в регионе либеральные авторы, в отличие от консервативных, считали увеличение государственных затрат на его культурное развитие. Так, по мнению М.И. Венюкова, рост расходов в сфере народного образования и медицины в Туркестане способствовал сближению местных жителей и русских. «Доверие сартов к европейской науке, - писал он, - оказывается и в другой сфере, именно в области медицины. Русские докторши лечат не только женщин, но и детей, и очень популярны в Ташкенте»^[33].

В либеральных изданиях отмечался весьма низкий образовательный уровень среднеазиатских народов, который образно сравнивался с «...морем невежества»^[34]. Притом мусульманские школы, «дающие лишь механическое знание Корана и норм шариата», изменить ситуацию не могли. Поэтому лишь в распространении светской школы, в которой необходимо было использовать учебную литературу как на русском, так и на туземном языке, автор видел средство распространения «...полезных знаний, разгоняющих мрак невежества...»^[35].

Создание такой школы требовало немалых средств, но лишь образовательная политика, опирающаяся, по мнению публициста, не на прагматический расчет, а принципы христианской морали могла изменить духовную жизнь местных народов, а в итоге, привести их «... к сближению с Россией»^[36].

Основную же задачу России в недавно приобретенном крае либеральное издание видело все же не в достижении геополитических целей, а в осуществлении своей исторической культурной миссии. По словам публициста, она состояла «... в приобщении народов Средней Азии к общечеловеческой цивилизации. За гнет татарщины мы должны заплатить потомкам орд, некогда покоривших Россию, вовлечением их в мировую культурную работу всего человечества. И понятно, что, исполняя эту задачу, Россия должна обратить самое серьезное внимание на то, чтобы обеспечить материальное и культурное существование новых своих подданных и этим сделать их ревностными и искренними своими сочленами и через них влиять также на прогресс в своих ханствах. Россия должна приложить все усилия к возможно скорейшему распространению среди народностей Туркестана просвещения, законности и прочных основ материальной обеспеченности»^[37]. Таким образом, в соответствии с либеральными принципами, дополненными нормами христианской морали, основные задачи политики России в регионе автор видел в приобщении коренного населения к ценностям культуры посредством развития светского образования.

В либеральных изданиях развитие образования в регионе связывалось с необходимостью учета и сохранения национальных особенностей. Притом в условиях Думской монархии либеральные авторы стали поддерживать идею развития культурной автономии края, как одного из решающих условий его подлинного преобразования. Неизвестный публицист «Вестника Европы» утверждал, что мусульмане России представляют собой сплоченный слой населения с определенными требованиями и задачами, которые заключаются в предоставлении национально-областных автономий, с представительными учреждениями, основанными на широких демократических принципах. По его словам, «разумно поставленная школа и широкое самоуправление - это единственный верный путь для создания дисциплинированных и политически воспитанных граждан»^[38]. Таким образом, именно в предоставлении прав самоуправления и развитии светской школы либеральное издание видело будущее Туркестана, залог обеспечения стабильности, формирования гражданского общества в мусульманском крае и его сохранения в составе Империи.

Оригинальный взгляд на развитие образования в Туркестане предложил один из авторов народнического журнала «Северный вестник». Анализируя его состояние в Семипалатинской области, он отметил необходимость создания общественного органа, наподобие земства во внутренних губерниях России, который занимался бы контролем над деятельностью народных школ, объединял бы усилия «культурных классов общества»^[39]. Одна из первоочередных задач, по его мнению, заключалась в подготовке высокопрофессиональных учителей, в распространении знаний и просвещения, а не только одной грамотности. При этом автор весьма критично оценивал положение дел в мусульманских школах, которые, по его словам, не дают образования и насаждают «...тупой фанатизм и изуверство, ещё увеличивающее рознь между народностями татарской и русской»^[40].

Выход из положения он видел в насаждении светского образования среди мусульман, целью которого, в отличие от консерваторов, считал не обрусение народов, а

распространение просвещения^[41].

Одним из условий создания и развития светской школы, по его мнению, должна была стать «...наивозможнейшая дешевизна содержания, ибо на ней будет лежать задача дать первоначальное образование не десяткам единиц, как в интернатах, а десяткам тысяч детей, что возможно лишь при небольших расходах на каждую школу»^[42]. Таким образом, народнический публицист обосновывал необходимость создания массовой, светской школы в регионе, одним из руководителей которой должны были стать общественные организации земского типа. Он обосновывал также необходимость получения этой школой не только административной, но и финансовой автономии, что создавало бы условия для решения общекультурных, а не государственно-политических задач.

Вместе с тем в народнических изданиях, хотя и говорилось об общественной инициативе, отмечались и сложности, стоявшие перед частными лицами при создании школы^[43]. Так обосновывалась идея согласно которой, лишь совместные усилия государства и общества могли обеспечить развитие светского образования в регионе.

Заключение

Анализ отношения отечественной публицистики к образовательной политике России в Средней Азии позволил выявить следующее. В основе восприятия большинством русских авторов культурных задач в данном регионе лежала идея о цивилизаторской миссии России, призванной самой своей историей нести просвещение народам Туркестана.

Однако для консервативных изданий, в целом поддерживавших официальный курс, основная цель образовательной политики, особенно в условиях обострения международных противоречий начала XX в., все более наполнялась прагматическим содержанием, предполагавшим проведение аккультурации населения и интеграцию региона в состав Империи.

Наиболее оптимальным средством утверждения России в образовательном пространстве региона часть консерваторов считала распространение русской школы и включение в ее учебный процесс подрастающего поколения местного населения. Однако сложность этой задачи, требующей значительных средств и кадров, сила традиций и доминирование ислама, определяли терпимое отношение администрации к местным школам. К тому же, ради сохранения стабильности в регионе власть опиралась на поддержку местных элит, которая во многом обеспечивалась за счет сохранения позиций традиционной школы.

Часть консервативных авторов поддерживала политику религиозной терпимости, начало которой положил К.П. Кауфман, выступала за необходимость не только развития образования в регионе, но и изучения самого мусульманского мира. «Нет у нас людей, знающих хорошо духовный мир мусульманина, - сокрушался один из публицистов, - мало администраторов, пригодных для совершенно (увы!) неведомого нам Туркестана»^[44]. Таким образом, автор ставил перед русской администрацией практическую задачу изучения мусульманского мира как средства не только культурной политики, но и предотвращения народных выступлений в регионе.

Либеральные издания не вдавались в детали образовательной политики русской администрации в регионе, ограничиваясь в основном общими оценками действий властей по созданию светской школы. Главной задачей образовательной политики в регионе для либералов долгое время являлось снижение уровня мусульманского

фанатизма, приобщение к цивилизации с помощью развития образования.

Вместе с тем они предлагали планы реформирования русско-туземных школ, медресе и мектебе. Наиболее последовательная часть либералов выступала за предоставление культурной автономии населению региона, обосновывала необходимость синтеза светской и национальной школы, осуждала проскальзывающие в некоторых изданиях характеристики народов Центральной Азии как «невежественных дикарей». Следует подчеркнуть, что в целом в русской публицистике отсутствовали расовые подходы в отношении к народам Востока.

Некоторые либеральные публицисты подчеркивали, что российское правительство, присоединив Центральную Азию, так и не удосужилось познакомиться с особенностями исламской культуры, что и повлекло за собой неудачи в управлении завоеванным краем. Вот почему либералы призывали изучать местную культуру и обычаи, доказывая, что лишь на основании полученных знаний возможно провести преобразования в сфере культуры, добиться положительных результатов в освоении края.

Народнические издания предлагали использовать общественный ресурс в деле создания и развития местной школы.

Следует заметить, что власть осознавала роль периодических изданий в освещении культурной политики, видела в них средство формирования общественного мнения и пропаганды «цивилизаторской миссии» России. Не случайно с просьбой чаще излагать факты реализации этой миссии обращался к знаменитому издателю А.С. Суворину генерал-губернатор туркестанского края А.Б. Вревский^[45].

Представляется, что в печати нашел отражение рост внимания русской администрации к проблеме образования народов Средней Азии. При этом на страницах различных изданий отмечалось, что в деятельности русско-туземных школ власти видели средство аккультурации местного населения, тогда как традиционные образовательные учреждения, во всяком случае, с конца XIX в., ими все более воспринимались как рупор распространения антирусских панисламских настроений. Специалисты, служащие в регионе отмечали рост числа совместных школ с 30 - в конце XIX в., до 90 - к началу Первой мировой войны^[46].

Представители всех направлений сходились в том, что лишь с помощью образования, распространения европейских ценностей было возможно преодолеть не только культурную изоляцию региона, но и национальный экстремизм и религиозный фанатизм, подрывающие социальную стабильность края, основы его интеграции с Россией.

Библиография

1. А.П. Из общественной жизни Ташкента // Русское богатство. 1904. № 9. С. 169-193.
2. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). М., 1960. 509 с.
3. Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Народное просвещение в Центральноазиатских владениях Российской империи как объект аккультурации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 1, № 1, 2019. С. 5-13.
4. Венюков М. Туркестанские вопросы // Русская мысль. 1899. № 9. С. 474-503.
5. Волков И.В. Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период. М., 2018. 584 с.
6. Ларусин С. Народная школа в киргизской степи // Северный вестник. 1889. № 5. С.

43-60.

7. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. (1865–1917). Елец, 1998. 319 с.
8. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Пг., 1916. 415 с.
9. Марков Е.Л. На Оксусе и Яксарте // Русское обозрение. 1893. № 12. С. 619-661.
10. Милищ (псевд) О мусульманском движении // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 356-371.
11. Н.М. Русско-туземные мусульманские школы в Туркестане // Православный благовестник. 1900. № 12. Июнь. С. 356-371.
12. Остроумов Н.П. Константин Петрович фон Кауфман-устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.) Ташкент. 1899. 286 с.
13. Остроумов Н. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае// Кауфманский сборник. 1910. С. 139-160.
14. Остроумов Н.П. Мадрасы в Туркестанском крае // Журнал министерства народного просвещения. 1907. № 1. Часть 7. С. 1-51.
15. Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал министерства народного просвещения. 1906. № 2. Часть 1. С. 113-166.
16. Остроумов Н.П. Характеристика религиозно-нравственной жизни мусульман, преимущественно Средней Азии // Православный благовестник. 1880. № 6. С. 229-324.
17. Павловский Е.Н. Очерки Самаркандской области // Исторический вестник. 1911. № 12. С. 1118-1143.
18. Петровский Н. Очерки Кокандского ханства // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 722-757.
19. Письмо А.Б. Вревского Суворину А.С. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. ед. хр. 806. 1 п. 26 марта 1908 г.
20. Русско-туземные школы Сыр-Дарьинской области в 1898 году // Православный благовестник. 1899. № 3 (февраль). С. 120-121.
21. Т-ов С. Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. № 5. 1908. С. 666-670.
22. Терентьев М. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 65-112.
23. Туземные учебные заведения в Туркестанском крае: медресе и мектебе // Православный благовестник. 1897. № 14. Июль. С. 250-258.
24. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. № 9. С. 787-812.
25. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. № 10. С. 34-55.
26. Письмо А.Б. Вревского Суворину А.С. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. ед. хр. 806. 1 п. 26 марта 1908 г.
27. Шкапский О. Аму-дарьинские кулаки перед судом Шариата и казиев // Русская мысль. 1898. № 8. С. 46-66.
28. Шкапский О. Прошлое и настоящее Туркестана // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 131-157.
29. Южаков. Ю.Д. Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем // Русский вестник. 1891. № 8. С. 1-51.
30. Центральная Азия в составе Российской империи. (С. Абашин, Д. Арапов, Н. Бекмаханова и др.) М., 2008.
31. Циммерман Э. По закаспийской железной дороге // Русская мысль. 1889. № 3. С. 17-44.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На протяжении долгих столетий Россия развивается как полиэтническое государство, в котором на пространствах 1/6 части суши проживают народы, отличающиеся языком, культурой, конфессиональной принадлежностью, хозяйственным укладом. Как справедливо отмечает Президент Российской Федерации В.В. Путин, именно в многонациональности заложена сила России. Именно в рамках укрепления многонациональных отношений представляется важным обратиться к изучению исторического опыта межнационального взаимоотношения, а также присущих отдельным этносам особенностей. К слову, всем известна культурная политика Советского Союза в отношении народов Средней Азии, но гораздо менее известна данная политика в имперский период.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является отношение различных изданий России начала XX в. к образовательной политике имперских властей в Туркестанском крае. Автор ставит своими задачами определить особенности отношения консервативных и либеральных течений России к традиционной мусульманской школе, показать предлагаемые ими пути создания системы образования в регионе, выявить "влияние общественного мнения России на выработку программы культурного освоения региона и путей его интеграции в состав империи".

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать отношение различных изданий России начала XX в. к образовательной политике имперских властей в Туркестанском крае. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Российского государственного архива литературы и искусства, а также материалами периодической печати. Из используемых исследований отметим труды Д.В. Васильева и С.В. Любичанковского, а также К.Е. Бендрикова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения культурной политики Российской империи в Центральной Азии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как образовательной политикой в целом, так и образовательной политикой в Средней Азии, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "проблема аккультурации мусульманского населения, которую пыталось решить имперское правительство России на присоединенных центральноазиатских территориях, сегодня, правда в иной форме и

иных исторических условиях, вновь возникла перед страной". В работе показано, что "несмотря на критику традиционной школы, чиновники ее в итоге поддержали, увидев в ней интенции, хотя и противоречащие цивилизаторской миссии Империи, но в большей степени соответствующие интересам власти в регионе". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи,

"культурной ассимиляции учащихся в совместных школах, согласно предложению некоторых "чиновников, становились, наряду с преподаванием предметов на русском языке, поездки выпускников в европейскую часть России".

Главным выводом статьи является то, что

представители либеральных и консервативных направлений "сходились в том, что лишь с помощью образования, распространения европейских ценностей было возможно преодолеть не только культурную изоляцию региона, но и национальный экстремизм и религиозный фанатизм, подрывающие социальную стабильность края, основы его интеграции с Россией".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий межнациональных отношений.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кондратьев Н.В. Обеспечение лошадьми ополчения Костромы в 1812 г // Genesis: исторические исследования. 2025. № 1. С.80-88. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.73137 EDN: WRGPJE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73137

Обеспечение лошадьми ополчения Костромы в 1812 г.

Кондратьев Николай Владимирович

Главный библиотекарь; Информационный центр "Библиотека им. К. Д. Ушинского" Российской академии образования

127550, Россия, Московская область, г. Москва, Дмитровское шоссе, 37 к.1, кв. 134

✉ nickolay.kondratjev@yandex.ru

[Статья из рубрики "История и экономика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.1.73137

EDN:

WRGPJE

Дата направления статьи в редакцию:

21-01-2025

Дата публикации:

28-01-2025

Аннотация: Цель работы: уточнение данных историографических исследований и презентация новых фактов о поставке лошадей для Костромского ополчения во время Отечественной войны 1812 г. В числе источников рассматриваются документы фондов Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и Государственного архива Костромской области. Документальные данные сопоставлены с текстами сочинений К.А. Военского, В.Р. Апухтина, Н.Н. Виноградова и др. Важным компонентом информации источников, не актуализированным до настоящего времени в историографии, являются механизмы комплектования конного состава основного и резервного ополчений, расчет строевых и подъемных лошадей, вопросы сдачи лошадей по окончании военных действий. Документы позволяют оценить военно-экономический потенциал Костромской губернии в избранном аспекте. Полученные результаты позволяют оценить и интерпретировать показатели, как-то: общие сведения о поставках лошадей, нагрузку на регион,

соотношение количественных показателей и требований воинских артикулов и т.д. В перспективе становится возможным использовать сведения об обеспечении Костромского ополчения лошадьми для сопоставления его с другими ополчениями III округа. Исходя из анализа историографического наследия XIX-XXI вв., надо признать практически не изученным, а потому востребованным исследование проблем материального обеспечения деятельности народной военной силы 1812-1814 гг. Реализация этой задачи в нашем случае осложняется тем, что в научном обороте представлен весьма ограниченный объем источников и историографических материалов о Костромском ополчении. По результатам исследования сделаны следующие выводы: во-первых, несмотря на значительные невосполнимые потери в архиве региона, сопоставление документов и историографических исследований позволяет представить весьма интересный аспект истории Костромского ополчения 1812 года; во-вторых, документальные материалы открывают неизвестные ранее аспекты темы, например, поставку лошадей не только для основного, но и для резервного ополчения, не только для ополчения, но и для нужд армии; в-третьих, сопоставление документальных и статистических данных позволяет выдвинуть определенные гипотезы, которые станут перспективой дальнейшего изучения Костромского ополчения.

Ключевые слова:

Отечественная война 1812г, народное ополчение, округа ополчения, Костромская губерния, Костромское ополчение 1812г., ополчение, Военский, Апухтин, Виноградов, Виноградова

Введение. Одним из неразработанных направлений в изучении Костромского ополчения 1812-1814гг. является уточнение и детализация данных о поставке лошадей для Костромской военной силы, об использовании их вовремя военной кампании, статистика потерь.

Источниковой базой являются документы, опубликованные в 1962г. в сборнике под редакцией Л.Г.Бескровного и Р.Е. Альтшуллер^[1], а также не публиковавшиеся ранее документы фондов Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), и Государственного архива Костромской области (далее – ГАКО).

Ход и результаты исследования. В целом в историографии ополчений 1812 г. в течение XIX-XXвв. вопросы снабжения, в том числе лошадьми, статистический учет поставок и потерь оставались в тени более актуальной тематики, поскольку одновременно с накоплением фактического материала шло прежде всего осмысление роли ополчений в кампаниях Отечественной войны и Заграничного похода. В этот период губернские ополчения не рассматривались как самостоятельные направления историографии, а рассматривались совокупно с историческим описанием действий регулярной армии^[1;3;9;25].

Выпущенные на рубеже XIX-XX веков специализированные издания^[10;34;2;23] аккумулировали значительный фактический материал для исследования истории губернских ополчений в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813-1814гг., в том числе сведения о Костромской военной силе. Но рост интереса к провинциальной тематике не привел ни к появлению масштабных региональных

исследований в целом, ни по вопросам материального обеспечения народной военной силы в частности.

В советской историографии, несмотря на появление обобщающих исследований и издание сборников документов [\[4;8;26\]](#), не было детального изучения финансово-экономических и хозяйственных показателей деятельности ополчений.

Современные монографические исследования и диссертации все чаще имеют региональную направленность [\[7;22;27;33;35;36\]](#), но по-прежнему немногочисленны и не насыщены информацией о хозяйственно-экономических вопросах, в том числе о поставке лошадей на нужды ополчения. Характерной чертой современных исследований надо признать смену научных приоритетов. Так, С.В. Белоусов считает, что «актуальным представляется изучение взаимодействия общества и власти и определение эффективности управления провинциальной администрации в условиях военного времени на примере изучения формирования и деятельности» отдельно взятого ополчения округа [\[7\]](#).

Л.М. Спиридонова [\[35\]](#) и Д.А. Николаев [\[27\]](#) сочли наиболее перспективным комплексное изучение ополчения как феномена и трактовку образа воина-ополченца как примера *homo belli*, то есть актуализировали изучение истории повседневности.

Тематически ориентированные исследования стали появляться в XXI веке. Довольно подробно о поставке лошадей и участия ополченской кавалерии в целом в военной кампании и о конных соединениях (например, о башкирских и мещеряцких полках) писали А.И. Бегунова [\[5;6\]](#), Р.Н. Рахимов [\[30\]](#), Николаев Д.А. [\[27\]](#).

Одним из важных аспектов в этих исследованиях надо признать учет количества лошадей как источника формирования кавалерии и военного транспорта. Как считает А.И. Бегунова [\[5\]](#), «приблизительно конское поголовье в начале XIX века определяется в 30-35 миллионов голов. <....> К тому же во второй половине XVIII века были основаны новые государственные конные заводы, специально предназначенные для выращивания строевых лошадей. Например, в лейб-гвардии Конный полк высокорослых лошадей темных мастей поставлял завод, расположенный в селе Починки Нижегородской губернии. Около города Гадяча Полтавской губернии находился конезавод, где разводили лошадей, годных для службы в тяжелой и средней кавалерии. Кроме того, лошадей для армии выращивали на Хорошевском конезаводе (100 рослых кобыл и 8 жеребцов), Гавриловском (120 кобыл и 9 жеребцов), Даниловском (217 кобыл "немецких пород, рослых, шерстью вороных", и 19 жеребцов), Сидоровском в Костромской губернии (130 кобыл, 14 жеребцов), Всегодническом во Владимирской губернии (115 кобыл и 9 жеребцов), Скопинском в Рязанской губернии (100 кобыл темных мастей и 10 жеребцов), Богородицком в Тульской губернии (90 кобыл и 8 жеребцов). Всего к концу XVIII века на государственных конных заводах находилось 1364 племенные кобылы. Кроме государственных, в России в начале XIX столетия было более 250 частных конных заводов».

Исходя из анализа историографического наследия XIX-XXI вв., надо признать практически не изученным, а потому востребованным исследование проблем материального обеспечения деятельности народной военной силы 1812-1814 гг. Реализация этой задачи в нашем случае осложняется тем, что в научном обороте представлен весьма ограниченный объем источников и историографических материалов о Костромском ополчении.

Освещение хозяйственной стороны деятельности ополчений, в том числе поставки и использование лошадей, в опубликованных источниках и историографических исследованиях весьма поверхностно. Так, эта тема вообще не рассматривалась в «Записках о Костромском ополчении»^[21] и в сочинениях К.А. Военского^[14]. В.Р.Апухтин также представил очень скудные данные. Фактически он ограничился лишь констатацией: «по предложению командующего третьим округом, графа Толстого, прибывшего в Кострому 7 августа, решено было выделить ...660 человек и организовать конную сотню. Для этой цели пожертвованы были 660 лошадей с упряжью и кроме того, для обоза ополчению, 220 лошадей и 110 телег»^[2,с.70].

Несколько более пространным оказалось исследование Н.Н.Виноградова, однако оно касалось не всей Костромской губернии, а исключительно Кинешемского уезда^[12]. Он также указал, что создание конного полка (выделить 600 человек из 11.000 ратников плюс 60 унтер-офицеров) было инициативой графа Толстого, который в этом вопросе ориентировался на Московское ополчение. Как и Апухтин, Виноградов зафиксировал решение дворянства организовать обоз из 110 телег и обеспечить его 110 парами, то есть 220 подъемными лошадьми с надлежащей упряжью, а на каждую верховую лошадь должны быть приданы узда, седло, потник и мешок для овса. Исполнение этого решения потребовало пропорционально рассчитать разверстку по уездам. Она составила: 1 верховая лошадь с 424 душ, 1 подъемная лошадь с 1413 душ, 1 повозка с 2608 душ, «возложив сие приготовление на участки....из помещичьих душ уравниательно»^[12,с.83]. Таким образом он подсчитал, что в Кинешме должны были собрать 73 верховых и 7 для унтеров, 24 подъемных и 13 телег. Обеспечение фуражом планировалось на деньги из пожертвованных сумм.

Сведения Апухтина и Виноградова подтверждаются документами центральных архивов. Согласно отчетным документам, отложившимся в РГВИА, собрали для конного полка 600 лошадей верховых, для обоза 220 лошадей подъемных и 110 телег^[31,л.109]. Эта информация дублирована в представлении костромского гражданского губернатора Н.Ф.Пасынкова министру полиции^[32,л.2], также в документе зафиксирована комплектация для одного верхового: узда, седло, потник, мешок для овса^[32,л.506].

Также по докладом губернатора в Комитет по внутреннему ополчению оказалось возможным выяснить распределение поставок лошадей и телег по всем уездам Костромской губернии^[32,л.706]:

Таблица .1Контрольные цифры поставок по уездам

	верховые	подъемные	телеги
Костромской	62	24	11
Нерехтский	104	39	19
Кинешемский	73	24	13
Юрьеvecкий	45	16	9
Галичский	67	25	12
Буйский	38	14	7
Солигаличский	32	12	6
Чухломской	40	15	7
Макарьевский	25	9	5
Кологривский	48	17	8
Ветлужский	30	11	6

Варнавинский	36	14	7
итого	600	220	110

Опираясь на доклады командующего Костромским ополчением П.Г. Бардакова (несохранившиеся дела в ГАКО), С.Г.Виноградова приводит следующие данные: на 15 декабря 1812г. в ополчение собрано 10.800 человек, 529 строевых лошадей, 141 подъемная лошадь, 70 повозок. Недоимки составляли 200 человек 131 строевая лошадь, 79 подъемных лошадей и 40 повозок^[13]. Недопоставки воинов, лошадей и повозок отмечены во всех уездах, кроме Нерехтского.

В ведомости о состоянии войск ополчения III округа на январь 1813 года^[26,с.390-395] указаны следующие сведения о поставках и распределении лошадей: в графе «По списку состояло по выступлении» строевых 561, подъемных 158, распределены: в конный полк 563 строевых, подъемные 2 - конный, 39 - в 1й полк, 50- во 2й полк, 41- в 3й полк, 19 - в 4й полк^[26,с.390]. Потери составили 2 строевых и 7 подъемных (по полкам соответственно - 1,4 1 и 1)^[26,с.391]. В итоге на момент начала похода у костромичей числились строевых 561, подъемных 151 лошадь^[26,с.391].

Эта же ведомость^[26,с.390-395] позволяет сравнить количество поставленных лошадей и потери Костромского ополчения с другими соединениями III округа:

Ø Рязанское ополчение: только конный полк - 1186 строевых, затем в командировках 800; потери 10.

Ø Нижегородское ополчение: конный полк - 632 строевых и 10 подъемных, в пяти пеших полках по 50 подъемных, то есть всего 260 подъемных; потери 5 строевых и 1 подъемная в пешем полку.

Ø Пензенское ополчение: строевых 654 в конном и 44 в артиллерийской команде при 4 орудиях, подъемных 12 в конном и 2 в артиллерии, в трех пеших по 42 подъемных; потери 4 строевых.

Ø Симбирское ополчение: 660 строевых в конном полку плюс 13 подъемных, в пеших полках по 42 подъемных; потери 2 строевых и 1 подъемная в пешем полку.

Ø Казанское ополчение: 266 строевых в двух конных сотнях плюс 6 подъемных в двух конных сотнях и 51 подъемная лошадь в пешем полку; потери - 1 строевая.

Как видим, к началу выступления военной силы III округа в поход ни одно из губернских ополчений не обошлось без потерь конского состава, но эти потери имели минимальный характер.

Особо отметим, что пешие полки Костромского ополчения были, во-первых, неравномерно обеспечены подъемными лошадьми; во-вторых, приведенные в документе цифры не соответствуют ни положенному по штатному расписанию 1802 г. количеству в 42 лошади (его указывает А.И. Бегунова^[5;6]), ни более поздним стандартам^[28].

О поставке лошадей в резервное ополчение окончательной информации не имеется, поскольку относящиеся к этому вопросу дела в ГАКО утрачены^[15;16;17;18]. Но в фондах РГИА отложились документы, в том числе список с донесения костромского гражданского губернатора к главнокомандующему внутренним ополчением в Санкт-Петербург от 28 января 1813г. (оно, как указано в конце документа, продублировано командующему

ополчениями III округа генерал-лейтенанту и кавалеру графу П.А. Толстому [\[32,лл.33-34об\]](#). Из дела явствует, что из числа резервного ополчения собирались выделить 300 человек в конную команду. Губернатором были заданы вопросы: за чей счет содержать их 3 месяца, покупать ли соответственно 300 лошадей строевых и необходимое число подъемных с принадлежностями, если да, то кому и где это делать. Документов, содержащих ответ на запрос костромского губернатора, не обнаружено. Но поскольку среди утраченных дел ГАКО [\[17\]](#) было дело 1814 г. о лошадях принадлежащих резервному ополчению (подч. мной - Н.К.), то можно предполагать, что поставки лошадей все же состоялись.

Из перечня фондов ГАКО следует также, что кроме поставки лошадей в ополчение была произведена закупка лошадей для поставки в армейскую артиллерию [\[18:20\]](#). Предположительно было закуплено 500 лошадей. Но в связи с утратой дел ГАКО и отсутствием дублирующей информации в центральных архивах эта узкая тема не имеет иных подробностей и пока остается нераскрытой.

В целом мы можем подвести приблизительные итоги поставки лошадей на нужды ополчения и армии: 1400 строевых и подъемных лошадей.

Отсутствие статистики по Костромской губернии и архивные лакуны, не позволяют точно ответить, были поставки лошадей реализованы только за счет закупки на внутреннем губернском рынке, или же приобретались лошади в других губерниях.

Материалы для географии и статистики России, собранные в преддверии реформы 1861 года [\[24\]](#), позволяют выдвинуть предположение, что собственными резервами Костромская губерния в 1812 г. не могла обеспечить необходимое количество лошадей. Основания к тому следующие: во-первых, коневодство даже к середине века было малоразвито, немногие помещики имели собственные заводы, да и те были малопродуктивными, всего в губернии насчитывалось 40 заводов, из них лишь 4 признаны достойными: Карцовых, Катениных, Лермонтовых и Волжинских. [\[24,с.264\]](#) Во-вторых, торговля лошадьми организовывалась на пяти ярмарках в пяти уездах из двенадцати: в Макарьеве (зимняя), в уездном селении Урень Варнавинского уезда, в с. Середа-Упино Нерехтского уезда, в с. Молвитино Буйского уезда и на ярмарке при Авраамиевом Покровском Городецком монастыре в Чухломском уезде [\[24,с.265\]](#). В-третьих, на ярмарках из губернии выставлялось не более 400 лошадей, конкуренцию составляли лошади, приводившиеся из Ярославской и Вятской губерний, из Ростова Великого [\[24,с.265\]](#). В-четвертых, по данным статистиков, в середине века на 1.000 лиц мужского пола в губернии приходилось 548 лошадей, только в одном уезде соотношение было примерно 1:1, в основном 1:3, и маловероятно, что показатели 1812 года были лучше [\[24,с.265-266\]](#). Поэтому считаем наиболее реалистичным говорить не о поставке лошадей, а о преимущественно о закупке в соседних губерниях.

С окончанием военных действий и роспуском ополчений встал вопрос о дальнейшем использовании конного состава.

Осенью 1814 года началось расформирование конных полков Костромского и Нижегородского ополчений. Основные правила были изложены в указе императора Александра I командующему армиями М.Б. Барклаю-де-Толли. Распоряжение о лошадях было следующее: «Из лошадей предоставить е.и.выс. цесаревичу и вел.кн. Константину Павловичу отобрать годных для польских войск, а прочих продать на месте, так как раздача оных по губерниям, потерпевшим от неприятеля, с одной стороны, не может

быть уравнительна между обывателями и вовлечет казну в издержки от продовольствия лошадей, пока они розданы будут; с другой, губернии эти уже получили вспоможение о правительства»^[26,с.418].

О реализации этого приказа сведений не обнаружено. В губернии же был составлен комитет при дворянском собрании для продажи вернувшихся с ополчением лошадей и обоза с причитающейся упряжью^[19]. Но конкретное содержание и итоги деятельности комитета выяснить не представляется возможным в связи с утратой документов.

Заключение. По результатам исследования сделаны следующие выводы: во-первых, несмотря на значительные невосполнимые потери в архиве региона, сопоставление документов и историографических исследований позволяет представить весьма интересный аспект истории Костромского ополчения 1812 года; во-вторых, документальные материалы открывают неизвестные ранее аспекты темы, например, поставку лошадей не только для основного, но и для резервного ополчения, не только для ополчения, но и для нужд армии; в-третьих, сопоставление документальных и статистических данных позволяет выдвинуть определенные гипотезы, которые станут перспективой дальнейшего изучения Костромского ополчения.

Библиография

1. Андрианов П. Великая отечественная война. Борьба России с Наполеоном в 1812 г. Одесса: тип. Акц. Юж.-рус. о-ва печ. дела, 1912. 288 с.
2. Апухтин В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. Т.1. Ч. 1-2. М.: Т-во "Печ. С.П. Яковлева", 1912. 124 с.
3. Ахшарумов Д. И. Историческое описание войны 1812-го года. СПб., 1813. 134 с.
4. Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: диссертация ... доктора исторических наук [Б. м.], 1962 . 705 с.
5. Бегунова А.И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М.: Молодая гвардия, 2000. 383 с.
6. Бегунова А.И. Сабли остры, кони быстры...: Из истории русской кавалерии. М.: Мол. гвардия, 1992. 253 с.
7. Белоусов С.В. Пензенское ополчение в эпоху Отечественной войны 1812 г: Уч. пособие. Пенза, изд. ПГУ, 2022. 98 с.
8. Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. 610 с.
9. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. В 3 т. СПб, 1859–1860.
10. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 1–10. М., 1897–1908.
11. Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году с официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генеральных штабов. Ч.1-2. СПб, 1823–1824.
12. Виноградов Н.Н. Костромское ополчение // Кинешемский календарь на 1916 год. Кинешма, 1916, отдел III. С. 77-88.
13. Виноградова С.Г. Боевой путь Костромского ополчения 1812–1815 гг. // Губернский дом, Костромская старина. 1995. Т. 7. С. 20-24.
14. Военский К.А. Костромское ополчение в 1812 году. СПб.: Синод. тип., 1909. 33 с.
15. ГАКО Ф. 812 Оп.1 Св.2 Д.27 (штамп «выбыло»)
16. ГАКО Ф. 812 Оп.1 Св.1 Д.26 (штамп «выбыло»)
17. ГАКО Ф.122 Оп.3 Д.495 (штамп «выбыло»)
18. ГАКО Ф.122 Оп.3 Д.544 (штамп «выбыло»)

19. ГАКО Ф.122 Оп.3 Д.557 (штамп «выбыло»)
20. ГАКО Ф.179 Оп.1 Д.951/1552 (штамп «выбыло»)
21. Записки о Костромском ополчении // Вестник Европы, 1815, Ч. 81, № 12. С. 297-313.
22. Иванов М.Ю. Симбирское ополчение в Отечественной войне 1812г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самара, 2002. 21 с.
23. Кабанов А.К. Ополчения 1812 года // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Юбилейное издание. Том V. М., Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1912. 272 с.
24. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 12: Костромская губерния / Сост. Я. Крживоблоцкий. Спб., тип. Тиблена и К°, 1861, 636 с.
25. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. В 4 т. СПб., 1839.
26. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: сборник документов. Сост. Альтшуллер Р.Е., Бескровный Л.Г. М.: Наука, 1962. 547 с.
27. Николаев Д.А. Нижегородское резервное ополчение 1812 г. Нижний Новгород тип. «ПромоЛинк», 2023. 283 с.
28. Обоз военный // Военная энциклопедия: Т. 1-18 / Под ред. полк. В. Ф. Новицкого и др. СПб.; Пг.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915 Т. 17 С. 68-73.
29. Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива. Т. 1–21. СПб., 1900–1914.
30. Рахимов Р.Н. Подарок Башкиро-мещеряцкого войска: степные лошади для русской армии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IX: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Ред.-сост. В.М. Безотосный, А.А. Смирнов // Труды ГИМ. М.: Государственный исторический музей, 2010. Вып. 183. С. 207-213.
31. РГВИА Ф.846 Оп.16 Д.3465 Ч.12.
32. РГИА Ф 1286 Оп.2 Д. 285.
33. Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. Автореф. дисс... доктора ист.наук. СПб, 2013. 52 с.
34. Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной Е.И.В. канцелярии. / Изд. под ред. Н. Дубровина. Вып. 1–16. М., 1876–1906.
35. Спиридонова Л.М. Пензенское ополчение в 1812–1815 гг. Автореф.дисс... канд. ист.наук. Белгород, 2013. 24 с.
36. Тульское военное ополчение 1812–1814 гг. Документы и материалы / Сост. М.Р. Беделев, И.Г. Бурцев. Тула, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2013. 1058 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье рассматривается вопрос обеспечение лошадьми ополчения Костромы как один из менее разработанных в изучении Костромского ополчения 1812–1814гг. Исследование уточняет данных о поставке лошадей и использовании их в военной кампании.

Методология исследования предусматривает методы архивной эвристики, археографии, источниковедения. Источниковой базой исследования являются материалы архивов РГВИА, РГИА, Госархива Костромской области.

Актуальность темы статьи автор обуславливает тем, что этот аспект истории Костромского

ополчения 1812–1814 гг. является менее всего изученным, как и в целом хозяйственная сторона деятельности ополчений. Тема также актуальна в контексте региональных исследований по истории экономики Костромской области.

Научная новизна выражена прежде всего введением в научный оборот новых архивных материалов, на основе которых проводится исследование вопроса обеспечения лошадьми Костромского ополчения.

Стиль авторского текста научный. Структура статьи логичная, она состоит из введения, исследовательской части, выводов. Содержание соответствует заявленной теме. Использованные в исследовании источники, такие как Доклады губернатора в Комитет по внутреннему ополчению, Доклады командующего Костромским ополчением П.Г. Бардакова, Ведомость о состоянии войск ополчения III округа на январь 1813 года, релевантны. Материалы содержат данные о распределении поставок лошадей и телег по уездам Костромской губернии, позволяют проследить динамику поставок лошадей и телег для Костромского ополчения, предоставляют информацию о количестве собранных людей, строевых и подъемных лошадей, повозок, а также о недоимках по поставкам, сравнить количество поставленных лошадей и потери Костромского ополчения с другими соединениями III округа. Сравнивая данные из разных источников, автор приходит к выводу о том, что поставка лошадей и телег осуществлялась неравномерно по уездам, а также о том, что к началу выступления военной силы III округа в поход ни одно из губернских ополчений не обошлось без потерь конского состава.

В статье приведено много количественных данных, которые логично было бы оформить в виде таблиц или гистограмм. Единственная таблица «Таблица 1 Контрольные цифры поставок по уездам» нуждается в оформлении в соответствии с требованиями с надлежащими ссылками на источники данных.

Библиография включает 36 наименований. Используются как опубликованные, так и неопубликованные источники из различных архивов, которые охватывают период с начала XIX века до настоящего времени и представляют различные регионы России, что позволяет проанализировать формирование и использование ополчения на всей территории страны. Библиография соответствует требованиям научного оформления, вместе с тем в перечне литературы отсутствуют работы по теме статьи за последние 10 лет.

Апеллируя к оппонентам, автор обращается к выпущенным на рубеже XIX–XX веков специализированным изданиям – Апухтин В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну (1912), Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным (1897–1908), Кабанов А.К. Ополчения 1812 года (1912), Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива (1900–1914) и др., – подчеркивает их вклад в создание значительной фактологической основы для исследования истории губернских ополчений в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг., подчеркивает при этом и необходимость дальнейшего изучения темы.

Сделаны обоснованные выводы о значении обеспечения лошадьми ополчения как важной составляющей хозяйственного обеспечения народной военной силы. Вывод о необходимости продолжения исследования хозяйственно-экономических сторон деятельности ополчения также обоснован.

В целом, исследование представляет вклад в изучение истории Костромского ополчения 1812 года. Выводы исследования открывают новые перспективы для дальнейшего изучения темы. Статья будет интересна историкам, занимающимся изучением Отечественной войны 1812 года и Костромского ополчения, краоведам и широкому кругу читателей, интересующихся историей своей малой родины.

Англоязычные метаданные

The formation of the image of Russia in school textbooks of the history of Kazakhstan as a factor of influence on interstate relations

Petrishcheva Mariya Vladimirovna

Lecturer, Department of History, Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy Avenue, 13

✉ mariyapetrishcheva@bk.ru

Abstract. The subject of this scientific article is the image of Russia in the school course of the history of Kazakhstan for grades 7 and 8. As part of the development of social cooperation, a fairly extensive regulatory framework has been formed. However, the internal policy of the Kazakh authorities, in particular in the field of school education, contradicts the officially chosen course. Meanwhile, school education has a significant impact not only on the formation of people's self-awareness, but also on interstate relations in general. The purpose of the work is to trace the process of forming the image of Russia in Kazakh school textbooks and determine its nature. For this purpose, several textbooks of the old and new generation were taken, an analysis of how information was transformed depending on the time of creation of the textbook was carried out. A comparative historical method was used as the main method, with the help of which textbooks of different generations were compared. The historical and systematic method allowed us to study history textbooks in the context of international humanitarian cooperation. This is the first time this problem has been considered in such a volume, taking into account the impact on the social sphere. The analysis of textbooks allows us to take a fresh look at the relations between Russia and Kazakhstan. It has been established that, with the exception of some positive assessments that occur in the seventh grade school year, the image of Russia is presented in a negative way in Kazakh textbooks. It was revealed that he changed over time only for the worse. Despite Kazakhstan's official statements that Russia is almost one of the most important partners, students in the course of the school history curriculum receive negative information about Russia. This trend of school education in Kazakhstan has a negative impact on relations with Russia.

Keywords: humanitarian cooperation, international relations, education, historical image, colonialism, history, relationships, school textbook, Kazakhstan, Russia

References (transliterated)

1. Masanov N., Savin I. Rossiya v kazakhskikh uchebnikakh istorii // Mir istorii. 2004. № 1. S. 49-55. URL: http://www.history.krsu.edu.kg/index.php?id=211&limit=1&option=com_content&task=view&limitstart=1. (data obrashcheniya: 15.11.2023)
2. Filippov A.V. Shkol'naya Istoriya i obshchestvennoe mnenie v postsovetskikh stranakh // Istoriya i istoricheskaya pamyat'. 2015. № 12. S. 44-62 URL: <https://clck.ru/37vikq> (data obrashcheniya: 09.01.2024).
3. Savin, I. S. Rossiya v natsional'noi istorii Kazakhstana i Kirgizii: obshchee i osobennoe v vospriyatii molodezhi // Tsentral'naya Evraziya. 2020. № 1(4). S. 27-50. DOI:

10.31696/2618-7051-2020-1-27-50

4. Klyuchareva, V. V. Ot Kazakhskoi SSR do «nezavisimogo» Kazakhstana: uchebnik po istorii kak sposob formirovaniya natsional'noi identichnosti // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 2(51). S. 96-102. DOI: 10.37386/2413-4481-2022-2-96-10
5. Zholdasbaev, S. Istoriya srednevekovogo Kazakhstana: uchebnik dlya 7 klassa / S. Zholdasbaev; Min-vo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan. – Almaty: Atamyra, 2012. – 232 s. – ISBN 978-601-282-434-6.
6. Bakina, N. S. Istoriya Kazakhstana: uchebnik dlya 7 klassa / N. S. Bakina, N. T. Zhanakova; Min-vo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakh-stan. – Almaty: Atamyra, 2017. – 240 s. – ISBN 978-601-306-723-0.
7. Babaev, D. Istoriya Kazakhstana: uchebnik dlya 8 klassa / D. Babaev; Min-vo narodnye obrazovaniya Respubliki Kazakhstan. – Almaty: Rauan, 1992. – 173 s. – ISBN 5-625-01723-9.
8. Kasymbaev Zh. K. Istoriya Kazakhstana (XVIII v. – 1914 g.): Uchebnik dlya 8 kl. obshcheobrazovat. shk. – 2-e izd., pererab., dop. – Almaty: Mektep, 2012. – 256 s.: il.
9. Kabul'dinov, Z. E. Istoriya Kazakhstana (KhVIII–KhIX vv.): uchebnik dlya 8 klassa / Z. E. Kabul'dinov, Zh. N. Kaliev, A. T. Beisembaeva; Min-vo obrazovaniya i nauki Respubliki Kazakhstan. – Almaty: Atamyra, 2018. – 208 s. – ISBN 978-601-331-164-7

The dwelling of the Yudinsky culture from the Russian settlement 1

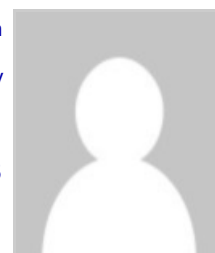
Adamov Aleksandr Aleksandrovich

PhD in History

Chief Scientific Associate, Tobolsk Scientific Department of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

626152, Russia, Tyumen region, Tobolsk, Academician Yuri Osipov str., 15

✉ adamowaa@yandex.ru

Turova Natalya

Scientific Associate, Tobolsk Scientific Department of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

626152, Russia, Tyumenskaya oblast', g. Tobol'sk, Academician Yuri Osipov str., 15

✉ turova2707@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the excavation of residential building No. 4 of the Yudinsk archaeological culture, studied during archaeological work at the Russian settlement 1. The monument is located in the Yarkovsky district of the Tyumen region, on the right bank of the Tobol River, near the mouth of the Tura River. The purpose of the study is to introduce into scientific circulation and to examine in detail the unique materials from the Russian 1 settlement, represented by the excavation of a residential building at No. 4, to determine the type of dwelling, and to reconstruct the possible appearance of the lost structural elements of the structure. Based on the purpose of the study, the following tasks were put forward: a morphological description of the recorded elements of the archeologized structure No. 4, the determination of the time of the functioning of the settlement, as well as the reconstruction of the exterior of the frame of the dwelling based on available ethnographic materials. Traditional research methods for historical science are used to solve the tasks set in the work:

comparative historical, typological, descriptive method of analysis of material sources, method of analogies. For the first time, based on a detailed comprehensive planographic analysis of the traces of the archeologized building No. 4, as well as their comparison with residential structures that existed among the aboriginal population of Siberia, it was established that the building from the Yudinsky settlement of Russian 1 was a semi-earthen building with a truncated pyramid-shaped frame. The construction of the ground part of the house is described, as well as details of the internal structure. The walls and roof were built from thin planks or scaffolds, which were then covered with a layer of earth thrown out of the excavation. A narrow corridor-shaped entrance led to the dwelling, above which a canopy was erected. The main open hearth was located in the center of the dwelling, and bunks with another hearth were located at the back wall. As a result of the conducted research, it was established that the monument existed in the period of the 8th–10th centuries.

Keywords: Western Siberia, ethnography, housing construction, The dwelling, Yudin culture, Tributary region, the Russian settlement, The Medieval Era, Archaeology, reconstruction

References (transliterated)

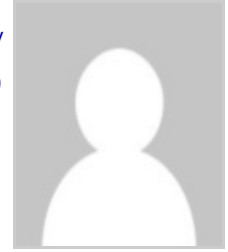
1. Viktorova V. D. Naselenie epokhi zheleza lesnoi polosy Srednego Zaural'ya (opyt sistematizatsii materiala): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Sverdlovsk, 1969. 20 s.
2. Viktorova V. D. Pamyatniki lesnogo Zaural'ya v X–XIII vv. n. e. // Uchenye zapiski PermGU. 1968. № 191. S. 240–256.
3. Viktorova V. D., Morozov V. M. Srednee Zaural'e v epokhu pozdnego zheleznogo veka // Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ekaterinburg, 1993. S. 173–192.
4. Goldina R. D. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1985. 280 s.
5. Golubeva L. A. Kon'kovye podveski Verkhnego Prikam'ya // SA, 1966, № 3. S. 80–98.
6. Gordienko A. V. Molchanovsko-andryushinskaya kul'tura lesnogo Zaural'ya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2013. № 2 (22). S. 31–36.
7. Dolgikh B. O. Starinnye zemlyanki ketov na reke Podkamennaya Tunguska (Po materialam Taimyrskoi ekspeditsii 1948 g.) // SE, 1952, № 2. S. 158–165.
8. Zykov A. P., Koksharov S. F. Drevnii Emdar. Ekaterinburg: Volot, 2001. 320 s.
9. Zykov A. P., Koksharov S. F., Terekhova L. M., Fedorova N. V. Ugorskoe nasledie: drevnosti Zapadnoi Sibiri iz sobranii Ural'skogo universiteta. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat, 1994. 158 s.
10. Matveeva N. P., Zelenkov A. S. Revda-2-1 – novyi pamyatnik srednevekovoi epokhi v Zapadnoi Sibiri // AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Tyumen', 2015. S. 58–73.
11. Matveeva N. P., Orlova L. A., Rafikova T. N. Novye dannye po radiouglerodnoi khronologii Zaural'ya srednevekovoi epokhi // RA. 2009. № 1. S. 140–151.
12. Matveeva N. P., Plasteeva N. A., Chikunova I. Yu. Gorodishche Konyashino 2 v podtaezhnom Zaural'e // AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskii sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Tyumen': Izd-vo Tyum. un-ta, 2013. S. 34–64.
13. Matveeva N. P., Rafikova T. N. Novye dannye o yudinskoi kul'ture (po materialam Krivoluknskogo gorodishcha) // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. – Tyumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, 2006. № 6. S. 105–116.
14. Mogil'nikov V. A. K probleme genezisa ugorskoi etnokul'turnoi obshchnosti //

- Finnougrovedenie. 1994. № 1. S. 61-68.
15. Mogil'nikov V. A. Naselenie yuzhnoi chasti lesnoi polosy Zapadnoi Sibiri v kontse I – nachale II tysyacheletiya n.e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 1964. 18 s.
 16. Mogil'nikov V. A. Ugry i samodiitsy Urala i Zapadnoi Sibiri // Arkheologiya SSSR. Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya. M.: Nauka, 1987. S. 163-235.
 17. Mogil'nikov V. A. Etnokul'turnaya istoriya Zapadnoi Sibiri v Srednie veka: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Moskva, 1990. 45 s.
 18. Moshinskaya V. I. Gorodishche i kurgany Potchevash (K voprosu o potchevashskoi kul'ture) // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR № 35. M., 1953. S. 189-220.
 19. Rafikova T. N. Keramicheskii kompleks kostishcha Pes'yanka-1 (k probleme khronologii i periodizatsii yudinskoi kul'tury) // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2015. № 3 (30). S. 61-71.
 20. Sirelius U. T. Puteshestvie k khantam / perevod s nem. i publikatsiya d-ra ist. nauk N.V. Lukinoi. Tomsk: Izd. Tom. un-ta, 2001. 344 s.
 21. Sokolova Z. P. Zhilishche narodov Sibiri (opyt tipologii). M: TriL, 1998. 288 s.
 22. Tret'yakov E. A. Kul'tura naseleniya Pritobol'ya v epokhu razvitogo srednevekov'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tyumen', 2024. 23 s.
 23. Tret'yakov E. A. Pamyatniki Srednego Zaural'ya vtoroi poloviny I tys. n.e. // Zapadnaya Sibir' v epokhu rannego Srednevekov'ya: vzaimodeistvie etnokul'turnykh obshchnosti. Tyumen': Tyumenskii gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 132-162.
 24. Trunova N. E., Kruzement S. A. Raskopki selishcha Sartymurii 17 i gorodishcha Sartymurii 18 v Surgutskom raione KhMAO-Yugry // Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Tomsk; Khanty-Mansiisk; Izd-vo Tom. un-ta, 2017. Vyp. 15. S. 389-429.
 25. Turova N. P. Kolleksiya naremennoi garnitury rubezha I-II tys. n.e. iz nekropolya yudinskoi kul'tury // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2016. №2 (33). S. 63-76.
 26. Fedorova N. V., Zykov A. P., Morozov V. M., Terekhova L. M. Surgutskoe Priob'e v epokhu srednevekov'ya // Voprosy arkheologii Urala.-Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 1991. Vyp. 20. S. 126-145.
 27. Fefilova T. Yu., Chemyakin Yu. P. Raskopki selishcha Sartym-Urii 16 v Surgutskom raione KhMAO-Yugry // Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Tomsk; Khanty-Mansiisk; Izd-vo Tom. un-ta, 2008. Vyp. 6. S. 177-186.
 28. Chemyakin Yu. P., Fefilova T. Yu. Issledovaniya rannesrednevekovykh pamyatnikov v okrestnostyakh p. Ugut Surgutskogo raiona KhMAO-Yugry // Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo. Tomsk; Khanty-Mansiisk; Izd-vo Tom. un-ta, 2007. Vyp. 5. S. 111-121.
 29. Chernetsov V. N. Nizhnee Priob'e v Itys. n. e // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. 1957. № 58. S. 136-245.
 30. Shatilov M. B. Vakhovskie ostyaki (Etnograficheskie ocherki) // Trudy Tomskogo kraevogo muzeya. T. IV. 1931. 175 s. + 9 l.

The return of Vyborg governorate to the "inner" Russia: the legal dimension of the search for national borders

Postgraduate, Department of Theory and History of Law, Saint-Petersburg State University
199034, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment str., 7/9

✉ tarabara@list.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of projects for joining first part and then the entire territory of the Vyborg province of the Grand Duchy of Finland to the St. Petersburg province bordering it. The features of the government discourse that emerged during the discussion of the planned transformations are considered, and a comparative analysis of cases of "symbolic" confrontation of the imperial administration with alternative national projects for territories with a special institutional structure is carried out. The object of the study is the national policy of the Russian Empire towards Finland in the 1910s, the subject is the office materials of the Special Meeting on the Affairs of the Grand Duchy of Finland and the interdepartmental Commission chaired by Secretary of State S. E. Kryzhanovsky. The main attention is paid to the draft law "On the accession of the Kivineb, Novokirk and Teriyok communities of the Vyborg province to the St. Petersburg province." The author used traditional methods for historical and legal research: analysis, synthesis, a systematic approach and formal legal. It is concluded that the projects under study, on the one hand, reflected a change in the priorities of the national policy of the Russian government from a broad program of Russification of the outskirts to the formation of the "national core" of the empire, on the other hand, represented a unique attempt to harmonize two different institutional systems and alternative approaches to political modernization. In this regard, the work places special emphasis on the limits of social and political transformations acceptable to the highest Russian bureaucracy in such matters as the class affiliation of subjects, the organization of local self-government and the unification of the legal system. The results of the study make it possible to correct traditional historiographical approaches to the national policy of the late Russian Empire, and also highlight the complex internal logic of the legislative process during the Duma monarchy.

Keywords: lawmaking, assimilation, unification, territorial appropriation, national core, modernization, national policy, Grand Duchy of Finland, Vyborg Governorate, local self-government

References (transliterated)

1. Borodkin M. M. Istoriya Finlyandii. Vremya Ekateriny II i Pavla I. – SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1912. – 446 s.
2. Vernyaev I. I. Reshenie kholmskogo voprosa: diskursivnye praktiki v Rossiiskoi Imperii nachala KhKh v. // Rusin. – 2018. – № 3 (53). – S. 97–114.
3. Delo ob obrazovanii Kholmskoi gubernii iz vostochnykh chastei Lyublinskoi i Sedletskoi gubernii // RGIA. F. 1278. Op. 2. D. 883.
4. Delo ob otklonenii proekta prisoedineniya dvukh prikhodov Vyborgskoi gubernii k Peterburgskoi gubernii // RGIA. F. 1276. Op. 18. D. 156
5. Zhurnal vysochaishe uchrezhdenного Osobogo soveshchaniya po delam Velikogo knyazhestva Finlyandskogo ot 21 aprelya 1914 g. o prisoedinenii Vyborgskoi gubernii k Rossii // RGIA. F. 1276. Op. 26. D. 40.
6. Kabuzan V. M. Narody Rossii v XVIII veke. Chislennost' i etnicheskii sostav. – M.: Nauka, 1990. – 254 s.

7. Kappeler A. Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad / per. s nem. S. M. Chervonnaya. – M.: Progress-Traditsiya: Traditsiya, 2000. – 342 s.
8. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1: Vvedenie i obshchaya chast'. Izdanie shestoe, pod redaktsiei i s dopolneniyami M. B. Gorenberga – SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1909. – 623 s.
9. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 2: Chast' osobennaya. Izdanie shestoe, pod redaktsiei i s dopolneniyami M. B. Gorenberga – SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1909. – 739 s.
10. Koval'ov D. V. Zarozhdenie i razvitie svekomanskoi oppozitsii v Velikom Knyazhestve Finlyandskom // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. – 2017. – № 2 (14). – S. 28–35.
11. Kryzhanovskii S. E. Vospominaniya: iz bumag S. E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiiskoi imperii. – SPb.: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 2009. – 228 s.
12. Kuyala A. Krizis v russko-finskikh otnosheniyakh (1899–1916) // Russkii Sbornik: issledovaniya po istorii Rocsii. T. XVII: Finlyandiya i Rossiya. – M.: Modest Kolerov, 2015. – S. 198–213.
13. Miller A. I. Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 315 s.
14. Mironov B. N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. T. 1. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2018. – 896 s.
15. Proekt zakona, ob"yasnitel'naya zapiska i prilozheniya o prisoedinenii Kivinebskoi, Novokirskoi i Teriokskoi obshchin Vyborgskoi gubernii k sostavu S.-Peterburgskoi gubernii – SPb., 1914. – 24, 174, 436 s.
16. Protokoly Osoboi mezhdovedomstvennoi komissii dlya rassmotreniya zakonoproekta o prisoedinenii dvukh prikhodov Vyborgskoi gub. k sostavu Peterburgskoi gub. // RGIA. F. 1219. Op. 1. D. 8.
17. Statisticheskii ezhegodnik Finlyandii: novaya seriya. God odinnadtsatyi. 1913. – Gel'singfors: tip. Imperatorskogo Senata, 1914. – XXXI, 636 s.
18. Urusov S. D. Zapiski gubernatora: Kishinev. 1903–1904 g. – M.: V. M. Sablin, 1907. – 377 s.
19. Yussila O., Khentilya S., Nevakivi Yu. Politicheskaya istoriya Finlyandii, 1809–2009. / per. Yu. S. Deryabina. – M.: Ves' Mir, 2010. – 471 s.
20. Snellman A. The nobility of Finland 1809–1919: From imperial loyalism to nationalist conflict // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. – 2014. – №. 4. – S. 112–129.

Income Property in Moscow at the turn of the 19th and 20th centuries as an economic phenomenon

Orchakova Larisa Gennad'evna

Doctor of History

Professor of the Department of History, Institute of Humanities, Moscow City University

4 2nd Agricultural Ave., Moscow, 129226, Russia

✉ OrchakovaLG@mgpu.ru

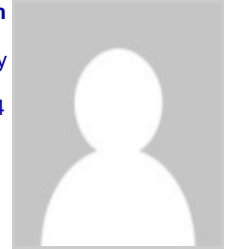

Ilmiev Roman Imranovich

Postgraduate student; Department of History of the Institute of Humanities; Moscow City Pedagogical University

129347, Russia, Moscow, Prokhodchikov str., 1, sq. 84

✉ ilmievri@mgpu.ru

Abstract. The turn of the 19th to the 20th century marked a period of industrialization and urbanization that significantly impacted social and economic dynamics. Moscow, like other metropolises of the time, experienced rapid urban population growth, creating a demand for both housing and commercial spaces. In this context, studying the emergence and development of income properties is highly relevant as it sheds light on how urban spaces, society, and human relationships to housing transformed under the influence of economic and social changes during this period.

This research examines and analyzes the role and place of income properties within the urban housing system, assessing how accessible life in such buildings was for city dwellers, the economic foundations behind their emergence, and the impact of their construction on Moscow's architectural landscape. The conclusion offers a summarized evaluation of the economic, social, and cultural significance of income properties in Moscow. The scientific novelty of this study lies in the underexplored history of Moscow's income properties from financial-economic and social perspectives. Firstly, analyzing financial-economic aspects allows for a deeper understanding of investment mechanisms in urban real estate and their influence on market formation. Investigating the motives and financial strategies of owners and investors in income properties can illuminate the reasons behind the success or failure of such ventures, as well as their role in the city's economic development. Secondly, exploring social aspects enables an examination of issues related to social mobility, population structure, and social changes occurring within the context of urban development. These topics broaden our understanding of the city's social history.

Studying these relationships will introduce previously unpublished materials into circulation, systematizing existing data based on diverse sources of information.

Keywords: entrepreneurs, architecture, urbanization, homeowners, households, income properties, boarding houses, the history of Moscow, Moscow studies, Moscow

References (transliterated)

1. Vasil'eva Yu., Khairullina A., Novikov S. Istoriya pervykh dokhodnykh domov Kazani // Mir iskusstv: vestnik mezhdunarodnogo instituta antikvariata. 2013. S. 74–78.
2. Vsyā Moskva. Adresnaya i spravoch'naya kniga... M.: Suvorin «Novoe vremya», 1902.
3. Gilyarovskii V. A. Zapiski moskvicha. M.: Federatsiya, 1931.
4. Goikhbarg A. G. Zakon o prave zastroiki (Vys. utv. 23 iyunya 1912 g. Sobr. uzak. № 130, st. 1147). Tekst s ob'yasn. Prakt. komment. / A. G. Goikhbarg. SPb.: Yurid. kn. sklad «Pravo», 1913.
5. Danyaeva L. N. Dokhodnyi dom kak arkhitekturnyi prototip mnogokvartirnykh zhilykh zdaniy // Privolzhskii nauchnyi zhurnal. 2021. S. 172–177.
6. Danyaeva L. N., Krainova D. A. Arkhitekturno-kompozitsionnoe i tipologicheskoe formirovanie zhilykh zdaniy na primere dokhodnykh domov serediny XIX–XX vv. Nizhnii Novgorod: NNGASU, 2020.
7. Demidovich D. M. Dokhodnye doma Sankt–Peterburga kak sotsial'noe yavlenie (1870–e gg. – nachalo XX veka): Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2021.

8. Kir'yanov Yu. I. Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.). M.: Nauka, 1979.
9. Moskovskoe gorodskoe kreditnoe obshchestvo. Vedomost' tsen na zemlyu v gorode Moskve dlya rukovodstva pri prieme v zalog Moskovskim gorodskim kreditnym obshchestvom nedvizhimykh imushchestv, utverzhdannaya 12-go dekabrya 1913 goda XX-m ocherednym sobranie gg. upolnomochennykh na 1914 god. M.: Gor. tip., 1914.
10. Statisticheskii atlas goroda Moskvy. Territoriya, sostav naseleniya, gramotnost' i zanyatiya. M.: sost. Stat. otd. Mosk. Gor. Upravy, 1911.
11. Cheredina I. S., Rybakova E. Yu. Dokhodnye doma v Berline i Moskve: istoriya i razvitie // Voprosy teorii i istorii v gradostroitel'stve. Tom 1. Novye idei novogo veka. 2019. С. 365–371.
12. Shcheglovitov S. G. Gorodovoe polozhenie s zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami i dopolnitel'nymi uzakoneniymi. SPb.: tip. M. M. Stasyulevicha, 1892.

"One-story" Zemstvo: K. N. Paskhalov's project on the abolition of provincial zemstvo institutions

Polyanina Olga Anatolyevna

PhD in History

Associate Professor, Institute of History and Public Administration; Ufa University of Science and Technology

Office 604, Karl Marx str., 3/1, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia

✉ olga-polyanina@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the project of one of the leaders of the right-wing movement of pre-revolutionary Russia, K. N. Paskhalov, on the abolition of provincial zemstvo institutions. The main purpose of the work is to evaluate Paskhalov's reforms that took place in the zemstvo —local government system. Based on this goal, the author faced two tasks: 1) to analyze the mechanism of transition to a "one-story" zemstvo developed by Paskhalov; 2) to study the results of the discussion of these ideas in zemstvos and on the pages of the periodical press. Special attention is paid to the legal prerequisites for the formation of the Paskhalov concept. The emphasis is placed on the relevance of this topic, since the arguments of Paskhalov's supporters and opponents may be in demand during the discussion on the territorial organization of local self-government in modern Russia. The methods used in this study include historical and legal ones. Methodological foundations also include the principle of objectivity, the principle of historicism, and the principle of consistency. The scientific novelty of the work consists in comparing Paskhalov's project with the responses to his proposals from the zemstvo authorities and individual municipal figures. According to Paskhalov, the Zemstvo Regulations should have clearly delineated the powers and functions of the two levels of zemstvo self-government. The absence of such standards led to an increase in unproductive expenditures of the provincial zemstvo and to the depletion of county budgets. Paskhalov argued that the county should remain the only territorial unit of local government. The procedure for the transition to a single-level model provided for the gradual transfer of the provincial zemstvo's property and capital into the hands of the counties. In the course of the study, it was found that Paskhalov's project caused quite a large public outcry. In 1909-1910, this topic was discussed at county zemstvo meetings in different regions. Many zemstvo leaders agreed with Paskhalov's theses on the need to reform medical institutions, road and insurance business. Several county zemstvos decided on the need to abolish provincial local government bodies. In 1911, the topic was repeatedly discussed on the

pages of the specialized magazine Zemstvo Business. Objecting to the complete transition to a "one-story" zemstvo, the authors of the magazine, at the same time, proposed a number of specific measures to regulate the relationship between provincial and county zemstvos.

Keywords: two-level model, single-level model, Separation of powers, Zemstvo Business Magazine, county zemstvo, provincial zemstvo, Zemstvo, Zemstvo Position, local government, K. N. Paskhalov

References (transliterated)

1. Ivanov A. A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917) / Nauch. red. I. V. Alekseeva. Moskva; Sankt-Peterburg: «Al'yans-Arkheo», 2013. – 520 s.
2. Kir'yanov Yu. I. Krainie pravye partii i obshchestvo // Istoriya Rossii. Seriya analiticheskikh obzorov i sbornikov. 1999. № 1. S. 161-179.
3. Mikhailova E. M. Pravye partii Povolzh'ya v gody Pervoi mirovoi voiny // Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii. 2014. № 4(18). S. 80-90.
4. Omel'yanchuk I.V. Sotsial'nyi aspekt ideologii rossiiskikh konservatorov nachala XX stoletiya // Tetradi po konservatizmu. 2020. № 1. S. 428-463. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-428-463
5. Gaida F. A. Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917). Moskva: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2016. – 604 s.
6. Saevskaia M. A. Konservativnye kontseptsii zemskogo samoupravleniya (1864–1905 gg.). B. m.: «LitRes: Samizdat», 2021. – 103 s.
7. Grigor'ev P. N. K voprosu o vzaimootnosheniyakh gubernskikh i uездnykh zemstv v oblasti narodnogo obrazovaniya // Zemskoe delo. 1911. № 5. S. 421-423.
8. Veselovskii B. B. Ukazatel' literatury po zemskim voprosam. K voprosu o vzaimnykh otnosheniyakh gubernskogo i uездnykh zemstv // Zemskoe delo. 1910. № 18. S. 1555-1557.
9. «Klin vybivaetsya tol'ko klinom». Perepiska grafa S. D. Sheremeteva s K. N. Paskhalovym. 1905–1906 gg. // Vestnik arkhivista. 2006. № 1. S. 226-238.
10. Neobkhodimaya reforma zemskikh uchrezhdenii. Ryad statei K. Paskhalova. Moskva, 1910. – 39 s.
11. Medynskii E. N. Zadachi gubernskogo zemstva v oblasti vneshkol'nogo obrazovaniya // Zemskoe delo. 1912. № 15-16. S. 953-961.
12. Paskhalov K. Zemskie yubileinye itogi // Moskovskie vedomosti. 1914. 11 yanvarya. № 8.
13. Paskhalov K. Po povodu 50-letiya uchrezhdeniya zemstva // Moskovskie vedomosti. 1914. 9 yanvarya. № 6.
14. Paskhalov K. Zemskie yubileinye itogi // Moskovskie vedomosti. 1914. 17 yanvarya. № 13.
15. Gronskii P. P. Zemskaya reforma v Gosudarstvennoi Dume. Petrograd: Tipografiya akts. obshch. «Slovo», 1916. – 32 s.

The educational policy of the Russian Empire in the Turkestan region in the mirror of Russian journalism of the late nineteenth and early twentieth centuries.

Klimashin Alexey L'vovich

Assistant Professor; Faculty of Humanities and Social Sciences; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

10-2 Mklukho-Maklya str., Moscow, 117198, Russia

✉ klimashinaleksei@mail.ru

Arslanov Rafael' Amirovich

Doctor of History

Professor; Department of Russian History; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10 bldg. 2

✉ ars_rafa@mail.ru

Abstract. The object of the study is the process of formation of the educational system in the Central Asian territories of the Russian Empire in the late nineteenth and early twentieth centuries. The subject of the study is a reflection of the process of formation of the educational system of Central Asia in Russian journalism of the late nineteenth and early twentieth centuries. This article highlights the attitude of Russian publications of the post-reform modernization era to the educational policy pursued by the imperial administration in the territories of Central Asia. The differences between conservative, liberal and democratic views on the goals and methods of the education system being created in the Muslim environment are noted. The article highlights the attitude of publicists to the ambiguous perception of the traditional local school by the Russian administration. Particular attention is paid to the criticism of inconsistency and fluctuations in government policy in the field of education. The constructive proposals of publicists aimed at ensuring the synthesis of some aspects of traditional and Russian educational institutions, contributing to the acculturation of the local population and the gradual integration of the region into the Empire, are revealed. The work used the historical and genetic method, which make possible to trace the development of the educational policy of Russia in the Central Asia on the pages of domestic publications; comparative, which allows to establish the general and special in its perception by publicists; the principle of historicism, revealing their attitude to the educational policy of the authorities in the historical context of the epoch of the early twentieth century. The problem of reflecting the educational policy of Russia in Central Asia in periodicals of that time has not been the subject of special analysis. Conservative authors advocated a policy of religious tolerance, the spread of the Russian school and the inclusion of the younger generation of the local population in its educational process. The main task of educational policy in the region for liberals for a long time has been to reduce the level of Muslim fanaticism, to introduce civilization through the development of education, to reform Russian-native schools, madrassas and mektebe, to provide cultural autonomy to the population of the region, the need for a synthesis of secular and national schools. Populist publications suggested using a public resource in the creation and development of a local school. Representatives of all directions agreed that only with the help of education and the dissemination of European values is it possible to overcome the cultural isolation of the region, national and religious extremism, undermining the foundations of its integration with Russia.

Keywords: Central Asia, Education policy, Kaufman journal, Russian Empire, Northern Herald, Orthodox Evangelist, Russian thought, Historical Bulletin, Herald of Europe, Russian wealth

References (transliterated)

1. A.P. Iz obshchestvennoi zhizni Tashkenta // Russkoe bogatstvo. 1904. № 9. S. 169-193.
2. Bendrikov K.E. Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane (1865–1924 gody). M., 1960. 509 s.
3. Vasil'ev D.V., Lyubichankovskii S.V. Narodnoe prosveshchenie v Tsentral'noaziatskikh vladenyakh Rossiiskoi imperii kak ob"ekt akkul'turatsii // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki. T. 1, № 1, 2019. S. 5-13.
4. Venyukov M. Turkestanskies voprosy // Russkaya mysl'. 1899. № 9. S. 474-503.
5. Volkov I.V. Rol' Rossii v istoricheskikh sud'bakh narodov Srednei Azii: dorevolutsionnyi period. M., 2018. 584 s.
6. Larusin S. Narodnaya shkola v kirgizskoi stepi // Severnyi vestnik. 1889. № 5. S. 43-60.
7. Litvinov P.P. Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane. (1865–1917). Elets, 1998. 319 s.
8. Lykoshin N.S. Polzhizni v Turkestane. Pg., 1916. 415 c.
9. Markov E.L. Na Oksuse i Yaksarte // Russkoe obozrenie. 1893. № 12. S. 619-661.
10. Milishch (psevd) O musul'manskom dvizhenii // Vestnik Evropy. 1912. № 8. S. 356-371.
11. N.M. Russko-tuzemnye musul'manskies shkoly v Turkestane // Pravoslavnyi blagovestnik. 1900. № 12. Iyun'. S. 356-371.
12. Ostroumov N.P. Konstantin Petrovich fon Kaufman-ustroitel' Turkestanskogo kraja. Lichnye vospominaniya N. Ostroumova (1877–1881 gg.) Tashkent. 1899. 286 s.
13. Ostroumov N. Kolebaniya vo vzglyadakh na obrazovanie tuzemtsev v Turkestanskom krae// Kaufmanskii sbornik. 1910. S. 139-160.
14. Ostroumov N.P. Madrasy v Turkestanskom krae // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1907. № 1. Chast' 7. S. 1-51.
15. Ostroumov N.P. Musul'manskies maktaby i russko-tuzemnye shkoly v Turkestanskom krae // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1906. № 2. Chast' 1. S. 113-166.
16. Ostroumov N.P. Kharakteristika religiozno-nravstvennoi zhizni musul'man, preimushchestvenno Srednei Azii // Pravoslavnyi blagovestnik. 1880. № 6. S. 229-324.
17. Pavlovskii E.N. Ocherki Samarkandskoi oblasti // Istoricheskii vestnik. 1911. № 12. S. 1118-1143.
18. Petrovskii N. Ocherki Kokandskogo khanstva // Vestnik Evropy. 1875. № 10. S. 722-757.
19. Pis'mo A.B. Vrevskogo Suvorinu A.S. RGALI. F. 459. Op. 1. ed. khr. 806. 1 p. 26 marta 1908 g.
20. Russko-tuzemnye shkoly Syr-Dar'inskoi oblasti v 1898 godu // Pravoslavnyi blagovestnik. 1899. № 3 (fevral'). S. 120-121.
21. T-ov S. Andizhanskoe vosstanie i ego prichiny // Istoricheskii vestnik. № 5. 1908. S. 666-670.
22. Terent'ev M. Turkestan i turkestantsy // Vestnik Evropy. 1875. № 10. S. 65-112.
23. Tuzemnye uchebnye zavedeniya v Turkestanskom krae: medrese i mektebe // Pravoslavnyi blagovestnik. 1897. № 14. Iyul'. S. 250-258.
24. Fedorov G.P. Moya sluzhba v Turkestanskom krae // Istoricheskii vestnik. 1913. № 9.

S. 787-812.

25. Fedorov G.P. Moya sluzhba v Turkestanskom krae // Istoricheskii vestnik. 1913. № 10. S. 34-55.
26. Pis'mo A.B. Vrevskogo Suvorinu A.S. RGALI. F. 459. Op. 1. ed. khr. 806. 1 p. 26 marta 1908 g.
27. Shkapskii O. Amu-dar'inskie kulaki pered sudom Shariata i kaziev // Russkaya mysl'. 1898. № 8. S. 46-66.
28. Shkapskii O. Proshloe i nastoyashchee Turkestana // Vestnik Evropy. 1915. № 6. S. 131-157.
29. Yuzhakov. Yu.D. Itogi 27-letnego upravleniya Turkestanskim kraem // Russkii vestnik. 1891. № 8. S. 1-51.
30. Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii. (S. Abashin, D. Arapov, N. Bekmakhanova i dr.) M., 2008.
31. Tsimmerman E. Po zakaspiiskoi zheleznoi doroge // Russkaya mysl'. 1889. № 3. S. 17-44.

Supplying the Kostroma militia with horses in 1812

Kondrat'ev Nikolai Vladimirovich

Chief Librarian; Information Center "K. D. Ushinsky Library" Russian Academy of Education

127550, Russia, Mbscow region, Mbscow, Dmitrovskoe shosse, 37 building 1, block 134

✉ nickolay.kondratjev@yandex.ru

Abstract. The purpose of the work is to clarify the data of historiographic research and to present new facts about the supply of horses for the Kostroma militia during the Patriotic War of 1812.

The sources include documents from the funds of the Russian State Military Historical Archive, the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Kostroma Region. The documentary data are compared with the texts of K.A. Voensky, V.R. Apukhtin, N.N. Vinogradov and others.

An important component of the information in the sources is the mechanisms for recruiting the equestrian staff of the main and reserve militias, the calculation of combat and draft horses, and the issues of handing over horses at the end of military operations. The documents allow us to assess the military-economic potential of the Kostroma province in the selected aspect. The results obtained allow us to assess and interpret indicators such as: general information on horse supplies, the ratio of quantitative indicators and the requirements of military articles, etc. In the future, it will be possible to use information about the provision of the Kostroma militia with horses to compare it with other militias of the 3rd district. The following conclusions were made based on the results of the study: firstly, despite significant irreparable losses in the regional archive, a comparison of documents and historiographical studies allows us to present a very interesting aspect of the history of the Kostroma militia of 1812; secondly, documentary materials reveal previously unknown aspects of the topic, for example, the supply of horses not only for the main, but also for the reserve militia.

Keywords: Vinogradov, Apukhtin, Voensky, militia, Kostroma militia of 1812, Kostroma province, militia districts, people's militia, The Patriotic War of 1812, Vinogradova

References (transliterated)

1. Andrianov P. Velikaya otechestvennaya voina. Bor'ba Rossii s Napoleonom v 1812 g. Odessa: tip. Akts. Yuzh.-rus. o-va pech. dela, 1912. 288 s.
2. Apukhtin V.R. Narodnaya voennaya sila. Dvoryanskie opolcheniya v Otechestvennuyu voinu. T.1. Ch. 1-2. M.: T-vo "Pech. S.P. Yakovleva", 1912. 124 s.
3. Akhsharumov D. I. Istoricheskoe opisanie voiny 1812-go goda. SPb., 1813. 134 s.
4. Babkin V.I. Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [B. m.], 1962 . 705 s.
5. Begunova A.I. Povsednevnyaya zhizn' russkogo gusara v tsarstvovanie Aleksandra I. M.: Molodaya gvardiya, 2000. 383 s.
6. Begunova A.I. Sabli ostry, koni bystry...: Iz istorii russkoi kavalerii. M.: Mol. gvardiya, 1992. 253 s.
7. Belousov S.V. Penzenskoe opolchenie v epokhu Otechestvennoi voiny 1812 g: Uch. posobie. Penza, izd. PGU, 2022. 98 s.
8. Beskrovnyi L. G. Otechestvennaya voina 1812 goda. M., 1962. 610 s.
9. Bogdanovich M. I. Istoriya Otechestvennoi voiny 1812 goda po dostovernym istochnikam. V 3 t. SPb, 1859–1860.
10. Bumagi, otnosyashchiesya do Otechestvennoi voiny 1812 goda, sobrannye i izdannye P. I. Shchukiny. Ch. 1–10. M., 1897–1908.
11. Buturlin D.P. Istoriya nashestviya imperatora Napoleona na Rossiyu v 1812 godu s ofitsial'nykh dokumentov i drugikh dostovernykh bumag rossiiskogo i frantsuzskogo general'nykh shtabov. Ch.1-2. Spb, 1823–1824.
12. Vinogradov N.N. Kostromskoe opolchenie // Kineshemskii kalendar' na 1916 god. Kineshma, 1916, otдел III. S. 77-88.
13. Vinogradova S.G. Boevoi put' Kostromskogo opolcheniya 1812–1815 gg. // Gubernskii dom, Kostromskaya starina. 1995. T. 7. S. 20-24.
14. Voenskii K.A. Kostromskoe opolchenie v 1812 godu. SPb.: Sinod. tip., 1909. 33 s.
15. GAKO F. 812 Op.1 Sv.2 D.27 (shtamp «vybylo»)
16. GAKO F. 812 Op.1 Sv.1 D.26 (shtamp «vybylo»)
17. GAKO F.122 Op.3 D.495 (shtamp «vybylo»)
18. GAKO F.122 Op.3 D.544 (shtamp «vybylo»)
19. GAKO F.122 Op.3 D.557 (shtamp «vybylo»)
20. GAKO F.179 Op.1 D.951/1552 (shtamp «vybylo»)
21. Zapiski o Kostromskom opolchenii // Vestnik Evropy, 1815, Ch. 81, № 12. S. 297-313.
22. Ivanov M.Yu. Simbirskoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812g. i Zagranichnom pokhode 1813–1814 gg. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Samara, 2002. 21 s.
23. Kabanov A.K. Opolcheniya 1812 goda // Otechestvennaya voina i russkoe obshchestvo. 1812–1912. Yubileinoe izdanie. Tom V. M., Izdanie T-va I.D. Sytina, 1912. 272 s.
24. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. T. 12: Kostromskaya guberniya / Sost. Ya. Krzhivoblotskii. Spb., tip. Tiblena i K°, 1861, 636 s.
25. Mikhailovskii-Danilevskii A. I. Opisanie Otechestvennoi voiny v 1812 godu. V 4 t. SPb., 1839.
26. Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda: sbornik dokumentov. Sost. Al'tshuller R.E., Beskrovnyi L.G. M.: Nauka, 1962. 547 s.

27. Nikolaev D.A. Nizhegorodskoe rezervnoe opolchenie 1812 g. Nizhnii Novgorod tip. «PromoLink», 2023. 283 s.
28. Oboz voennyy // Voennaya entsiklopediya: T. 1-18 / Pod red.polk. V. F. Novitskogo i dr. SPb.; Pg.: T-vo I. D. Sytina, 1911–1915 T. 17 S. 68-73.
29. Otechestvennaya voyna 1812 goda: Materialy Voenno-uchenogo arkhiva. T. 1–21. SPb., 1900–1914.
30. Rakhimov R.N. Podarok Bashkiro-meshcheryakskogo voiska: stepnye loshadi dlya russkoi armii // Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. IX: Sbornik materialov. K 200-letiyu Otechestvennoi voyny 1812 g. / Red.-sost. V.M. Bezotosnyi, A.A. Smirnov // Trudy GIM. M.: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, 2010. Vyp. 183. S. 207–213.
31. RGVIA F.846 Op.16 D.3465 Ch.12.
32. RGIA F 1286 Op.2 D. 285.
33. Sapozhnikov A.I. Voisko Donskoe v Otechestvennoi voine 1812 g. Avtoref. diss... doktora ist.nauk. SPb, 2013. 52 s.
34. Sbornik istoricheskikh materialov, izvlechennykh iz Arkhiva sobstvennoi E.I.V. kantselyarii. / Izd. pod red. N. Dubrovina. Vyp. 1–16. M., 1876–1906.
35. Spiridonova L.M. Penzenskoe opolchenie v 1812–1815 gg. Avtoref.diss... kand. ist.nauk. Belgorod, 2013. 24 s.
36. Tul'skoe voennoe opolchenie 1812–1814 gg. Dokumenty i materialy / Sost. M.R. Bedelev, I.G. Burtsev. Tula, Gosudarstvennyi muzei-zapovednik «Kulikovo pole», 2013. 1058 s.